Виктория
Бесфамильная
Баба-Яга
на
договорной основе

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда в очередной понедельник очередной недели я приняла решение что-то поменять в своей жизни, я вовсе не думала, что изменения будут настолько кардинальными. И соглашаясь на заманчивое предложение о работе, я уж точно не рассчитывала обнаружить себя в деревянной избушке на курьих ножках в роли Бабы-Яги. И теперь у меня есть свой огород, баня, контракт, подписанный на три года без права увольнения по собственному желанию, и куча местных рыцарей мечтающих прославиться в борьбе с мировым злом. Тот кто утверждал, что любую работу надо время от времени менять, явно не оказывался в подобной ситуации. Но если я не могу уволиться сама, значит надо сделать так, чтобы меня уволили. Самое главное суметь остаться в живых, и хорошо бы еще быть при этом в трезвом уме и твердой памяти.

- Виктория Бесфамильная
  - ○

Виктория Бесфамильная
Баба-Яга на договорной основе

Все герои и события этой книги основаны на реальности. С каждым из героев этой книги автор знакома лично, ну разве что кроме Кощея, который, я уверена, где-то обязательно существует.

Знаете, когда вам а) уже за тридцать, б) у вас нет детей, в) у вас нет мужа, г) у вас нет парня и не предвидеться и д) вы работаете секретарем в маленькой компании без какой-либо перспективы роста, то время от времени у вас возникает стойкое желание все изменить. Ну или хотя бы ту часть, которую вы изменить можете. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в очередной понедельник очередной недели мне захотелось перемен, а именно: больше денег и больше возможностей. Самым закономерным решением в этом случае стала попытка сменить работу. А посему выйдя прогуляться в обеденный перерыв, я направила свои стопы к ларьку союзпечати и набрала там кучу соответствующей литературы, попросту газет.

— Дай красавица погадаю, всю правду расскажу, — немолодая цыганка схватила меня за руку.

Но прежде чем первое слово правды слетело с ее губ, я уже захлопывала за собой бронированную дверь офиса. Отдышавшись и приведя себя в некое подобие порядка, я принялась за поиски лучшей доли и, о чудо, почти сразу же ее нашла. Объявление было солидным, обещающим и манящим, и самое главное, написанным, будто специально для меня. Гласило оно следующее: «Для работы в представительстве компании за рубежом требуется молодая девушка, возраст от 25 до 30 лет, с опытом работы на административных должностях не менее 3 лет, и знанием двух иностранных языков». А вы бы не клюнули на возможность работать за рубежом? В результате утром следующего дня я сидела в стильной приемной выдержанной в серо — голубых тонах в преддверии собеседования и молилась всем известным и неизвестным богам, чтобы меня взяли на эту работу. А причин для этого у меня было как минимум десять, и все они представляли собой молодых, элегантных, высоких, симпатичных сотрудников мужского пола, встреченных мной по

дороге к кабинету начальства. И не стоит судить меня слишком строго, потому, что когда вам уже за тридцать, наличие в новой компании минимум десяти свободных парней уже может служить веской причиной для смены работы. Хотя мир, конечно же, несовершенен, в чем я лишний раз убедилась, когда меня пустили в святая святых и собеседование началось. Как оказалось, сотрудник им нужен был совсем для другого офиса и выступал они своего рода посредниками между работодателем и кандидатом. Но перспективы, несмотря ни на что, оставались радужными и к тому же собеседующий меня мужчина был таким элегантным, обходительным и очаровательным, словно только что сошел со страниц любовного женского романа. И я, как последняя дурочка, зная, что работать вместе мне не светит, слушая вполуха описания будущей своей работы, придумывала имена наших будущих детей. Результатом этого часового собеседования стали два мужских имени: Саша и Миша, если будут мальчики, и два женских имени: Настя и Катя, если будут девочки, а также без малейшего сомнения подписанный трудовой контракт, являвший собой толстый фолиант листов на сто, обещание незамедлительно написать заявление об уходе и готовность приступить к новой работе с понедельника, продиктованная видимо старой освещенной временем традицией начинать новую жизнь непременно с понедельника. Офис я покинула в состоянии легкой эйфории и, добравшись в свою контору, приступила к выполнению обещаний. Начальство мое как водиться повозмущалось для порядка, но заявление подписало и в пятницу мне были устроены традиционные шампанское, тортик, цветы и пожелания успехов. Суббота прошла в поисках нового костюма, который соответствовал бы моему новому статусу и офису, и чемодана, не очень дорогого, но способного вместить мой скромный гардероб, и непременно на колесиках, не таскать же мне его самой по аэропортам. В воскресенье я позволила себе роскошь новой стрижки и профессионального маникюра и педикюра, и легла спать полная радужных мечтаний о новой жизни и надежд на то, что эти мечтания сбудутся.

Знаете, когда вам а) уже за тридцать, б) у вас нет детей, в) у вас нет мужа, г) у вас нет парня и не предвидеться и д) вы работаете секретарем в маленькой компании без какой-либо перспективы роста, то не стоит менять свою жизнь слишком уж радикально, велика вероятность, что эти перемены вам не понравятся.

В тот понедельник, который должен был стать началом моей новой жизни, я проснулась от крика петуха. Самый настоящий

петух истошно вопил под моим окном и не думал затыкаться. И когда мой ошалевший мозг сумел после сотой попытки соединиться с моим же телом, я решила выяснить причину этой странности, подозревая, что соседи мои сошли все-таки с ума. Я встала с кровати и со всего размаху грохнулась пятой точкой на деревянный пол, а за моей спиной этаким живописным экскурсом в прошлое возвышалась русская печка.

Психологи советуют в необычной ситуации досчитать до десяти, осмотреться, разобраться в ситуации и самое главное никогда не поддаваться панике. Я поступила так как советуют психологи: досчитала до десяти, огляделась, попыталась разобраться в ситуации и… мне удалось доказать, что человек — это звучит гордо. Думаю, мой истошный вопль слышала вся округа. По крайне мере этот петух поперхнулся своим гордым криком и замолчал.

Минут через двадцать, прекратив кричать, по причине потери голоса, и досчитав от тысячи до нуля, я огляделась еще раз. Интерьер не изменился, разве что пополнился новыми пикантными деталями. За моей спиной по — прежнему возвышалась обыкновенная русская печка, с которой я видимо и упала. Подо мной был деревянный пол, застеленный цветными вязаными дорожками. Над головой возвышался несколько нетривиальный потолок. А вокруг меня были деревянные, я бы даже сказала бревенчатые стены, на которых висели: огромное, в человеческий рост зеркало, в деревянной резной раме, блюдечко с голубой каемочкой, к которому было приклеено красное яблоко, и несколько разных полок, заставленных различными флаконч иками и горшочками. Также мной был замечен огромный кованый сундук и притулившаяся в углу метла. Единственным предметом в этой комнате, радующим глаз, был самый стандартный стол, окруженный, увы мне, скамейками. Оглядев все это убранство в стиле древнерусского минимализма раза три, побившись головой об пол с целью приведения мыслей в порядок, я наконец-то забилась в самой настоящей истерике, со всеми причитающимися истерике атрибутами. В чувство меня привел ушат холодной воды, выплеснутый чьей-то заботливой рукой на мою бедную голову. Мы с истерикой просто захлебнулись.

— Ты в порядке? — поинтересовался откуда-то сверху бархатистый голос.

— Почти, — заверила я.

После того как мне удалось отфыркаться и отряхнуться от этого водопада, я попыталась рассмотреть пришельца, коим оказался высокий, кареглазый брюнет, с идеально — правильными чертами лица и белозубой улыбкой «мечта

стоматолога». Я почувствовала, как на моем лице расплывается улыбка, тем более идиотская, что я сидела в луже, похожая на мокрую курицу.

— Спасибо, вы мне очень помогли, — снова улыбнулась я, делая попытку встать на ноги.

— Всегда к вашим услугам, — сверкнул зубами мой спаситель, протягивая руку. — Разрешите представиться: Кощей Бессмертный, — поклонился он, и окружающий мир встал с ног на голову.

— Ничего страшного. Сейчас все будет в порядке. Вот выпей водички, — я почувствовала, как на меня повеяло прохладной свежестью.

Еще не открывая глаз, я сделала пару глотков и попыталась проанализировать свои чувства. Немного болело тело, наверное от удара, и слегка гудело в голове, наверное тоже от удара. Видимо я слишком сильно стукнулась и теперь у меня галлюцинации, решила я. Все же это объяснение было более вероятным, чем превращение моей квартиры в старорусскую избу и появление Кощея Бессмертного.

— Простите меня, — я снова попыталась улыбнуться голливудскому красавцу, в глубине души подозревая, что внешность его тоже не более чем моя галлюцинация.

— Ничего страшного. Вполне обычная реакция. Поживете здесь пару дней, пообвыкнете, наберетесь опыту, и сами будете смеяться над своими страхами.

— Простите, я что-то не совсем понимаю. Где это здесь и какого опыта я должна набраться?

— Ну здесь это у нас в Лукоморье. Ну а насчет опыта. Какой бы опытной ведьмой вы не были, но у Бабы — Яги все же своя специфика работы.

Собственно для того, чтобы понять, что я сошла с ума, врач мне уже был не нужен. Оставалось неясным, насколько это было необратимо.

— Итак, значит я Баба — яга, вы Кощей Бессмертный, находимся мы в Лукоморье, а этот домик, я полагаю, избушка на курьих ножках, — уточнила я свой диагноз.

— Ну вот видите как все замечательно, — обрадовался мой новый знакомый, в очередной раз помогая мне встать и усаживая меня на скамейку. — Может чайку? — улыбнулся он, лихо выставляя на стол самовар, чашки с блюдцами, сахар, лимон и сдобу. — Мы, знаете ли, уже заждались, шутка ли полгода без Бабы — яги, так, знаете ли, недолго и до всеобщего краха. Мы с Василисой, женой моей — пояснил он, подавая мне чашку с горячим чаем, — старались, конечно, сами справляться, но как я

уже говорил, у Бабы — яги своя специфика, или специализация, если хотите, так что тут без профессионала не обойтись.

Странный молодой человек говорил что-то еще, а меня не покидала уверенность в том, что все это мой бред, и потому я пыталась вспомнить способы борьбы с этим состоянием, и только одно не давало мне покоя: для галлюцинации чай был слишком уж хорош.

— А раньше вы на чем специализировались? На гадании, ворожбе, знахарстве, порче? — поинтересовался именующий себя Кощеем.

— Раньше? Раньше я специализировалась на делопроизводстве и телефонных звонках.

Странный тип подавился своим чаем, долго кашлял, потом также долго смотрел на меня в полном молчании и, наконец, выдал откровение:

— Так вы ничего не знаете?

— Не знаю, — согласилась я, не задавая глупых наводящих вопросов.

— Дела, однако. Ну, в общем…

В следующий час Кощей очень подробно мне объяснил, во что именно я угодила по незнанию да по глупости.

Я действительно попала на работу за рубеж, только рубеж этот проходил не между Россией и Европой, как я по наивности думала, а между миром, в котором я жила раньше и миром, в котором я жила теперь. И миры эти, как объяснил мне новый знакомец, были не параллельными, а соседствующими, тесно связанными, местами пересекающимися и взаимозависимыми, только вот простые обыватели одного мира воспринимали другой мир как сказочный, а потому вымышленный.

— Раньше к нам многие из ваших в гости приходили, — объяснял мне Кощей, — а потом увиденное рассказывали, вот и получались сказки. Ну а как Баба — яга к вам пару сотен лет назад сбежала, так кутерьма и началась: самолеты к нам залетали, все норовили Горыныча сбить, кота ученого чуть в лабораторию не забрали, пока мы не догадались новую Бабу — ягу взять. Только она тоже со странностями оказалась, все норовила тут модернизировать, за царя Берендея замуж собралась, а он женат между прочим, ели от нее избавились, вот и решили брать новых на контрактной основе, чтобы чуть что не так, контракт быстренько расторгнули и всего делов. Только вот трудновато стало с кадрами в последнее время. А кадры решают все, — заключил Кощей.

— Ага, — выдавила я из себя.

— И в контракте все детально прописано.

— Ага, — кивнула я, вспоминая огромный талмуд, подписанный мной без малейшего сомнения. — Ага.

Посидев еще примерно полчаса над чашкой в состоянии прострации после ухода Кощея, и кое-как примирившись с реальностью моего нового места жительства, как всякая нормальная хозяйка, я принялась обследовать свое новое жилище. В маленьком закутке, отгороженном занавеской, обнаружилась кухонная утварь и инструкция пользователя для самовара и русской печки с картинками. Еще тщательно прикрытая стояла там электроплитка, непонятно каким чудом, но работающая и электрочайник, видимо для тех, кто был мало знаком с принципом работы самовара. А небольшой шкафчик был набит разными крупами, мукой, сахаром, заваркой и, чудо из чудес, кофе. Также мной были обнаружены консервы и батон белого хлеба. Убедившись, что голодная смерть мне не грозит, я занялась изучением прочего убранства.

— Неважно выглядишь, — заявил кто-то, когда я разглядывала себе в большом зеркале.

Включив свой ор на всякий случай на максимальную громкость, я оглянулась, уверенная, что ко мне с дружеским визитом заявился еще один представитель местного населения, но комната была пуста. Проорав для порядка еще пару минут в полном одиночестве, я замолчала и вернулась к своему изображению.

— Круги вон под глазами, щеки зеленые, губы обветрились, — продолжал перечислять голос, пока я судорожно щипала себя за руку в попытке проснуться. — И вообще вид залежалый.

— Кто здесь? — не выдержали мои нервы.

— Да я здесь, кто же еще, — возмутился голос. — Зеркало я, говорящее и нечего так орать. Связки посадишь, а мне слух испортишь.

— Свет мой зеркальце скажи, да всю правду расскажи? — вспомнилось мне.

— Оно самое, — подтвердило зеркало. — Ну так как? Сказать тебе всю правду?

— Не надо, — я судорожно сглотнула, представляя себе эту правду. — Как-нибудь в другой раз.

— Ну как хочешь. Кстати, яблочко с блюдечком тоже волшебные. А яблочко так вообще нервное, ты его своим ором не пугай, — предупредило зеркало и, подернувшись рябью, выключило мое отражение.

Поскольку единственным яблоком в поле моего зрения было то самое на блюдечке, то я не особо мудрствуя, решила, что

зеркало говорило именно о нем. Мысль о том, что я допускаю возможность существования говорящих зеркал вообще, и зеркал говорящих со мной в частности, я решила по примеру знаменитой героини обдумать завтра, тем более, что оно имеет привычку никогда не наступать. Где-то в глубине души, и даже не очень глубоко, я все еще надеялась на то, что я сплю, и мне грозит всего лишь пробуждение от кошмара. Хотя меня немного беспокоило сознание того, что ТАК я не напивалась уже довольно давно, впрочем, мало ли какой повод мог возникнуть, а во сне о таком помнить не полагается. С этими утешительными мыслями я на цыпочках (чтобы не напугать нервное яблочко) подошла к тарелочке, и поняла, что не помню, как надо общаться с яблоками и для чего они вообще нужны. Повод напиться не только замаячил на моем сновидческом горизонте, но даже обзавелся вескими аргументами. Я плюхнулась на скамью возле печки и с тоской огляделась. Помощи ждать было не откуда, спасения тем более, хотелось выть. С тоски до меня не сразу дошел тот факт, что моя нога упирается во что-то твердое, а когда я нагнулась, чтобы все выяснить, то обнаружила свой укомплектованный и готовый к дальним странствиям чемодан, сумку с полным набором косметики и поверх всего этого великолепия, внушительных размеров контракт, столь неразумно мной подписанный. А посему убедившись, что все мои собранные в путь вещи со мной, я отправилась назад к самовару с плюшками в обнимку с контрактом, который, как оказалось, надо было читать.

Сто пятьдесят страниц контракта мелким шрифтом — это вам не шутки. Сто пятьдесят страниц контракта мелким шрифтом, детально описывающие ваши обязанности — это чтение не для слабонервных. Сто пятьдесят страниц контракта мелким шрифтом, из которых только одна посвящена вашим правам — это хороший повод напиться. Особенно если у вас есть знакомое зеркало, знающее в каком закутке прячется бутылка самогона. Вы кстати не замечали, что контракты под выпивку идут особенно хорошо?

Знаете, когда вам уже за тридцать, напиваться в компании с говорящим зеркалом малознакомыми горячительными напитками неизвестного производства, не самое разумное, а говоря правду, весьма вредное решение. Но верность этого утверждения я в полной мере прочувствовала утром следующего дня, когда попыталась открыть глаза и сесть. Окружающий меня мир бесновался и ходил ходуном, отплясывая под звуки там — тама в моей голове. И как все это прекратить я не представляла. Скорее по наитию, чем по велению разума, повинуясь видимо какому-то древнему инстинкту пьющих людей, я добралась до остатков

самогона и вчерашнего холодного чая и смешав из этого самый лучший в мире коктейль, осталась под столом ожидать просветления. Память возвращалась медленно, видимо щадя мое самолюбие. В голове под мелодичную барабанную дробь вспыхивали картинки прошлого дня. Вместе с памятью приходил стыд, на который прежде я считала себя не способной (ой говорили мне не зарекайся), но видимо просто оснований не было. Очень хорошо вспомнилась попытка найти местного киллера после прочтения пятидесятой страницы контракта и 5 стакана самогона. Остановили меня, кажется, последние зачатки моего здравого смысла и незнание местности вкупе с местным населением. Страницы с пятидесятой по сотую шли под аккомпанемент не совсем литературной речи, знание которой я раньше в себе не обнаруживала. В общем, контракт мной видимо все же был прочитан, но без толку. Глубоко вздохнув, я по примеру своих далеких предков встала на две ноги и, придерживаясь за стеночку, дошла до зеркала.

— Нда, ну надо же как вписалась в профиль, — оценило меня зеркало, — стопроцентное попадание.

Оспаривать сей очевидный факт смысла не было. На меня смотрело нечто, очень отдаленно напоминающее нормального человека: волосы торчали в разные стороны, цвет лица переливался оттенками от бледно — зеленого до оливкового, запавшие, лихорадочно блестящие глаза с красными белками, обрамляли черный тени, нос заострился, потрескавшиеся губы отливали синевой и от всего этого шел стойкий запах перегара.

— Красота, — продолжало зеркало. — Теперь любой леший твой.

— Какой леший?

— Да какой хочешь. Самогонку между прочим леший делал. Прошлой яге отходной подарочек.

Я медленно сползла на пол и огляделась в поисках неизбежных разрушений, но их к счастью не было. Только подозрительно тряслась в углу метла. Не затуманивая свой мозг никакими мыслями, я поползла к метле, просто чтобы сделать хоть что-то, и обнаружила забившееся в угол дрожащее яблочко, которое при виде меня, попыталось героически скрыться, но, увы, безуспешно.

— Ты чего? — поинтересовалась я, вызвав у яблочка первую степень алкогольного опьянения. — Я же тебя не ем.

— Ага, — нахально усмехнулось зеркало, — а кто вчера требовал свежевыжатый яблочный сок и фруктовый салат.

Я порылась в своей памяти, но та упорно молчала, видимо не желая травмировать мою психику больше необходимого.

Проспиртованное яблочко уже мирно спало, беспокойно покатываясь у меня на ладони.

— Умылась бы приличия ради, горе Яга.

— Где? — задала я риторический вопрос, не надеясь на ответ.

— В бане. Мы конечно люди темные, от цивилизации далече находимся, но вода чай и у нас есть, — обиделось зеркало.

— Ага, — соображалось с трудом, — вода есть в бане, а баня где есть?

— Вода есть в колодце, а колодец во дворе. И баня там же и туалет и огород и вообще все прочее хозяйство. Вот свалилась на мою голову, темнота.

— Огород, — мысль о том, что у меня теперь есть огород, меня доконала.

Даже в самом жутком своем кошмаре я не могла представить наличие огорода и себя на огороде. Было это из какой-то другой незнакомой мне жизни. Даже огнедышащие драконы были мне роднее огорода.

— Огород, — повторила я, пытаясь поверить в реальность кошмара.

Верилось с трудом. Я с тоской покосилась на бутылку самогона, в поисках ложной храбрости, но бутылка была пуста, вчера я превзошла не только себя, но видимо еще и незнакомого мне лешего.

— Значит, мыться, — решила я, предпринимая героическую попытку встать.

Когда попытка, пусть и не сразу, удалась, и пьяное яблочко вернулось на родину, я смело шагнула на крыльцо и обомлела. Безбрежное зеленое море шумело передо мной насколько хватало глаз. Величаво плыли вековые сосны, неспешно переговаривались между собой деревья, и над всем этим раскинулось голубое небо. Мир был величественен и прекрасен. Он пьянил.

«Да, в городе такого не увидишь» подумала я, отрываясь от созерцания панорамы и собираясь спуститься с небес на землю. Земли не было. То есть она, конечно, была, но далеко. Земля была где-то внизу, а я наверху. Решив поначалу, что у меня с похмелья нарушена ориентация, я закрыла глаза, потрясла головой, досчитала до десяти, и снова проверила нахождение земли. Земля была там же где и прежде, то есть недосягаемой. Можно было конечно рискнуть и прыгнуть, в детстве и не такие глупости вытворяла, но возникал разумный вопрос, а как забираться назад. Согласитесь, что жить под крышей, даже если эта крыша бревенчатая, все же лучше, чем жить в огороде, хотя с другой стороны за продуктами далеко ходить не надо. Из мучительных поисков решения этой дилеммы меня вывела легкая тряска. Дом

качался, как корабль на волнах. «Господи, землетрясение» — завопил мой очнувшийся разум и бросился под дверной косяк. Избушка же покачалась еще пару минут и затихла. «Пронесло» — облегченно вздохнул мозг и снова погрузился в пьяно — сонное оцепенение. Звать его назад было бесполезно и стоя под косяком, я оглядела внутренности на предмет повреждений. Комната была в идеальном, если так можно выразиться с учетом устроенного мной накануне бардака, порядке.

— Господи, ну почему? — воззвала я. — Неужели нельзя было выделить мне избушку в каком-нибудь тихом спокойном местечке. Почему я должна быть бабой — ягой в зоне стихийных бедствий и природных катаклизмов?

Ответа впрочем не последовало и поплакав над своей горькой судьбой еще пару минут, я решила перейти к действиям. Незнакомую обстановку надо прежде всего изучить, утверждает ОМОН. Поэтому я легла на крыльцо и, держась за край, осторожно посмотрела вниз…

— У нее ноги — с истошным воплем я влетела назад в комнату. — Боже, я сошла с ума.

Не знаю, как далеко я могла бы убежать в приступе паники, но противоположная стена меня остановила.

— Что ты все орешь? — возмутилось зеркало. — Некоторые, между прочим, спят.

— У нее ноги!

— У кого? — в голосе зеркала появился интерес.

— У избушки! Две куриные лапы! Огромные куриные лапы. Это даже не окорочка. И они шевелятся!!!

— Конечно, шевелятся, они же живые, — возмутилось зеркало. — Послали же хозяйку. Ты сказки то читала? Вообще читать-то умеешь? Баба — яга живет в избушке на курьих ножках. А Баба — яга теперь ты, и избушка наша на курьих ножках. Темнота.

Впервые в жизни мне страстно захотелось упасть в обморок.

Знаете, когда вам уже за тридцать, не стоит менять свою устоявшуюся жизнь. Ни к чему хорошему это не приведет. Я была в этом твердо уверена, сползая вниз по приставной деревянной лесенке, обнаруженной мной после долгих поисков, на своем, по — видимому, законном месте, на крыльце за дверью. Правда баня во дворе обнаружена не была, но я, наверное, под влиянием проснувшейся житейской ли мудрости или зачатков дарованного мне эволюцией разума, решила для начала обойти кругом весь двор, который хоть и обнесен был не высоким забором, а хилым штакетником, все же не ограничивался маленьким пяточком, выходящим на местную центральную автотрассу. И

действительно за домом живописно раскинулся колодец, с приткнувшимся к нему ведром в обнимку с коромыслом, поленница дров, милое деревянное строение, в котором я методом дедукции опознала баню, и ОГОРОД. И если бы у меня еще оставались силы пугаться ярко и с огоньком, то я бы превзошла самого Станиславского при виде данного кошмара, но сил не было, и я только затравленно пискнула, отвернувшись от греха подальше.

Что среднестатистический городской житель знает о бани? Что баня бывает финской и русской. С сухим паром и влажным. Общей и раздельной. Ах да, еще в банях моются. И уж точно обычный городской житель, к тому же живущий в квартире с водопроводом и канализацией, понятия не имеет о том, что с этой баней надо делать. А я вообще за всю свою жизнь была в бане всего два раза и оба раза в финской. Ну да делать было нечего, дело близилось к обеду. Страшно хотелось есть и вымыться. Пришлось в буквальном смысле идти в баню. И хотя я не гений, но спустя какое-то время мне все же удалось разобраться в сложном механизме сего строения. А при виде двух баков для воды, один из которых стоял на печке, на память пришла идеалистическая картина двора с колодцем во главе, и сердце мое затравлено екнуло в предчувствии. Оказалось, что возле колодца стоит три ведра, два из которых, деревянные расписные, скромненько спрятались в тенечке. Знаете, я никогда не завидовала штангистам и прочим тяжеловесам. Я конечно не святая, и мне свойственен грех, чтобы не сказать порок, зависти. Но никогда и ни при каких обстоятельствах я не завидовала женщинам способным поднять вес около ста килограмм. А таская ведро с водой, пользы от коромысла не было никакой, и, заполняя эти бездонные бочки, я все больше убеждалась в том, что все это не сон, слишком уж болела спина, не кошмар, потому что любой классический кошмар должен располагать вампирами, оборотнями и прочим монстрами, и не белая горячка, не сходились симптомы, а самая настоящая, пусть и исковерканная реальность. К тому же с каждым следующим ведром все больший смысл обретало так интересовавшее меня в детстве прозвище Бабы — яги — Костяная нога и весьма скверный характер. Я еще даже не начала заниматься хозяйством, только помыться собралась, а уже была не против съесть какого-нибудь Ивана, пусть даже и не царевича и заколдовать первую встречную Василису. Ну а что касается ноги. Не знаю, как у моей предшественницы, но мне бы точно не помешала пара ручных протезов, пусть даже не пластиковых, а костяных. Руки просто отваливались. В общем, знала бы, чем для меня обернется

радужная картина работы за рубежом, сырым съела бы того, кто это объявление напечатал.

Пока баня топилась и нагревалась вода, я сползала, иначе мой способ передвижения и не назовешь, в избушку и достала из чемодана тапки, халат, полотенце и мыло с шампунем. А напарившись в банке и поужинав консервным запасом, я по примеру добрых молодцев отправилась спать на печку. Утра вечера, как известно, мудренее.

Проснулась я уже засветло от грохота посуды. Кто-то очень уверенно хозяйничал на моей кухне. Сверив вчерашние воспоминание с окружающим меня интерьером и убедившись в продолжение кошмара, я осторожно сползла с печи и заглянула в кухонный закуток. Во всей красе и великолепии, вооружившись сковородой и ножом, возле плитки стоял на задних лапах огромный черно — белый кот.

— Доброе утро, — пробормотала я, осознавая все бессмысленность обмороков и криков.

Повернувшись и оглядев меня с ног до головы, кот важно кивнул и лапой пригласил к столу завтракать. Я молча повиновалась. Но ожидающее меня пиршество того стоило. В красной керамической кружке дымился ароматный кофе, с тарелки задорно подмигивала глазунья в окружении колбасы и помидор, ломтики теплого хлеба и сливочное масло со сметаной так органично вписывались в эту картину, что желудок мой не стерпев этой пытки, громким криком возвестил о себе и, повинуясь его просьбам, я набросилась на еду. Впрочем, малознакомый вальяжный кот, который видимо и был виновником такого приятного пробуждения, с видимым удовольствием составил мне компанию. Когда кофе был выпит, а завтрак съеден, во мне проснулось любопытство. Согласитесь кот — кулинар, явление достаточно редкое. В наших широтах не встречающееся.

— Ты, наверное, прошлой хозяйки кот, — строила я логические выводы, в то время как сам объект исследования подперев щеку лапой и закрыв желтые глаза, подремывал над блюдцем с чаем. — Очень уж хорошо все здесь знаешь. И зовут тебя, наверное, Васькой. Или Кузей.

— Митрофан я, — прошипел кот, не открывая глаз. Голос у него был глухой и хриплый, как будто он до этого говорил несколько дней подряд, не умолкая. — Ученый я. Проживаю возле дуба. А сюда прибыл для отдыха и лечения. Полагается мне регулярно.

— И днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом, — вспомнила я классика. — Так ты сказки рассказываешь и песни

поешь.

— В самое яблочко. С утра до ночи всем встречным поперечным. Одним дорогу покажи, другим путь расскажи, третьим совет дай. А лет так двести назад приезжал один, сидел все под деревом с бумагой да перьями гусиными, все спрашивал выспрашивал, что у нас твориться. Я с ним связки напрочь посадил, потом только квакал, как последняя лягушка, — кот тяжко вздохнул. — Так что, я приготовил, тебе посуду мыть. А я спать пойду, — Митрофан спрыгнул со скамейки и направился к печке, — а ты бы контракт почитала.

— А посуду-то где мыть? — ответом мне послужила лапа, направленная в сторону двери. — Видимо в бане.

Еще ни разу за всю свою жизнь я так много не ругалась. Так много, долго, ярко и заковыристо. Уверена, что этажности моей ругани мог бы позавидовать любой сантехник ЖЭКа, а уж метафоричность и образность были на уровне классиков мировой литературы. Не то, чтобы я себя оправдывала, но повод у меня все-таки был: мытье посуды. Любая женщина, которая хоть раз пробовала отмыть посуду в холодной воде без помощи новомодных моющих средств, меня поймет. С грехом пополам справившись с этой неразрешимой задачей, я приступила к чтению контракта. Той его части, при чтении которой преобладало наличие самогона, а не здравого смысла. Справедливости ради нужно отметить, что контракт был составлен очень грамотно и профессионально. Он подробно описывал сотни ситуаций, о возможности возникновения которых я даже не догадывалась. Кроме того, контракт содержал несколько приложений: формы заявок на разного рода вещи, начиная от продуктов питания и заканчивая, чем-то с совсем уж непонятным назначением, вроде семян подорожника и двух молодцов одинаковых с лицов, с лица то есть. Устав от чтения интеллектуальной литературы я решила продолжить осмотр комнаты, в частности огромного кованого сундука, одиноко стоявшего в углу. Преодолев вес неподъемной крышки и дрожа от любопытства, я сунула нос в его огромные недра. Увы, но сундук был пуст. В нем даже горошина не завалялась. Тяжко вздохнув от разочарования, я опустилась на пол и задумалась о своем, о девичьем. Митрофан, который все это время наблюдал за моими манипуляциями одним глазом, сладко зевнул, потянулся, спрыгнул с печи и потащил на себя пеструю дорожку, лежавшую на полу. Я уже хотела было прочитать ему научно — популярную лекцию о правилах хорошего тона, когда мой взгляд зацепился за торчащее из пола кольцо и очертания люка вокруг него. Не знаю как вы, а я и представить себе не могла, что в доме, висящим над

землей на высоте 3 метров может быть подпол. Допуская вероятность того, что это все-таки люк для бомбометания на случай наступления вражеской конницы, ну или запасный выход, я осторожненько его открыла и заглянула внутрь, ожидая увидеть курьи ноги, но напоролась на полную темноту. Нужен был фонарик или хотя бы свечка. Митрофан чувствительно толкнул меня в бок и когда я, готовая взорваться обернулась к нему, сунул мне в руку металлический подсвечник, напоминающий подстаканник, в котором ровным светом горела толстая свечка. Сказав коту спасибо и вооружившись сим осветительным прибором, я стала спускаться вниз, благо там была маленькая лесенка, успев подумать о том, что наличие в доме ученого кота, даже если этот кот и дальше будет хранить полное молчание, это очень даже большой плюс. Впрочем, додумать эту мысль толком я не успела, потому что лесенка закончилась и свечка осветила внушительных размеров помещение. Ура, склад! Как говорил другой фольклорный персонаж. Это действительно был склад. На стене, слева от меня, аккуратно висели одинаковые мечи и на табличке ровным красивым почерком было написано «Мечи — кладенцы», напротив пристроились шапки, обозначенные как «Невидимки», тускло мерцали различные по форме и размеру зеркала, видимо родственницы моей собеседницы сверху, в уголке ровной горочкой красовались путеводные клубки, а рядом со скатанными в рулоны коврами — самолетами стопкой лежали скатерти — самобранки. Было тут еще что-то мало мне известное и совсем непонятно для чего нужное, но видимо входящее в стандартный пакет для героя. Отдельно стояла длинная вешалка, вся увешанная различными нарядами, которые при ближайшем рассмотрении варьировались от платья подходящего для самой королевы, до чего-то сшитого из рваных грязно — серого цвета лоскутков. Находящаяся рядом табличка проинформировала меня о том, что все это несуразное великолепие — «Спецодежда Бабы — Яги». На столике рядом красовались различные накладные носы, от курносого очаровательного носика, до носа, напоминающего сухую сломанную корягу, и парики под стать нарядам и носам. Видимо в различных ситуациях Баба — яга выглядела тоже по — разному. Хотя известные мне сказки об этой подробности умалчивали или я просто не обращала внимания на описание внешности теперь уже себя? На столике также стояли различные скляночки, то ли с ядами, то ли с мазями, кто их по названию разберет, и лежала толстенная книга. Тесненное название которой гордо гласило «Справочник Бабы — яги для служебного пользования». Сначала в книге описывались основные принципы и правила работы на данной должности, как-то: не

злоупотребление волшебными предметами в личных целях, не проявление личной инициативы по внесению изменений в государственный строй любой страны и так далее, а потом начиналось самое важное: полный список заклинаний и зелий на все случаи жизни, с правилами применения, рецептами изготовления и описанием последствий применения, вплоть до того, как надо ставить ногу, если заклинанием печь затопить хочешь. Еще из книги становилось понятным и назначение огромного сундука, стоящего наверху. Служил он своего рода почтой. Внутрь сундука складывались заполненные бланки заявок, а утром из него же доставались выполненные заказы. Единственным условием была необходимость освободить сундук от поставленного в течение дня, в противном случае заказ считался невостребованным и ночью аннулировался, а по — простому исчезал. Жизнь в местном царстве — государстве не то, чтобы приобрела плюсы, но минусы заметно уменьшились. Книгу, конечно же, надо было выучить, а заклинания начать применять. Кроме того, я решила, что склад этот можно еще приспособить и под мой гардероб, надо же было мне где-то хранить привезенные с собой вещи.

— Митрофан, пошли чай пить, — предложила я, выбираясь с книжкой под мышкой на свет божий, который судя по заглядывающему в окошку месяцу все же был ночью, из того, что отныне я называла погребом и направившись в кухню.

Кот оценивающе посмотрел на меня с лавки, взвесил все за и против позднего чаепития и, решившись, направился за мной следом походкой от бедра. И пока мой новый кот, который явно разбирался в устройстве моего дома лучше меня, возился с приборами местного освещения: лучиной и огнивом, я решила начать применять свои навыки и открыла книгу на той странице, где описывались заклинания домашнего хозяйства.

Очнулась я от того, что кто-то брызгал мне в лицо холодной водой. Опять. В голове гудело и лежать было неудобно. Я медленно открыла глаза и увидела склонившегося над собой кота, который и поливал меня из кружки. На столе оплавленной грудой металла красовался самовар.

— Попили чайку, — раздалось откуда-то сбоку.

Медленно, чтобы не потревожить еще больше и без того дурную голову, я села, а затем опираясь о печку, возле которой приземлилась, встала и подобрав распластанную на полу книгу подошла к столу.

— Не получилось, — хотя это было очевидно и без моего замечания.

Митрофан утешающе погладил меня по коленке.

— Повторенье мать учения? — повторять очень не хотелось, но и не повторять было нельзя, и я снова открыла книгу, на этот раз на странице ремонтных заклинаний.

Зеркало испуганно пискнуло и покрылось черным, кот залез под лавку. Я бы тоже залезла, но правила заклинания требовали находиться в пяти шагах от объекта. Я набрала в грудь побольше воздуха, выдохнула, прошипела два каких-то несуразных слога и топнула левой ногой. Громов, молний, вспышек и прочих спецэффектов не последовало, избушка не заходила ходуном, а меня не отнесло ударной волной к стене, но на столе стоял целенький, хоть и потемневший и поцарапанный, чего раньше не было, самовар. А еще через десять минут я наливала себе в кружку горячий чай, а Митя ловко стаскивал консервированную рыбу с бутербродов.

— Жить, как говориться хорошо, — вспомнила я, закончив размешивать сахар и собираясь пить чай, но рука моя наткнулась на пустоту. — А хорошо жить еще лучше, — повторила я попытку, но безрезультатно.

Оставшаяся видимо от моей предшественницы, кружка, большая, керамическая, с улыбающейся рожицей на боку, ярко красного цвета, медленно, но верно отступала от моей руки. А потом и вовсе начала носиться кругами вокруг самовара. Я сдалась первой. Опыта у нее явно было больше. Я всухомятку жевала бутерброд, ожидая, когда ненормальная посуда выдохнется, и думала о смысле жизни, то есть ни о чем конкретном. Из раздумий меня выдернул истошный петушиный крик, разнесшийся над лесом. За окном медленно светало, а радужные перспективы также медленно тускнели. Не поймите меня не правильно, я люблю животных, очень. Но, видите ли, будильник можно настроить на любое удобное время или, в крайнем случае, заткнуть подушкой, а вот петуха кажется можно только убить, судя потому как он жизнерадостно орет за окном. Очень хотелось запеть, что-нибудь про черного ворона, вьющегося над моею головой, но чувство такта не позволяло. Кружка мягко ткнулась мне в ладонь, приглашая насладиться теперь уже теплым чаем, за что я была ей искренне благодарна, так как в следующее мгновенье избушка тяжело заворочалась, поворачиваясь к кому-то передом, и весь этот чай оказался на моих джинсах. Кто сказал, что жизнь стала налаживаться?

— Можно к вам? — раздался от порога приятный баритон и вслед за ним показался и сам обладатель волшебного голоса, Кощей Бессмертный собственной персоной.

Признаюсь, живя в избушке в дремучем лесу, трудно оставаться объективной в оценке людей, и все же назвать

явившегося пред мои очи красавца, Кощеем у меня бы язык не повернулся. Как-то не вязался этот здоровый, веселый и достаточно молодой человек со знакомым с детства образом тощего желтого старика. Нет, конечно, диеты мощное оружие в борьбе с лишним весом, но не до такой же степени, право слово. И если свое прежнее восприятие спасителя я могла списать на помутнение сознания и бог весть еще какой психологический эффект, то, увидев его второй раз рано утром после чая (хоть и не выпитого, а пролитого) отрицать несоответствие действительного и воображаемого было сложно. Или же я на самом деле сошла с ума (хотя сомневаться в последнем было бы странно).

— Не помешал? — продолжал проявлять он чудеса вежливости, а мы с Митрофаном продолжали хранить унылое молчание.

Митрофан по привычке, а я от удивления, гостей так скоро не ожидалось. Но Кощея это видимо не смущало. Да и вообще чем можно смутить человека, который видел вас не далее как пару дней назад бьющейся в истерике.

— Чай это чудесно, — как ни в чем не бывало он налил себя и мне за одно чая и вдруг улыбнувшись во все свои белоснежные зубы, извлек не понятно откуда и водрузил на стол небольшой мешочек, изумительно пахнущий шоколадом. — Я как видите со своим угощением. Вот новое заморское лакомство, знакомый прислал из Гиспании, шоколад называется. Не желаете ли отведать?

Впрочем, последнее его замечание было явно лишним, потому как моя левая рука, явно минуя голову, уже тянулась к заветному мешочку. Господи, о каком кариесе может идти речь, когда кругом такой стресс!

— Если хочешь, я могу тебе весь свой запас прислать, — заметил Кощей спустя несколько минут молчаливого наблюдения за мной, — все равно его здесь никто не ест, кроме меня, — добавил он в ответ на мой молчаливый вопрос.

— Это было бы чудесно, — я наконец-то заставила себя оторваться от еды и заняться гостем.

— Ну а как дела? Уже освоилась? — мы незаметно перешли на «ты», сближенные общей страстью.

— Можно и так сказать. Митрофан вот помогает, — я кивнула на кота. — Тратит свой законный отпуск на меня. А ты навестить или по делу?

— Да и то и другое, если честно, — улыбнулся Кощей. — Раз уж ты попривыкла немного ко всему, я хотел попросить тебя о помощи. Дело, видишь ли, в том, что…

Дело оказалось в том, что у Кощея Бессмертного было свое

брачное агентство, как бы странно это не звучало. Кощей вообще был из очень древнего колдовского рода, достаточно состоятельного и знатного. И как все молодые люди в определенном возрасте он женился, счастливо и по любви, на Василисе Премудрой, она же Прекрасная, и был довольно счастлив, пока вечные поиски вечной истины, которыми занималась его умная жена, не привели к значительному сокращению фамильного состояния. Другими словами жене на опыты нужны были деньги и, чтобы эти деньги добыть, Кощей решил заняться, как у нас говорят, бизнесом. Ну а как человек счастливый в браке решил помочь всем прочим тоже быть счастливыми.

— Ты себе просто не представляешь, как в наше время трудно найти хорошую пару, — горячился Кощей, — девки сидят под замками, никуда не ходят, балов у нас не устраивают, вот и ждут когда жених к ним сам придет свататься, а женихи откуда знают где какая краса живет и что она умеет. Все в слепую, все по папеньки — маменькиному слову, да через соседок — сорок, а потом слезы горькие льют, да поздно уже. Самодурство одно кругом.

— Ага, — кивала я головой, заедая свое тридцатилетнее одиночество шоколадом и как никто иной понимающая трагедию местных девушек.

— Ну вот я и решил открыть брачное агентство «Кощей и Ко» называется. Сначала конечно сложно было, но сейчас клиентуру наработали, люди к нам сами обращаются. Кто дочку просит замуж выдать, кто сына пристроить. А недавно ко мне купец один обратился, дочку замуж выдать просит. Только говорит одна беда, дочка его в девках засиделась, а замуж не торопится. Все ждет того, кто докажет ей свою любовь. Сама понимаешь, с этим сложности, потому как ее никто толком не видел, чтобы влюбиться.

— Знакомо звучит, — встряла я.

— Ну, мы с женой и придумали как это все организовать, только тут твоя помощь нужна.

— Запросто.

— Девицу эту мы со Змеем Горынычем похитили и спрятали. А Василиса моя сейчас за место нее смотрины женихов устроила.

— То есть? Не уловила связь.

— Просто девки-то все молодые, глупые, вести себя правильно еще не умеют, поэтому вместо них обычно сначала моя жена будущему мужу показывается, а потом уже, когда он невесту спасать приходит, мы ему настоящую выдаем. Так они на радостях да от геройской гордости подмены обычно не замечают.

Ну, это технические мелочи…

Пока Кощей рассказывал мне дальнейший сценарий, я пыталась осознать самую главную ошибку моей жизни. Оказывается мне всего то и надо было, нанять опытную женщину для завязывания отношений с мужчинами. Или это работает только при наличии Змея Горыныча?

Вскоре посоветовав обращать при заклинаниях внимание на желаемый результат, а не на процесс и пообещав прислать оставшийся шоколад с оказией, Кощей ушел, а мы с Митрофаном остались. И хотя благодаря вчерашней бессонной ночи меня тянуло спать, я все же решилась заняться хозяйством. В конце — концов надо же было выяснить сколько продуктов у нас осталось в запасе. После долгих поисков по сусекам и шкафам мной было обнаружено следующее: килограмм риса, пять банок рыбных консервов, пол палки колбасы типа сервелат, корзина яиц, пол мешка муки, банка растворимого кофе и пачка листового чая. На дворе кроме известного уже огорода, располагающего грядкой морковки, грядкой огурцов, помидоров, кабачков и капусты и небольшим уголком картошки, оказался еще то ли хлев, то ли сарай, в котором проживало пять кур, во главе со своим непонятно где спрятавшимся супругом, и златогривый конь, по имени Сивка — Бурка (имя было написано на табличке). Коров, свиней, коз и овец мной к счастью обнаружено не было. Я, знаете ли, раньше себе не очень хорошо представляла быт Бабы — яги, даже наверное совсем не представляла, и мне как-то и в голову не приходило, что в свободное от поедания Иванов и похищения Марий — искусниц время Баба — яга может заниматься таким тривиальным делом как прополка огорода и выгуливание коня. Да еще во дворе обнаружился некий сруб или как там называются эти вырытые в земле ямы, с удобной лестницей и надежной крышкой. Внутри температура была как в хорошем холодильнике, и полочки тоже вдоль стен. Почти пустые. Почти, потому что на одной из них в гордом одиночестве красовалась непочатая трехлитровая банка соленых огурцов, да стояла в углу кадушка квашеной капусты. Знал бы про закуску, больше выпил самогона. Ну да задним умом все сильны. Убедившись, что еды надолго не хватит, я разыскала бланки заказов, достала из чемодана дорогую ручку, купленную мной специально для новой работы, и принялась составлять свой первый официальный документ. Как ни крути, а с реальностью приходилось мириться.

Я, конечно, повторяюсь, но когда вам за тридцать это простительно. А еще когда вам за тридцать нет ничего более ужасного, чем просыпаться под истошные вопли со двора. Хозяйские дела и бессонные сутки утомили меня так, что даже

петух не смог испортить праздника под названием здоровый сон. А потом пришел этот орущий басом некто и все опошлил. Я попыталась укрыться подушкой, но вопли все равно ввинчивались прямо в мозг. Тогда я попыталась к ним прислушаться и понять чего же хочет этот болезный. Орал он примерно следующее:

— Баба — яга костяная нога выйди старая на двор.

Нет, он всерьез полагает, что после такого обращения с ним будут разговаривать? Как бы там ни было, но я стала лучше понимать местную традицию съедать незваных гостей. Забот меньше. Некто продолжал орать. Я попыталась поискать сочувствия у Митрофана, но тот с головой закопался в подушки и одеяло, оставив на поверхности только нервно подрагивающий хвост. Пришлось вставать с печи, лезть за одеждой в погреб (свои джинсы, запылившиеся от частого пребывания в обмороках, я бросила накануне в стирку) и только потом уже выходить на крыльцо, чего видимо и добивался незнакомый мне субъект воздвигнувшийся, а иначе об этой монументальной фигуре и не скажешь, посреди двора. Субъект был, что называется косая сажень в плечах, русоволос и голубоглаз, ума, при такой груде мышц явно небольшого, нравом, судя по бесхитростному взгляду, добр и крестьянского роду. На эту мысль меня натолкнули лапти и простая рубаха, перевязанная веревкой. Впрочем, я могла и ошибаться, местных царевичей я пока тоже не видела. К счастью, увидев меня, субъект свои оскорбления прекратил. Хотя может он считал это нормальным обращением к старой больной женщине?

— Ты кто таков и зачем пришел? — нет, ну интересно же зачем под вашим окном орут с утра пораньше, вдруг поклонник.

— Звать меня Иван — крестьянский сын. А ты старая, прежде чем о деле пытать, сначала напои — накорми, в баньке попарь, а потом и спрашивай.

— А с какой такой радости я тебя кормить — поить должна, иди своей дорогой и я тебя не трону.

— Что-то ты не гостеприимная, старая. А как же обычай, али нарушить решила? Гостя со двора прогнать — беды не миновать.

Замечательно, попасть черт знает куда, чтобы обнаружить себя в роли хозяйки постоялого двора, да к тому же без права отказать неугодному гостю. Зла не хватает. Хорошо хоть этот тип на ночь вроде бы не остается.

Молодца пришлось вести в баньку и пока он как истинный джентльмен принялся за ее растопку, я, оставив ему полотенца, веники и прочие банные принадлежности и забрав для починки одежду, направилась готовить обед.

— И чем здешних богатырей кормят? Куриной лапшой, бараньей отбивной, пастой?

— Зубной, — съязвило зеркало. — Ты бы еще лягушек вспомнила.

— А ты, вместо того, чтобы умничать, помогло бы — огрызнулась я, лихорадочно листая книгу в поисках подходящих заклинаний.

— И где тебя только такую взяли? Недоразумение одно.

— Где взяли, там уж нет, а лучше бы назад вернули.

— Кашей кормят — смилостивилось зеркало. — Кашей гречневой, кашей пшенной, с грибочками, с луком тушеной. Сваренной в чугунке да на медленном огоньке, да в печке русской, чтобы вкус был лучше.

— Обалдеть, — присвистнула я в ответ на эту напевную рецептуру. — Еще бы кто эту кашу сварил. Какой-нибудь местный домовой или кто там по штату положен в помощники. Эх помощнички мои — протяжно вздохнула я отправляясь за гречкой.

Из воздуха выросло три пары рук. То есть действительно из воздуха появилось три пары рук и застыло прямо перед моим лицом. Не орала я только потому, что потеряла от страха голос. Я и раньше фильмы ужасов не любила, а уж стать главной героиней одного из них. В обморок я не упала по той же причине. Страх был слишком огромным, просто-таки парализующим. Руки мирно продолжали болтаться перед моим носом, всем своим видом выражая готовность непонятно к чему. Одна пара рук была одета в белые парчовые богатой вышивки рукава, с узкими ладонями и длинными тонкими пальцами, которые прекрасно подошли бы пианисту или хирургу. Вторая пара рук красовалась красным нарядом, ладони были жилистыми, с прожилками вен, широкими. В таких ладонях прекрасно смотрелся бы автомат Калашникова или, с учетом местных реалий, какой-нибудь меч. Третья пара рук была в черном, с изящной ладонью и цепкими пальцами. Рассматривая сей оживший кошмар я было начала обретать голос и приготовилась выть сиреной, призывая на помощь моющегося богатыря, но Митя успел первым. Он бухнул передо мной «Инструкцию» и ткнул лапой в странницу, привлекая мое внимание:

«Помощники Бабы — яги:

День ясный

Солнце красное

Ночь темная

Представляют собой трех молодцев, выполняющих свои прямые обязанности (см. название должности) за воротами двора Бабы — яги и работающих по совместительству помощниками по хозяйству. Появляются преимущественно в виде рабочих рук.

Инструкция к применению:

Помощников можно призвать для выполнения различных заданий связанных с хозяйством (приготовить обед, помыть полы и т. д.) с помощью слов „Помощнички мои“ далее следует формулировка задачи.»

Я уже было сформулировала свой порыв закричать отборную ругань, но натолкнулась на морду Митрофана, по которой красной строкой бежала фраза «Читать надо внимательнее!!!» и, приложив некоторые усилия, переработала все это в благодарную улыбку.

— Помощнички мои, а приготовьте-ка мне для гостя обед, — и три пары рук тут же исчезли из моего поля зрения, метнувшись кто к печке огонь разводить, кто к шкафу за продуктами, а кто во двор за водой. Я шумно перевела дыхание и закрыла глаза. Все-таки летающие по дому руки зрелище не для слабонервных.

Открыла я глаза, только почувствовав теплое пушистое прикосновение. Стол радовал взор. Чего там только не было: дымился пузатый самовар, золотистыми боками подмигивали блины, гречневая каша с грибами будила воображение желудка. И даже рубаху и штаны успели почистить и заштопать, и теперь они аккуратной стопкой красовались на скамейке.

— Спасибо большое, — пискнула я пустому пространству, руки уже успели спрятаться. — А ведь можно еще было использовать скатерть — самобранку, — мелькнула в голове запоздалая мысль, лишний раз подтверждая теорию о том, что задним умом все сильны. Но все это я отмела как ненужное. Мне еще предстояло с молодцем управиться.

Молодец оказался парнем безобидным и по моим наблюдениям не шибко умным. Рассказав мне историю о том, как чудище трехголовое похитило из родительского дома, прям на глазах у изумленной публики (ну да он сказал это другими словами) Василису по прозванию Прекрасная, он закончил тем, что уставился на меня своими честными голубыми глазами.

— А ты стало быть пошел ее выручать? — сделала я попытку поддержать разговор.

— И собрался я тогда в дорогу дальнюю, путь неблизкий, чтобы спасти свою нареченную из лап Змея Горыныча. И пошел в ту сторону, куда Змей улетел, три дня шел и три ночи по трижды и вывела меня дорога к твоему дому, бабушка, — не, он серьезно полагает добиться моего расположения обзываясь?

Я, конечно, после таких потрясений плохо выгляжу, но не настолько же!

— Ну что ж Иван, горю твоему я помочь постараюсь. Только дело это опасное и трудное. Змей Горыныч зверь подлый. А силы

в нем огромные, непросто тебе его победить будет.

— Что же мне делать? — надо отдать парню должное, он хоть и побледнел от такой перспективы, но решимости не растерял.

— Чтобы Змея победить, нужен тебе меч — кладенец. Да спрятан он далеко, не низко, не высоко, в черной чаще и охраняет его паук — каракурт. Сумеешь с пауком справиться, на загадки его ответить, получишь меч, а не сумеешь, прощай Василиса.

— Спасибо тебе бабушка за хлеб за соль, за доброту за ласку, за слово доброе — начал прощаться Иван, выйдя из ступора. — Пора мне, путь у меня не близкий, а времени не много.

— Погоди Иван, дам я тебе клубочек заговоренный, брось его перед собой на тропинку, он тебе дорогу и покажет. Куда клубочек покатиться, туда и ты ступай.

Всучив молодцу клубочек из своих запасов и проводив его до крыльца, я, наконец-то, вздохнула с облегчением. Меня можно было поздравить с почином. Оставалось только сообщить Кощею, что жених идет за товаром, да внести клубочек в список расходных материалов, а потом можно и спать ложиться. А то эти постоянные намеки здешних мужчин на мой возраст начинали меня нервировать, а здоровый и полноценный сон, самый главный и собственно единственный имеющейся в моем распоряжении способ подержания молодости и красоты. Засыпала я с мыслями об оставленном мной косметологе.

Ах, это сладостное чувство полета. Ветер, треплющий твои волосы, безбрежное небо, распахнувшее свои объятия, огромный простор подвластный твоему желанию и пьянящее чувство скорости… Кто не мечтает летать? Кто не мечтает иметь крылья, чтобы парить в небе подобно птице, не ведающей законов земного тяготения? Именно с такими мыслями, полная радужных надеж и с самым оптимистическим настроем я начала свой очередной новый день в новой должности. Я вообще с каждым днем обретала все большую уверенность в своих силах и в правильности выбранного пути. С Иваном так ладно все устроилось, местным средством связи — блюдечком и яблочком, мне удалось правильно воспользоваться с первой попытки, заявку свою на продукты получить в лучшем виде. Что еще надо для счастья. Для счастья надо было научиться летать. Тщательно прочитав подходящую инструкцию и надев спецкостюм, я приступила к самообучению. С трудом забравшись в ступу (крайне не удобная конструкция) и вцепившись в метлу мертвой хваткой, я произнесла заветные слова и оттолкнулась от земли. Зря я это сделала. Рожденный ползать летать не должен. Нет, ступа, конечно, была управляема и управляема она была с помощью метлы, но вы когда-нибудь пробовали ворочать

двухметровой палкой с прутьями на высоте и на скорости да к тому же не имея не малейшего понятия о том, как правильно ей ворочать. Потому что именно об этом инструкция, почему-то скромно умалчивала. Я носилась над лесом как гордый, но безумный буревестник, сожалея об отсутствии местных ПВО, способных меня сбить и тем спасти от мучительной участи чеховской чайки. К тому же я понятия не имела, как приземляться. То ли инструкция умалчивала и об этом, описывая только процедуру взлета, то ли я по старой привычке прочитала ее по диагонали, не вдаваясь в детали. Не суть важно. Митрофана, знающего все обо всех, рядом не было и книгу я тоже не захватила. А крики мои на этой высоте все равно никто не слышал. День перешагнул за половину и собственно помочь он тоже ничем не мог. Но я не теряла оптимизма, прекрасно понимая, что все еще может быть хуже и примерно представляя себе, когда именно. Когда вот это вот трехголовое чудовище до меня доберется. Уже несколько минут я наблюдала, как прямо на меня летела огромная трехголовая крылатая ящерица, явившаяся незнамо из-за какой тучки. Летела она ровно, плавно, мерно взмахивая крыльями, без рывков и виражей. Красиво, одним словом. Ступа в очередной раз нервно вильнула в сторону, подчиняясь моими судорожным движениям, и ушла в крутую мертвую петлю. Я в очередной раз сглотнула ком в горле и пообещала себе напиться, если жива останусь (обещания напиться и бросить пить я чередовала между петлями и бочками, надеясь, что хотя бы одно из них сработает и кошмар на виражах закончится). Трехголовый нырнул за мной и на одном из поворотов хвостом аккуратно подправил мою ступу, выводя ее на бреющий полет.

— Как полет? — левая ближайшая ко мне голова зубасто улыбнулась.

— Погода в самый раз для прогулки, и воздушные течения ровные, — поддержала ее, еще одна голова.

— Новые движения решили разучить? — поинтересовалась третья.

— Я приземлиться хочу, — завопила я истошным голосом, забыв про всякий стыд и правила вежливости заодно, хотя было бы что помнить.

— Так вы новая Баба — яга? — осенило левую голову. — Простите, запамятовал, а ведь Кощей рассказывал о вас. Но вы так хорошо летите, профессионально я бы сказал, — добавила вторая. — Да вы не волнуйтесь, мы поможем, тихонько опустите метлу вниз и плавненько, плавненько, по малой.

Змей Горыныч осторожно кружил рядом со мной, направляя

мои движения, пока я снижалась, все еще не смея поверить своему счастью. Но вскоре моя ступа стукнулась о землю, два раза подпрыгнула и полностью остановилась. Я выпала из ступы и бросилась целовать землю. Мой нечаянный спаситель скромно сидел в сторонке, потупив взор, дабы не смущать меня при проявлении восторгов. Нацеловавшись с землей, я бросилась по очереди на все три шеи, по — новому оценив красоту гигантских ящериц.

— Ну что вы, право слово не стоит, — смущенно басила левая голова.

— Нам это только в удовольствие, — низким баритоном отвечала центральная.

— Завсегда рады помочь, — уверяла тенором правая.

— Летать-то дело нехитрое, — продолжала левая, — пару раз попрактикуетесь и станете настоящим асом.

— Вы такие лихие виражи выписывали, я восхищаюсь — утешала правая.

А центральная голова тем временем читала мне краткий инструктаж по управлению ступой и основным положениям метлы при полете, тщательно следя за моими действиями. Наконец убедившись в том, что я все хорошо запомнила, Горыныч дал добро на полет. Еще пару часов мой новый друг, товарищ и брат обучал меня в воздухе и, наконец, удовлетворившись полученным результатом, проводил до дому, отследив мою посадку. На этом мы с ним расстались. Вернее на моем приглашении заходить в гости и на его обещании скоро быть. Водрузив на место ступу и метлу, я решила лечь спать, чтобы начать завтрашний день с новыми силами. А назавтра я не смогла встать. Собственно встать с печки я не могла еще несколько дней, все больше роднясь с образом некоего Ильи Муромца, до начала его богатырской карьеры. Но как говорится метлой махать — это вам не шейпенгом заниматься. Тут сила нужна. Сил не было. Каких либо желаний тоже. В течение следующих трех дней я придавалась размышлениям о смысле бытия. Не то, чтобы философия была моим любимым занятиям, но если вы в буквальном смысле не можете слова сказать и пальцем пошевелить, то что еще остается делать. Зато теперь я могла с полной уверенностью заявить, что есть в этом мире одна вещь, о которой я знаю все: мой потолок. По крайней мере, ту его часть, которая находилась над моим пристанищем. Я знала его до мельчайших трещинок, изгибов, щепочек и мельчайших рисунков. Экзистенциальность моего бытия была прервана самым грубым образом: появлением огромной зеленой головы в окне.

— Принимай хозяйка гостей, — радостно прогудел Горыныч,

заглядывая одним глазом в окно.

Кряхтя и охая, я сползла с печки и доковыляла на крыльцо. На моем дворе во всем своем великолепии возвышалась темно — зеленая трехголовая ящерица с крыльями и радостно помахивала хвостом наподобие домашней собачки.

— Привет тебе привет, — проскрипела я, мысленно склоняя гостя по всем известным мне падежам.

Не то, чтобы Горыныч мне не нравился, но в данный момент виделся он мне основной причиной моего бедственного положения, источником мирового зла и всемирных бедствий имеющих на земле место: как-то голод, разруха, нищета…

— Извини, что в дом не захожу, — продолжала змеюка, как ни в чем не бывало, — но сама видишь, по габаритам я великоват.

Может я конечно и предвзято отношусь к местному населению, но согласитесь как-то не ожидаешь от них знания таких вот слов иностранного происхождения.

— Так что, — подхватила правая голова, — предлагаю посидеть по — простому, на свежем воздухе, устроить так сказать небольшой дружественный пикничок.

— С удовольствием, — отозвалась я, понимая острую необходимость налаживания связей с местным контингентом. Кощей к тому же все равно женат, и, увы, счастливо. — Только вот распоряжусь насчет закуски.

— Вообще-то я не пью, — деликатно, косясь в сторону, заметила центральная голова, — мне бы чайку, или кофейку, если можно. Желудок, знаете ли, пошаливает.

— Столько то рыцарей в ржавых доспехах слопать, сколько нам довелось на своем веку, — пробасила левая голова, явно считая меня своим лучшим другом и потому не стесняясь в выражениях.

— Ну это давно было, — уточнила правая, — мы тогда в Европе гостили у дяди. Вот нас и угощали местной кухней. Они, знаете ли, в Европах все больше по жаркому специалисты.

— А лечитесь? — сочувственно поинтересовалась я, как жертва институтской столовой.

— Да. Леший нам настойку прописал из подорожника. Сам ее и делает. Только вот говорит болезнь запущенная, времени для лечения немало надо, ну и диету строгую требует соблюдать. Кашки там разные, овощи, фрукты, молочное. И никакого самогона, — просветили меня.

— Леший значит местный доктор, — решила уточнить я адрес на случай непредвиденных болезней (как будто болезни можно предвидеть).

— Ну что вы, — засмущалась центральная голова, —

докторов у нас нет. Как в позапрошлом году один приезжий доктор царя — батюшку потравил, не до смерти, — поспешил меня успокоить Горыныч, в ответ на мою нервную реакцию, — так с тех пор докторов и нет. Все бабки местные лечат, да знахари. А у нас вот Леший на этом специализируется. Он чудно разбирается в разных травках. Ну а если что серьезное, то это уже по старинке живой да мертвой водой исцеляют.

— Ага, — кивнула я, — я сейчас.

Через пару минут мы мило сидели во дворе, в окружении огорода и колодца и наслаждались приятной беседой и вкусной едой. Горыныч делился со мной новостями, свежими и прошлогодними, почти по ролям рассказывая различные истории из местной жизни. Он вообще оказался довольно талантливым парнем, и, наверное, мог бы неплохо играть в театре и кино, если бы не специфика внешности. Впрочем, есть ведь еще радио — спектакли.

— А как там Иван — крестьянский сын? Вы с ним уже встречались? — мне вдруг вспомнился орущий, но в целом добрый, бугай.

— Ой, — Горыныч как-то печально махнул лапой, вызвав небольшой ветерок балов так на 9, — я почему и не приходил так долго. Все этим делом занят был. Измучился весь. Ты себе не представляешь, как меня достал этот спаситель похищенных девиц. Думал съем его сырым. А девица ничего попалась, хозяйственная. Пещеру мою прибрала, обед мне каждый день варила, опять-таки в шахматы играть умеет и в карты. Хорошо мы с ней время провели. А потом этот пришел. Ругаться начал. Мечом размахивать. Ты не поверишь, два раза чуть себе голову не отрезал, так размахивал. Я даже испугался немного. Самому пришлось под меч лезть, чтобы он смог головы отрубить. Хорошо он как со мной расправился, девицу под мышку и ускакал во весь опор. А то я бы точно диету нарушил и его съел.

— А как же ты без голов? — культурно удивилась я.

— Так это просто, — махнул Горыныч лапой. — У меня за место отрубленной головы новая вырастает, точно такая же, как прежняя, не сразу кончено, чуть погодя, но вырастает. Это как у ящериц хвост растет оторванный, у меня головы. Очень удобно. Нам это даже полезно время от времени головы рубить. Мы от этого молодеем и умнеем. Вроде как второе рождение. Кощей вон тоже по такому же принципу умирает.

— Удобно и никаких пластических хирургов, — печально вздохнулось мне.

С Горынычем мы посидели просто великолепно. Уж на что змей, а собеседником оказался редкостным, столько мне разных

историй здешних рассказал, ввел так сказать меня в курс дел, исторических и политических. Так что теперь я почти не чувствовала себя дурой. Расстались мы уже поздно вечером, когда молодой месяц пошел гулять по небу. Я была уверена, что в этом царстве тьмы и невежества меня уже ничем нельзя было сбить с толку.

Собственно и следующую пару недель я провела в этом блаженном заблуждении. Я мирно пополняла продовольственные запасы, тренировалась обращаться с заклинаниями, почти наладила отношения с колодцем и огородом и научилась игнорировать орущего по утрам петуха. В общем, насколько это было возможно в данных обстоятельствах, училась наслаждаться сельской жизнью. И очередное утро тоже обещало быть радостным и солнечным. Митрофан спал, развалившись на печке и вытянув хвост, в кои-то веки молчало вечно меня критикующее зеркало, яблочко, катаясь по тарелочке, показывало идеалистические пейзажи, и доставшаяся мне в наследство кружка наматывала по столу круги, в ожидании пока, такой необходимый мне по утрам кофе остынет. Я сидела за столом, и придавалась размышлениям. Собственно меня как всегда интересовало два вопроса. Первый вопрос касался происхождения кружки. Понятно было, что осталась она здесь от предыдущей хозяйки, явно не пожелавшей брать с собой столь сомнительный сувенир. Но вот откуда она взялась изначально, вот что интересовало меня сейчас. Собственно второй вопрос тоже касался кружки, а именно как скоро она успокоится и дарует мне возможность начать завтракать. За пару недель моего здесь пребывания ее рекордный забег длился тридцать минут. И меня очень интересовало не пойдет ли она сегодня на новый. Рекорд я имею ввиду. В общем, утро было вполне тривиальным. А потом в дверь кто-то постучал. Возникал вопрос, кто бы это мог быть. Горыныч в дверь не стучал, он сразу заглядывал в окно и звал на крыльцо поболтать. Местные герои, не то, чтобы у меня было много знакомых героев, начинали кричать свои оскорбления со двора, приставая попутно еще и к избушке, чтобы она им танцы танцевала. Кощей без крайней нужды в такую рань бы не пришел, да и потом, постучав пару раз в дверь уже бы вошел. Этот же продолжал молча колотить в дверь, не входя и не уходя. Работа, будь она неладна.

— Войдите, — крикнула я, потому что вставать было лень, и схватила зазевавшуюся кружку.

— Гутен таг, — раздалось с порога и в комнату вошла она.

Она явно была не местной. Начнем с того, что местные по — немецки не здоровались, да и вообще ко мне не заходили. Была

она высокого роста, с прямой, очень прямой осанкой. Золотые волосы были убраны в замысловатую прическу, а платье заграничного покроя пряталось под темным дорожным плащом с меховой оторочкой.

— Гутен таг, — ответила я.

Далее последовала длительная тирада на немецком, из которой я вообще ни слова не поняла. Гостья, через пару минут осознав, что на ее реплики никто не реагирует, догадалась поинтересоваться моим знанием этого древнего языка, после чего мы с обоюдного согласия переключились на английский. Правда здесь тоже возникли маленькие трудности, потому как древний английский отличается от, того который я так упорно учила в институте, но если отбросить в сторону эти лингвистические заморочки, разговор наш свелся к следующему.

— Доброе утро, — повторила гостья.

— Доброе утро, — улыбнулась я. — Проходите, присаживайтесь. Чай или кофе?

— Нет, спасибо большое, — вежливо ответила она, со всем достоинством располагаясь напротив меня и расправляя свои пышные юбки.

— Чем могу помочь? — я решила сразу же перейти к делу.

— Только вы одна и можете мне помочь, — начала гостья свою тираду. — Только вы одна можете спасти мой брак. Меня зовут Гертруда. С недавнего времени я королева Лютерании. Это маленькая, но очень красивая страна и правит ей замечательный король. Король Фридрих. Мой бедный король женат на мне вторым браком. Его первая супруга покинула нас много лет назад. Роды дались ей очень тяжело и она оставила своего короля и свою дочь. Много дней и ночей Фридрих оплакивал свою супругу, но время лечит, да и маленькой принцессе нужна была мать, и король вновь женился на мне.

— Очень за вас рада, — вставила я, не совсем понимая, при чем здесь эта исповедь и судорожно пытаясь припомнить, должна ли я по контракту выступать еще и психотерапевтом.

— О счастье мое было недолгим. Юная принцесса с самого начала не взлюбила меня. Но я терпела ее гадости и оскорбления, надеясь, что придет день ее совершеннолетия и она выйдет замуж за прекрасного принца и оставит нас. Но увы. Надеждам моим не суждено сбыться. Юная принцесса выросла, но не изменилась. У нее по — прежнему отвратительный характер. И внешность у нее, между нами говоря, довольно непривлекательная: слишком бледная кожа, очень черные волосы и кроваво — красные губы. Слуги, встретив ее ночью в коридорах, пугаются. Женихов у нас и так было не много, но она распугала последних. И продолжает

наговаривать своему отцу, что это я во всем виновата, что я хочу разрушить ее счастье. Еще немного, и мой брак рухнет, а вместе с ним, возможно, полетит с плеч и моя голова.

— Нда, а как девочку зовут?

— Белоснежка.

Известная сказка открывалась с новой, неожиданной стороны. Собственно говоря, сидящая напротив меня женщина не производила впечатления монстра, жаждущего растерзать невинную девочку. Хотя, не один маньяк не был похож на маньяка. С другой стороны с Белоснежкой я тоже была знакома только по сказкам. Да и то, не местного производства. Дилемма. Особенно если учесть, что контракт мой предусматривал консультационную помощь иностранным клиентам. Зеркало ехидно усмехнулось и нахально пошло рябью, в ответ на мой молчаливый призыв. Королева тихо плакала в расшитый золотом платочек. И только Митя продолжал безмятежно спать на своем заслуженном отдыхе.

— Чего вы хотите от меня? — я решилась пойти ва — банк. — Кроме некой абстрактной помощи.

— Я хочу, чтобы вы избавили меня от этой девицы, — если королева и не поняла моего мудреного словечка, то виду не подала.

— Убить?

— Ох, ну зачем же так сразу, — правдоподобно взмахнула руками гостья. — Просто убрать ее на некоторое время из дворца, чтобы спасти всех от ее пагубного влияния, если уж замуж выдать не удастся.

— Есть какие-нибудь задумки? Или может жених на примете имеется?

— Принц есть, — обрадовалась женщина. — Соседней страны. Младший сын. Мы с королем думали, что если бы удалось наших детей поженить, то и королевству нашему король бы достался, и соседи были бы рады, что сын при деле, глядишь, перестали бы с нами воевать.

— Ну и в чем дело? — удивилась я. — Принц есть, договорились бы с его папой и дело в шляпе.

— В какой шляпе, — недоуменно глянула на меня королева. — Да и что тут говорить. Не хочет принц на нашей Белоснежке жениться. Он мечтает о подвигах и большой любви. Знаете же этих молодых принцев. Беда с ними.

— А задумок я так понимаю нет, кроме того, что не плохо выдать девушка замуж?

— Нет, задумок нет, — горестно вздохнула королева. Но я готова оплатить все расходы и пойти на любые жертвы. Почти.

— Ясно.

Что еще можно сказать рыдающей королеве, у которой рушится семейная жизнь из-за чужой дочери. И самое главное, что можно сделать, чтобы всем было хорошо?

— Митя у тебя есть идеи? — поинтересовалась я, после того как выпроводила гостью, пообещав в ближайшее время с ней связаться.

Митрофан вяло махнул хвостом и повернулся на другой бок, всем своим видом выражая просьбу не мешать.

— Идей нет, — перевела я на доступный язык кошачий ответ.

— Могла бы и отказаться. Твое дело зелье сварить, Иванушку — дурачка какого-нибудь в печке изжарить, да просто ужас наводить. А по сватовству это вон к Кощею пущай идут — отозвалось зеркало.

— Жаль бедную женщину. Ей ведь тоже счастья хочется.

— Это еще не известно, насколько она бедная. Может она наврала тут с три короба, а ты и веришь.

— Может и наврала, но тогда надо девушка спасать от злой мачехи. Да и потом, неудобно как-то, первый месяц работы, а уже саботировать.

— Слова-то какие умные, — усмехнулось зеркало. — Ну — ну, раз такая добрая Яга, то выкручивайся.

— Да уж, придется.

Выкручиваться действительно приходилось. Правда, пока было не ясно как. Впрочем, зеркало давеча помянуло Кощея.

Смеркалось. Ну, точнее было уже за полдень. Мы сидели с Кощеем на моей кухне, ели блины и думали. Надо отдать должное моему новому знакомцу. Он пришел сразу же, как только я сообщила ему о свалившейся на мою голову королеве с матримониальными планами на чужую дочь. И еще шоколад с собой принес. Конечно, я не думала увести его от Василисы, по крайней мере, в серьез, но было приятно сознавать, что среди этого царства вековой дикости и невежества, есть галантный мужчина, который к тому же почти твой друг.

— Обычные методы здесь конечно не пройдут. Принцесса все-таки. Ее много людей видело, так что подменить не получится. Сама она тоже активной помощи оказывать не будет. Инициатива так сказать не от нее исходит. Остается сыграть с ней в темную, — Кощей наконец-то прервал затянувшееся молчание, использовав при этом слова с каким-то криминальным душком.

— Есть варианты? — я чувствовала себя героем крестного отца, так и хотелось залечь на матрасы и готовится к большой войне.

— Не очень много, — как-то печально вздохнул

собеседник. — Если честно, то один. Вариант. Королева права, девушку надо нейтрализовать, чтобы не мешала созданию легенды. Так что мне в голову приходит только гроб хрустальный.

Хорошо, что в тот момент я ничего не ела и не пила, а то гроб хрустальный понадобился бы уже мне.

— В том гробу твоя невеста, — вспомнилось мне из классика.

— Примерно так, — согласился Кощей, вряд ли читавший сей шедевр. — Просто была у нас тут пару лет назад похожая история. Думаю, можно будет взять ее за основу. Только для этого нам понадобиться провести подготовительные работы.

— Например? Найти гроб?

— И гроб тоже, — Кощей не внял моей иронии. — Но для начала надо всех убедить, что юная принцесса очень красива.

Вместо ответа, я сунула Кощею под нос маленький портрет принцессы, предусмотрительно оставленные мне бедной мачехой. Надо отдать должное великому организатору чужих свадеб, он сумел себя сдержать и даже не вздрогнуть. А было от чего. Нет, девушка, конечно, была миленькой. Но какой-то потусторонней красотой. Волосы черные как ночь, глаза черные, кожа белая как снег и алые как кровь губы. Очень подходит невесте какого-нибудь вампира. Встречаться с ней ночью в коридорах замка я бы точно не захотела, потому как такая встреча вполне вероятно может стать и последней в жизни, особенно если сердце слабое и просмотром голливудских ужастиков незакаленное.

— Это будет немного затруднительно, — согласился Кощей.

Всю следующую неделю я занималась самым неблагодарным делом на свете. Учила врать. План наш, с какой точки зрения не смотри, безумный, королева одобрила и даже согласилась играть в нем не самую приглядную роль мучительницы. Аргументировала она это тем, что дочка и так про нее гадости на каждом углу кричит, так что пусть хоть повод будет. И даже внесла аванс, на предварительные расходы. Кощей уехал в эту самую Лютеранию искать согласных приютить у себя принцессу на время, а я осталась колдовать с зеркалом, благо говорящих у меня было полно, на любой вкус. Но у всех у них была одна проблема. Зеркала были правдолюбцами. Сказать, что королева Гертруда прекрасна, им было не сложно, но вот повторить то же самое про ее дочь, да еще в превосходной степени. Вот на этом у них начинались судороги. Они начинали рябить, заикаться, а потом и вовсе отключались. Поэтому выбрав одно зеркало, в дорогой оправе, в самый раз для королевы, я занялась его воспитанием методом кнута и пряника. Дело продвигалось тяжело и медленно, но все же некоторые сдвиги намечались.

— Я нашел гномов, — обрадовал меня Кощей прямо с порога.

— Они от тебя прятались? — поинтересовалась я, не способная оценить красоты момента, так как только что три часа подряд объясняла зеркалу, почему откровенное вранье в данном конкретном случае это благо.

— Может, конечно, и прятались, но не от меня. Просто они согласились приютить у себя Белоснежку. И даже немного просят за сию услугу. Так что осталось только довести девушку до леса, а там у них тропинка есть, если принцесса не дура, то дорогу сама быстро найдет.

— А если исходить из того, что она дура?

— Тогда они ее найдут. В общем, на месте сориентируемся. А как дела с зеркалом?

— Дела у нас хорошо, просто замечательно, только вот то совесть у нас ломит, то изображение отваливается. Думаю, через пару дней дойдет до кондиции, — торопливо добавила я, поймав на себе слишком уж невозмутимый взгляд собеседника.

— Тогда через пару дней и начнем.

На том и порешили.

И вот мы с Кощеем сидели в засаде и ждали Белоснежку. В засаде было прохладно и мешала разная мошкара, но мы терпели, так как несли ответственность за сей спектакль, будучи главными режиссерами и сценаристами. Две недели назад мы передали королеве Гертруде говорящее зеркало, которое после долгих уговоров и еще более долгих угроз, согласилось говорить все, что нужно, и игра началась. Пару дней попадаясь на глаза служанок в обнимку с дорогой стекляшкой и как бы невзначай пользуясь его услугами «когда никто не видит и не слышит», королева смогла убедить всех вокруг в том, что безумно завидует красоте падчерицы. Затем спровадив короля в гости, чтобы не вмешивался в воспитательный процесс, Гертруда перешла к следующей части марлезонского балета, а именно стала всячески издеваться над падчерицей и вот сегодня велела слуге отвести ее в лес и убить, а сердце принести ей в качестве доказательства. Мы же, решив исходить из того, что принцесса все-таки дура, хотели лично убедиться в том, что она найдет дорогу к гномам. Сидели мы тут с самого утра и порядком устали, но уйти не могли. Впрочем это того стоило. Ближе к полудню перед нами разыгралось действо. На поляне появилась немного растерянная принцесса, на лице которой было написано явное недоумение по поводу того, что она вообще делает в лесу. Корзинка ее была пуста, там даже цветы не заваливались, и вообще было видно, что в лесу девушка впервые в жизни и удовольствия она от этого явно не испытывает. Лесничий кравшийся за девушкой с огромным кинжалом явно перебарщивал с трагизмом, впрочем, принцесса

его просто игнорировала. Мы с Кощеем сидели, затаив дыхание. Пару раз продефилировав мимо принцессы с самым зловещим выражением на лице и помахав перед ее носом занесенным для удара ножом, лесничий наконец-то перешел от действий к словам (что удивительно, потому как любая нормальная девушка уже бы ломилась через лес с громкими криками) и поведал Белоснежке страшную тайну.

— И велела мне королева тебя убить, а сердце твое вырезать и ей принести, — Белоснежка в ответ наивно хлопала ресницами и, кажется, даже выдвинула вперед грудь, видимо, чтобы удобнее резать было. — Но ты так красива принцесса и так добра, я не могу тебя убить. Беги же прочь и не попадайся на глаза твоей мачехе, а я принесу ей в доказательство сердце кабана. Беги.

При этих словах он даже притопнул, и принцесса наконец-то побежала. Мы с Кощеем ломанулись следом. Впрочем, опасения наши были напрасны, тропинка вывела девушку к домику гномов, где она и спряталась. Кощей предупредил гномов, что посылка прибыла, и мы с ним отправились домой, благо нам предстояло готовить финал этой трагедии.

— Пойду займусь яблочком наливным.

— А я начну информационную поддержку, чтоб мимо принца не прошло

На этом мы с моим сообщником расстались, оставив принцессу в надежных руках гномов.

Знаете осваивать новую профессию в любом возрасте интересно и полезно, так, по крайней мере, утверждают психологи. Но вот практика показывает, что после тридцати этот весьма полезный процесс проходит довольно болезненно. Во всяком случае лично мне изучение ядов давалось с трудом. Впрочем, у меня всегда были проблемы с химией. На данный момент у меня были проблемы с кипящим котлом и килограммом яблок. Основу будущего яда мне удалось приготовить почти без труда. Вскипятить воды и накидать туда разных травок, почти как щи сварить. Но вот с ключевыми компонентами возникала проблема. «Добавьте в равных количествах болиголова, наперстянки и сушеных мухоморов. Тщательно перемещайте и держите на медленном огне до полнолуния» гласило руководство Бабы — яги. До полнолуния оставалось две недели и с этим все было ясно, но вот как определить равное количество мухоморов и наперстянки? Вернее вопрос стоял так: не будет ли определенное мной количество мухоморов чересчур действенным. Все-таки по плану принцесса должна была проснуться от поцелуя принца, а не уснуть мертвым сном лет так на сто.

— Митя, ты же ученый кот, мог бы и помочь, — обрушилась я

на мирно спящего кота, но ответом мне было все то же сонное сопение. — И на ком мне все это пробовать? На тараканах?

Вопрос был, в общем-то, риторическим, но зеркало, которое до сих пор не могло мне простить издевательств над сестрой, ехидно заметило:

— А целовать их тоже будешь для чистоты эксперимента?

— Для чистоты эксперимента целовать тараканов будешь ты, — разозлилась я и зеркало погасло.

Котел продолжал кипеть и, решив была не была, я бухнула в его недра по столовой ложке трех оставшихся частей. Оставалось ждать полнолуния и решать вопрос с подопытным кроликом. Можно было попросить Кощея, он бы не отказал. Но если я ошиблась и Кощей уснет на сто лет, то что я тут одна без всяких связей и знакомств делать буду? А если доза вообще смертельна, то мы этого не узнаем, потому как Кощей у нас бессмертный, то есть вечно живой. На себе пробовать вообще чревато, кто ж меня целовать будет. На Митрофане совесть гринписовца не позволяет, а больше под рукой никого нет. Впрочем, у меня оставалось еще две недели на поиски. Кощей тем временем развернул настоящую информационную войну. По — моему в нем погиб великий политический деятель. Для начала он сумел внушить всему окружению потенциального жениха, что настоящая красота женщины это не золотые локоны и голубые глаза, а сочетание черных волос и молочной белизны кожи. Затем в качестве идеала красоты начал рекламировать Белоснежку, приводя в качестве доказательства слова некоего волшебного зеркала, которое никогда не врет. Принц наш был готов уже в первые дни информационной атаки, но Кощей, учитывая сроки приготовления яблочка, продолжал его очаровывать и завлекать, чтобы по его собственным словам довести принца до нужной кондиции и тот от гроба хрустального сразу же повел принцессу к алтарю. Реклама рекламой, а давать время на раздумье мы не собирались. Тут уже не только деньги, но и наша репутация стояла на кону. Если нам удастся провернуть эту брачную сделку, то у Кощея были все шансы выйти на международный рынок.

В положенный срок наступило полнолуние, и я согласно рецепту высыпала в готовый отвар весь килограмм яблок, впрок. И дав им настояться, убрала их на свой склад, оставив несколько для пробы. Оставалось найти на ком пробовать. Впрочем, и эта задача вскоре разрешилась самым простым способом. Как всегда с утра пораньше под моим окном снова заорали, требуя от многострадальной избушки физической активности, а меня лишая возможности насладиться завтраком. Некто надрывался под моим окном. Такую бы энергию да на благие цели. Правда, в отличие от прежнего моего гостя, этот субъект не обзывался, а просто орал с целью привлечения внимания.

— Кто кто в теремочке живет?

— Ну, допустим, я.

Мне было лень вставать и выходить на высокое крыльцо, а посему я просто выглянула в окно, чтобы полюбоваться на вновь

прибывшего. Счастливый ли случай или вечная моя неуклюжесть сыграли свою роль, но только яблочки мои наливные, которые я поставила в тарелке на подоконник подсохнуть, да и от себя подальше (есть у меня дурная привычка жевать все подряд при стрессе) упали на двор и покатились в разные стороны.

— О, яблочки, — обрадовался незваный гость и, прежде чем я успела хоть как-то отреагировать, радостно захрумкал.

— Эксперимент вышел в финальную стадию, — прокомментировал ситуацию Митрофан, нарушивший ради такого свой обет молчания в отпуске.

— Кабы только финальная стадия не оказалась последней, — не осталось в стороне зеркало.

То ли я напутала с дозировкой, то ли молодец оказался покрепче будущей субтильной жертвы, но без чувств он упал минут этак через сорок. За это время он успел слопать все три яблока, напиться воды из колодца и поправить мне крыльцо. Видимо в благодарность. Все это время мы с Митрофаном наблюдали за ним с безопасного расстояния, то есть из окна избушки, время от времени отвечая на его вопрос «Кто в теремочке живет».

— Или он дурак или твой продукт на него подействовал нестандартным способом, лишив зрения, — заявило зеркало, когда парень задал волнующий его вопрос в двадцатый раз, в двадцатый же раз проигнорировав ответ.

— Одно другому не мешает, — вынес веское суждение Митя.

Я молчала как партизан на допросе. Мне было очень страшно и безумно жаль себя, погибающую в расцвете лет ни за что ни про что, ну и парня немного тоже. Наконец он замолчал, как-то странно дернулся и рухнул в обморок. Оставалось только выяснить насколько обморок был необратим. Для начала я закончила свой завтрак, чтобы набраться сил и успокоится, а потом вышла во двор к добру молодцу. Молодец, как и указано было в рецепте, спал, но очень тихо. В рецепте также говорилось, что тот, кто яблоко отведает, проснется только от поцелуя. Насчет любви там не было ни слова. Но вот как-то так сразу целоваться с незнакомым мужчиной? В общем, в течение следующего часа я опробовала все известные и вновь изобретенные способы разбудить человека: поливала из ведра, прикладывала к пятке холодные ложки, шумела, кричала, заставила петуха петь, парень даже не пошевелился. Первая часть испытаний прошла успешно. Митя с интересом наблюдал за устроенным мной цирком из окна, попутно делясь своими впечатлениями с зеркалом. Мне было в общем то уже нечего терять, и я решилась. Целовать правда пришлось долго, видимо сказывалось количество съеденного, но

вот я услышала шумный вдох, затем молодец потянулся, открыл глаза, и… буквально впал в буйство.

— Краса моя ненаглядная, голубка моя ясная, любовь моя неземная — заголосил он

— Вы товарищ, простите, сейчас с кем разговариваете? — у меня засосало под ложечкой от очень нехорошего предчувствия

— Песнь ты моя…

— Неспетая.

— Мы с тобой полетим над землей, высоко — высоко, мы с тобой запоем

— Далеко — далеко

— Отцу батюшке покажу тебя, назову тебя женой любимою

Я прибегла к любимому средству Кощея для выведения людей из стресса: холодной воде. Парень и правда очухался, но особой разницы я не заметила. Он просто замолчал и стал смотреть на меня влюбленными глазами. Учитывая, что до эксперимента он меня видел впервые в жизни и особых признаков восхищения моей красотой с его стороны замечено не было, вывод напрашивался только один: съевший яблок, влюблялся в того, кто его разбудил. Побочный эффект, ранее, правда, не замеченный. Видимо я все-таки что-то напутала в рецептуре. С одной стороны это было конечно хорошо: Белоснежка гарантированно влюбится в принца, но с другой, кто ж его знает, как долго этот эффект длится. И что мне делать с этим влюбленным остолопом?

Собственно вопрос этот решался нами коллективно на слете. Вновь влюбленный по прозванию Алеша напрочь отказывался покидать предмет своего воздыхания, меня то есть, и покинуть место любовных действий пришлось мне. Набрав яблочек и устроившись в ступе, я сначала разобралась с юной принцессой, под видом нищей старухи заставив ее съесть натуральный продукт, после чего мы вместе с гномами уложили ее в хрустальную кровать и выставили на всеобщее обозрение на полянке в лесу, попутно украсив дорогу ненавязчивыми указателями, чтобы заочно влюбленный принц не заблудился и не нашел по ошибке другую какую принцессу. Кощей перешел к финальной стадии своей пропаганды, после которой принц сломя голову бросился на поиски несчастной. И теперь мы все вместе, то есть я, Горыныч (прилетевший на зов моей печали), и Кощей сидели неподалеку от места будущего счастливого конца, чтобы самим убедиться, что все прошло как надо, и попутно решали, как быть с моим новым поклонником. Идей особых не было. Правда Горыныч предложил свою помощь, пообещав съесть, если будет сильно мешать, но вряд ли это можно было считать вариантом.

Загвоздка была в том, что влюбленность явилась побочным продуктом моего зелья, и как с этим бороться никто не знал. Такие вещи в этом государстве знала вообще только Баба — яга, но именно она сейчас была не в лучшей форме.

— Со временем придет, — утешал меня Кощей. — Со временем еще и не такое колдовать будешь.

С каким вот только временем, возникал закономерный вопрос, на который ответа не было. Белоснежка тем временем мирно спала, принц шарился незнамо где, а гномы несли почетный караул вокруг ценного имущества (вы знаете сколько стоит такая глыба хрусталя? то-то).

— Хотите последние сплетни? — поинтересовался Кощей, — при дворе теперь все девицы лицо мелом пудрят, чтобы быть белокожими, и волосы в черный цвет красят. Королевский лекарь какой-то порошок изготовил, так они теперь за ним днем и ночью бегают, выпрашивают. Слуги корень валерьяны пьют, и ночью по коридорам ходить боятся. Не дворец, а какой-то замок с привидениями получился.

— Благодарные брюнетки тебя не забудут, — пообещала я агитатору, отсмеявшись.

Принц появился только через три дня. То ли у него плохо было с ориентированием на местности, то ли он по пути заглянул в пару трактиров, но все эти три дня мы с Кощеем прилежно сидели в кустах, ожидая развязки. Горыныч нас бросил сразу же, как только проголодался. После появления принца все прошло как в знакомой мне с детства сказке. Белоснежка проснулась от поцелуя, и счастливые влюбленные отправились к родителям принца жениться. Гномы, разыграв трогательное прощание со своей гостьей, потащили хрустальное состояние к себе в закрома, а мы с Кощеем направились по домам, потому как лично мне очень хотелось попариться в горячей баньке после трехдневного пребывания в полевых условиях. Первый блин был не таким уж и комом, вот только Алешу надо было спровадить на ратные подвиги, во славу любимой. По мнению Кощея, смертельная опасность способна излечить от любви кого угодно.

— Ну, или, в крайнем случае, покроет себя вечной славой, — утешил он меня на прощанье.

Спорить с этим было трудно, да и не зачем.

Вернувшись домой и приведя себя в божеский вид, я начала военную кампанию против влюбленного парня. Собственно может возникнуть резонный вопрос, чем мне этот парень так сильно не угодил и почему я не пыталась воспользоваться свалившимся на меня счастьем: в кои-то веки появился парень, на все ради меня готовый, а я, вместо того, чтобы хватать его и бежать на поиски

первого попавшегося местного батюшки, пытаюсь от него избавиться. Но вот разумного ответа на этот вопрос у меня не было. Кто-то сказал, что женщины странные существа: сначала они мечтают о ком-то, кто будет петь им серенады и дарить цветы, а как только рядом появляется такой вот цветочный певец, они сразу же начинают мечтать о мужчине способном починить кран и подарить им автомобиль. Я видимо в таком случае была еще более странной, чем все прочие женщины. Рядом со мной был парень, который если и не мог починить кран, по причине отсутствия водопровода у местной цивилизации, но зато мог затопить баню и нарубить дров (чем он видимо и занимался все три дня моего отсутствия, судя по занявшей все свободное пространство двора поленнице), и который меня иначе чем ненаглядная не называл, а меня мучил вопрос как от такого нежданного счастья избавиться. Возможно причина была в его влюбленности, и в моем страхе перед тем, что будет когда эта влюбленность закончится, а может все дело было в моем противоречивом характере, но я решила не пренебрегать советом Кощея.

— Алеша, а куда ты направлялся, когда ко мне пришел? — решила я выяснить первоначальную цель его пути.

— Шел я к тебе ненаглядная моя, чтобы с тобой рядом быть, от беды тебя хранить.

Видимо яблочки обладали еще и амнезийным эффектом.

— От какой такой беды, Алешенька? Все мирно кругом.

— Потому и мирно, что знают злодеи коварные про меня, — да, избытком скромности мы явно не страдаем.

— Алешенька, дружочек мой, а не хотелось бы тебе мир посмотреть, да себя показать? Славой немеркнущей себя покрыть?

— А зачем?

Вот об такие вопросы и разбивается любая логика. Я вернулась к молчаливому пережевыванию каши, пытаясь подобрать новые аргументы, когда на помощь мне неожиданно пришло яблочко. Пару раз покрутившись на тарелочки в поисках какой-то волны, сей райский фрукт вывел на экран картинку ратного боя и монументальной фигуры в доспехах и с огромной палицей в руке, которая играючи валила на землю окружающих, а поверх этой милой картинки бежала надпись: Илья Муромец. Алеша, увидев сие великолепие, так и застыл с открытым ртом, а я стала как можно громче и цветастее восхищаться Ильей, что впрочем, было не трудно, он и впрямь вызывал уважение и восторг. Большего мне делать не пришлось, мой влюбленный немедленно решил сравняться с Ильей Муромцем по силе и славе, чтобы быть достойным моих восторгов и решил

отправиться в путь немедленно, так что мне с трудом удалось убедить его отложить путешествие до утра. Мое желание избавиться от него все-таки не заходило так далеко, чтобы выгонять первого и единственно в моей жизни поклонника в лес темной ночью. Вот с утра пораньше, это с удовольствием.

Согласитесь, когда вам за тридцать, то пора бы уже стать зрелой личностью, живущей разумом, а не одними только эмоциями, даже если ты все еще незамужняя девушка. Тридцать лет это конечно еще не старость, а скажем, вторая молодость, но и она зовет задуматься о содеянном тобой в жизни. Твои подруги в этом возрасте, правда, уже ведут детей в школу, и хорошо если в первый класс, а не в выпускной. Половина из них уже давно счастлива во втором браке, а другая половина все еще пытается решить проблему первого тем или иным способом. И они давно уже перестали реагировать на все в мире как девочки — подростки. К чему я это говорю? К тому, что у меня опять началась депрессия, и тянуло поскандалить. Скандалить особо было не с кем. Митрофан отгуляв заслуженный отдых, вернулся к дубу, зеркало на меня не реагировало, а ругаться с руками (в другом виде помощники появляться отказывались) было как-то не с руки (как бы странно это не звучало). Нет, в округе, конечно, проживал народ. Местный поставщик алкогольной продукции, известный как Леший, сутенер средней руки — он же Водяной, победительница лесных конкурсов красоты — Кикимора, и, конечно же, три головы Горыныча. Но. Как всегда было одно но. В этот раз «но» выступило в роли плохой погоды. Уже две недели не переставая шел дождь. Лил как из ведра и не думал прекращаться. В общем, ни сам в гости не пойдешь ни гостей к себе не ждешь. Оставалось только изучать теорию и практику того, как быть Бабой — Ягой. Ну, и яблочко время от времени показывало яркие картинки чужой жизни, этакий аналог спутникового телевидения. А проще говоря, я быстро и неумолимо дичала в этой сырой глуши, не видя ни солнца, ни какой-нибудь хоть самой завалящей живой души. Хотя если бы сия душа появилась, то, наверное, по старинной традиции я сварила из нее суп. Просто так, по причине крайней вредности и дурного настроения.

— Нет, ну это просто безобразие какое-то, проливные дожди в начале лета, — ворчал гость, пытаясь счистить налипшую на лапти грязь. — Если дело так дальше пойдет, то у меня ягоды не созреют, и чем мне тогда лесную живность зимой кормить? И вообще, где это видано, чтобы дождь стеной лил не прекращая. И вообще, хозяйка, ты бы разобралась со своими помощниками, а то ни дня белого, ни солнца красного не видать.

— Привет, Леший. Чай будешь? У меня и казинки есть.

— Чай я буду, с этими твоими, чем бы они не были. А от ответа ты не увиливай. Ты думаешь или не думаешь погоду приструнить?

Леший, потому что это был именно он, милый мужичок с кудлатой бородой и хитрыми глазами, и очень заботливый хозяин, был явно настроен очень решительно. Хотя его можно было понять. Из-за этого дождя реки и болота так разрослись, что от леса пара кочек только и осталась. Кому понравится, когда его жилплощадь урезают.

— Ну, если честно, то не думаю.

От такой прямолинейности Леший лишился дара речи и уставился на меня как на врага народа.

— То есть что значит нет? То есть как это нет? Мы тут, что должны по твоей милости в водоплавающих превратится?

Леший носился кругами по комнате, размахивая руками и громко причитая о несознательности некоторых, я продолжала смотреть на вечный дождь, игнорируя попытки гостя меня растормошить, зеркало ушло в себя, и только яблочко в знак солидарности перепрыгнуло на какую-то драку. Наконец выдохшийся гость упал на лавку и принялся за чай. Чай он пил долго и молча, постепенно успокаиваясь, и переставая зыркать на меня лиловым глазом (когда леший злился, глаза его почему-то становились лиловыми, как предгрозовое небо). Вконец успокоившись и вернувшись в свое всегдашнее созерцательное расположение духа, Леший начал все с начала. Вернее попытался начать, но был грубо прерван новым гостем. На пороге избушки возникла Кикимора. Знаете, Кикимора, хоть и болотная, но очень даже симпатичная особа. Этакая длинноволосая блондинка с тонкой талией. Если уж быть совсем откровенной, то я ей завидовала, как только может завидовать городская девушка, воспитанная на идеалах 90–60–90 и Мерлин Монро. Кикимора была моим местным идеалом красоты, причем идеалом красоты теоретически достижимой, в отличие от той же Василисы, которая была красива в этаком русском стиле. То есть габаритов она была примерно моих, правда обладала при этом огромными василькового цвета глазами и русой косой до колен, редкой красотой и мозгами Циолковского, не говоря уже о муже. В общем, зависть к Василисе могла обернуться только односторонней путевкой в местный дурдом, поэтому я избрала объектом своих мучений Кикимору, которая ко всему прочему обладала удивительной уверенностью в своей неотразимости для каждого встречного поперечного. Было у нее чему поучиться. И вот этот местный, по моим представлениям, идеал красоты с

самым возмущенным видом стоял на пороге моей избушки и смотрел на нас обвиняющим взглядом. Мы с Лешим прикинулись местными дурачками и дружно ее игнорировали, заведя разговор о погоде.

— Вы не находите, что это лето выдалось особенно дождливым? — самым светским тоном поинтересовалась я у Лешего.

— Думаю еще рано об этом говорить. Вполне возможно, что дожди скоро прекратятся. Обычно жара у нас в июле — августе. Хотя конечно, на мой взгляд, немного сыровато.

— Сыровато, — взорвалась Кикимора. — Они тут о погоде рассуждают, а то, что там Горыныч погибает им все равно.

Горыныч просто так погибать не будет. Он Змей серьезный. Мы с Лешим переглянулись и посмотрели на новоприбывшую.

— И что там с Горынычем? — поинтересовался Леший.

— У него от этой сырости кости разболелись. Спину, говорит, ломит, сил нет встать. Да еще у левой головы мигрень началась, потому что какой-то местный герой возле его пещеры уже второй день орет, на бой вызывает. А он даже выползти не может, так кости свело.

Местные герои всегда были основной головной болью Горыныча. Есть он их уже давно перестал из-за проблем с желудком и строгой диеты, предписанной Лешим и категорически исключающей жареное мясо, ну а поскольку герои о его проблемах не слухом не духом, то Горыныч старался по возможности встречи с ними избегать, потому как был он гуманистом и считал, что убивать надо только ради еды, и уж никак не ради забавы. А позволять рыцарям все время себе головы отрубать, только авторитет подрывать. В общем, та еще была проблема с местными героями. С другой стороны местных героев тоже можно было понять. Народ требовал от них громких подвигов в ответ на широкую славу, а объектов для этих самых подвигов не предоставлял. Вот они и ездили по очереди к злодею, похищающему девиц и поедающему детей, благо ездить было не далеко. В отличие от того же Кощея, который спрятался от всех на острове.

— Два дня значит уже кричит? — уточнил Леший.

— Может и больше. Горыныч его только два дня слышит, до этого спал. А герой этот уходить никуда не намерен. Говорит, что пока коварного змея не сразит мечом буланым, с места не сдвинется.

— А почему коварного-то?

— Это ты у него Леший сам спроси, если тебе интересно. Я с ним не разговаривала, меня больше Горыныч интересовал.

— Сам значит сам, — крякнул Леший, — ну что Яга, навестим хворого друга?

Против этого предложения возражений у меня не нашлось.

Самый быстрый способ добраться куда-либо — воспользоваться имеющимся под рукой транспортным средством. У нас под рукой была только моя ступа, в которую мы и влезли все втроем. Не то, чтобы кому-то из нас так уж нравились полеты под дождем, но так у нас появлялись хоть какие-то шансы добраться до Горыныча в этом году. Вскоре промокшие и злые мы увидели восседавшего на коне молодца, методично кричавшего одну и ту же фразу. Видимо вызов на поединок. Плавно развернувшись, я посадила ступу недалеко от молодца, перед входом в пещеру. Молодец окинул нас заинтересованным взглядом, но кричать не перестал. Скорее всего, он решил извести Горыныча таким вот оригинальным способом, объявив тому звуковую войну. Мы вошли в пещеру. Горыныч лежал в дальнем ее углу, свернувшись наподобие калачика, левая голова была спрятана где-то в центре этой композиции, две другие, уставились на нас.

— Что, опять прихватило? — начал Леший. — С такой-то погодой не удивительно. Уже и не помню, когда в последний раз было такое лето дождливое. А ты, конечно же, опять забыл на Везувий слетать, кости свои погреть. А теперь вот мучаешься.

В ответ на эту тираду Горыныч только скривился. Я осторожно осмотрелась. В пещере, как это не странно, было довольно уютно и почти тепло. Почти, потому что здесь не было большой печки, как в моей избушке, способной прогнать принесенную дождем сырость. И звукоизоляция была неплохой, крики с наружи хоть и доносились, но не передавали всей полноты чувств и весь спектр эмоций незваного гостя. Звучали они скорее как поломанное радио, которое и не играет толком и выключить не получается. Не удивительно, что у Горыныча голова разболелась от этой монотонности. Леший тем временем занялся лечением больного. Из прихваченной из своей берлоги корзинки он вынимал на свет различные баночки, скляночки, пучки трав, узелки, порошки и еще что-то непонятное и раскладывал все этой в одной ему ведомой последовательности. А затем мы дружно приступили к лечению зеленого змея. Наконец Горыныч был напоен, намазан, натерт и перевязан всеми мыслимыми и немыслимыми травами и мазями и по уверению главного врача должен был окончательно поправиться уже к утру. А посему благополучно решив вопрос с больным и его болезнями можно было переходить к паразитам и микробам, а в нашем конкретном случае к богатырю, вызвавшему мигрень.

— И чего ты орешь? — хором поинтересовались мы.

— Враг коварный, — закончил богатырь предложение и обратил свой взор на нас. — Солнце ты мое ясное, краса моя ненаглядная, любушка моя ласковая.

Переход от грозного воина к нежно — влюбленному менестрелю был мгновенным и как говорится без всяких предупреждений. Мы нерешительно переглянулись, и в моей голове всплыли очаровательные образы смирительных рубашек подходящего размера. Богатырь тем временем спрыгнул с лошади (или это был конь?) и в позе нерешительного влюбленного (а вы представьте себе нерешительного влюбленного в железной кольчуге, шлеме, и с палицей с меня ростом) замер передо мной.

— Знакомый? — уточнил Леший

— Чей? — решила уточнить я, просматривая пути отхода в пещеру

— Ну, стоит он перед тобой.

— Ага.

Продолжая вести этот не самый содержательный диалог, мы бочком отступали в сторону ступы, решив, что Горынычу сей странный тип все равно не страшен, а нам лучше держаться подальше от поля будущих сражений (мысль упросить Горыныча съесть этого странного субъекта родилась, я думаю, не только в моей светлой голове). Богатырь также медленно двигался за нами, как привязанный.

— Ты уверена, что раньше с этим молодцем не встречалась? — поинтересовалась Кикимора.

— Да где бы? В люди еще не выходила, богатырей местных вообще не видела, до сегодняшнего дня. А ко мне всего только одна королева и наведывалась. Да еще Иван мимо пробегал, так он сейчас с женой молодой должен быть счастлив, а не на змеев охотится.

— Ну не скажи. Смотря какая жена попадется. С иной любушкой и за тридевять земель отправлялись, не то что в соседний лес на подвиги, — вставил Леший

— А я попрошу этот велико мужской шовинизм прекратить. Сами как будто подарок. Некоторых мужей и не жалко скормить какому-нибудь проголодавшемуся зверю, благо от них вреда меньше для экологии.

Собственно зря мы затеяли этот спор о правах мужчины и женщины, момент был не очень подходящим. В чем я и убедилась. Стоило мне на мгновение прекратить тактическое отступление к ступе и задержаться на позициях, как с громоподобным криком «Любушка моя ненаглядная» парень рухнул на колени, обнял меня железной хваткой за ноги и застыл.

— Ну точно твой знакомый, — сделал выводы Леший

— Молодой человек, — я попыталась воззвать к здравому смыслу этого террориста, — молодой человек, может быть, вы меня отпустите, и мы с вами поговорим, обсудим проблемы. Вы мне расскажите, что вас беспокоит.

— Даже я не поняла, что ты сейчас сказала, — веско заметила Кикимора. — Ты другие методы попробуй.

— Болван стоеросовый отпусти меня немедленно. Больно же, дубина, — заорала я, и тут же рухнула на пятую точку, оставшись без поддержки. Молодец преданно смотрел на меня очень уж знакомыми глазами. — Алеша? — озарило меня, и все что я смогла сказать на его радостное кивание головой, был тяжкий стон.

Кикимора помогала мне подняться на ноги и привести в порядок платье, если конечно можно привести в порядок то, что вымокло под дождем и пропиталось грязью. Алеша поднялся следом. Он вообще, кажется, поставил себе задачей копировать мои действия.

— Кто-нибудь просветит меня? — безразличным голосом поинтересовался Леший, в упор глядя на меня и давая понять кто именно будет этим кем-то.

— Ну, в общем. Помнишь, я говорила, что ко мне королева приходила за помощью. Так это была мать Белоснежки.

— Эта ведьма? — хором ужаснулись слушатели.

— Ну, это сильно сказано. На самом деле все было немного по — другому, — и я вкратце рассказала им подлинную историю Белоснежки, попутно объяснив, откуда я знаю Алешу и почему у него такая странная на меня реакция. — Мы с Кощеем решили, что это временный эффект и скоро он пройдет. И в любом случае это было гуманнее, чем травить мальчика неизвестными зельями, чтобы вылечить от влюбленности. Тем более я пока в этом не сильна.

— Отворотное зелье не пробовали? — проявил академический интерес собрат по травам

— Так это же было не приворотное. Просто побочный эффект. Кто его знает с чего он получился. Раньше вроде такого не было.

— Да уж. Но это крайне интересно. Надо бы изучить данную проблему повнимательней…

— Слушайте, а чего мы дальше будем делать? — вмешалась Кикимора.

И на нашем дождливом горизонте замаячила новая проблема, так четко обозначенная нашей подругой. С Алешей по — прежнему надо было что-то делать. С Горынычем его оставлять было нельзя. Если он продолжить орать, а он из-за своего

упрямства продолжит, то Горыныч его точно съест, а мальчик был хороший, молодой еще. Брать с собой, так я его в печке через пару дней зажарю, именно потому, что молодой еще. К Кикиморе в болото, так ей чужие ухажеры не нужны. И к Кощею не отдашь. Он же по своей темноте и дикости будет за ним с мечом гоняться и требовать Василису отпустить. У здешних богатырей вообще сложилось какое-то очень стереотипное представление о Кощее, впрочем, как и о Змее Горыныче.

— А вы его к Илье отправьте или Добрыне в ученики, — посоветовала левая голова, на минуту выглянув из пещеры. — Илья, вообще сильный богатырь, и что удивительно, умный. А Добрыня почитай из богатырей последний кто мне голову срубил, покрыл себя славой и уехал в стольный город. Там, наверное, себе и дело нормальное нашел, раз больше от него вреда никакого не было. Ну или я о таком не слышал. Пущай себе учится, как правильно с людьми разговаривать.

На том и порешили. Мокрый, но ужасно гордый собой молодой богатырь отправился по нехоженым тропкам (и чего их всегда тянет в глухомань, если рядом есть нормальная дорога) на поиски славных богатырей, чтобы научится у них делу ратному и прославить имя свое, а потом уже и сватов засылать с дорогими подарками. Если честно я надеялась, что до сватов дело не дойдет, хотя подарков было жаль.

— А с погодой, что будем делать, — поинтересовался Леший на обратном пути. — Если дело так и дальше пойдет, то не только Горынычу на вулканические ванны летать надо будет. А транспорт свой не у каждого есть.

— Да, мы все-таки средняя полоса, а не тропики, — поддакнула Кикимора, плотнее закутываясь в промокшие тряпки.

Я могла только молча согласиться с этим утверждением, прокладывая путь к дому Лешего. Кто за рулем, тот и на развозе, и сия истина не меняется от времени, страны и степени сказочности реальности. Наконец утренние гости были высажены у родных порогов и, промокшая уже не просто до костей, а до внутренних органов, я направилась домой. Парится в бане и пить горячий чай.

Не зря говорят, что хороший чай думать помогает. По — крайней мере мне помог. После третьей чашки горячего напитка выпитой под укоризненным взором моей кофейной кружки, рьяной радетельнице за здоровое питание, по причине чего и оставленной мной сегодня, меня осенила идея. Кто у нас ходит на подвиг как на работу, в то время как большая часть населения ходит на работу как на подвиг. Конечно же, господин барон. А потому не откладывая дело в долгий ящик я отправилась в гости,

чтобы просить о разгоне облаков и установлении хорошей погоды. Итак, я летела. В плотном тумане, потеряв всякое представление о том где я и куда я. Куда хочу? Куда лечу? Впрочем, оказалось, что этот вопрос интересует не только меня, но и местные силы ПВО, о чем они не замедлили меня уведомить, начав обстрел ступы какими-то придорожными булыжниками. На мое несчастье эти ПВО оказались меткими стрелками и через пару минут мой летательный аппарат начал стремительно падать. Ну а после встречи с землей от ступы и вовсе остались одни развалившиеся доски и сломанная метла. А передо мной во всей своей красе возвышался богатырь. И представьте себе мою злость, когда в этом вредителе я опознала никого иного как Алешу, отправленного мной набираться уму — разуму. Сильнее моей злости по поводу столь ненужной встречи, была, пожалуй, только радость влюбленного, испытываемая им по этой же причине.

— Ты что творишь, малахольный? — в сотый раз задавала я почти риторический вопрос, потому как местный сотрудник воздушной обороны переводил взгляд с меня на обломки ступы и обратно и молчал, для красного словца хотелось бы сказать задумчиво, но увы, думать сей герой явно не спешил.

— Ты камнями зачем кидался-то, — показало нос мое праздное, в общем-то, любопытство.

— Ну так, — оживился юноша, — еду я по лесу, никого не трогаю, песни пою. Глядь летит низко, хвостом виляет, вражина коварная, злое дело замышляет, погибель несет неминучую, чтобы слезы лил народ горючие. Нет, думаю, чудище поганое, не бывать тому. Не дам я тебе детей сиротинушками оставить, землю родную губить. Себя не пожалею, а врага одолею. И кинул я в него камнем, потому как палица у меня одна, а камней тут много валяется.

— Камней тут много валяется, а мне что теперь делать? Где я новую ступу достану? — и вот этот вопрос праздным не был.

Собственно только озвучив главный вопрос, я в полной мере осознала тот факт, что понятия не имею где мне взять новую ступу. Запасной на складе не было и в стандартной форме заказа ступа тоже не упоминалась. Благие намерения обернулись для меня…, как в той присказке. Стоило посоветоваться с авторитетом. Авторитетом можно было считать Кощея и Митрофана, но оба они сейчас были вне зоны доступа. Местный аналог сотовой связи — яблоко, осталось дома, а дом остался в паре дней пути от места моего падения. Можно было конечно вернуться восвояси, по прямой пешком рано или поздно добраться всегда можно, опять таки Леший мог встретиться, но гордость требовала довести начатое до конца. А может быть не

гордость, а моросящий дождь. А потому:

— Слушай Алеша а ты случаем не знаешь, где живет барон Мюнхгаузен? — спросила я для очистки совести.

— Конечно знаю, — обрадовано подтвердил мой рыцарь.

— Подвезешь? Только молча, — добавила я, заметив как Алеша набрал в легкие воздуха, готовясь к долгой серенаде.

И мы отправились в путь. Впрочем, отправились в путь звучит слишком гордо. За все свои тридцать лет жизни я так ни разу и не удосужилась научиться ездить верхом. А это оказалось совсем не простым делом. Сидеть на лошади позади всадника, время от времени бросающего на вас страстные взгляды и потому не смотрящего на дорогу и собирающего все ветки, да к тому же в компании мелко моросящего дождика, определенно не входит в список тех вещей, которые я бы стала советовать.

Вскоре в сгущающихся сумерках дождь стал почти незаметным, ну а если учесть, что к тому моменту я была такой же мокрой как рыбы, то мне уже было все равно, что и в каком количестве льется с неба. А потом уже и неутомимый Алеша нашел густую ель, и мы устроили этакий милый пикничок из черного хлеба, лука и огурцов.

Следующий день был похож на предыдущий. Все тоже мерное покачивание в седле, да моросящий дождь. Легкую нотку разнообразия в эту картину вносили мои болящие мышцы. Причем те мышцы, о существовании которых я раньше не подозревала. Недаром говорят, что езда верхом полезна для фигуры. И то ли от боли мое сознание помрачилось, то ли проснулось задремавшее было любопытство, но я решила скоротать дорогу разговором. Ну, конечно же, мой первый вопрос был вполне закономерным:

— А откуда ты знаешь где этот барон живет?

— Так все бароны в замках живут. Значит этот Мюн тоже в каком-нибудь замке живет.

— Логично конечно. А откуда знаешь где замок его находиться?

— А я и не знаю. Я и замков-то никогда не видел.

Следующие метров сто я пыталась осознать эту новость и свои дальнейшие действия в изменившейся реальности. Получалось плохо. Вернее сказать не получалось совсем. Зато мне очень хорошо сожалелось о том, что мы не оставили этого горе — богатыря Горынычу на обед.

— Так какого ты сказал, что знаешь где он живет? — заорала я наконец.

— Так я и знаю где он живет. В замке, — уверенно подтвердил Алеша.

— Господи, мне что у тебя надо было адрес спрашивать?

— Чего?

Не знаю как там насчет жаркого из Иванушки, но вот рагу из Алёшеньки я бы с удовольствием попробовала.

— Понятно. С местным населением при беседе надо быть очень подробным, желательно еще и с картинками. Прям как для военных в танке.

Алеша смотрел на меня влюбленными и ясными глазами, лошадь, почувствовав свободу, мирно щепала траву, а передо мной опять маячила проблема. Прям, в привычку уже вошло. Проблема не отличалась оригинальностью и новизной и обозначалась извечным русским вопросом что делать и кто виноват?

— И что мне теперь делать? Домой ехать или продолжать поиски по 37 параллели? И что интересно: как?

— Так мы можем у Добрыни спросить. Он богатырь великий, наверняка знает, — утешило меня потенциальное жаркое, стремительно переходя в разряд жаркого будущего. Но видимо не все нервы он истрепал, из тех, что ему геройской судьбой приписаны, потому как где-то над нами послышался очень знакомый шум крыльев. Горыныч летел кости лечить.

— А ну огонь по крылатому монстру, за девицами красавицами летящего, погибель им несущего — скомандовала я, и Алеша открыл огонь.

Не знаю насколько больно бьют камни по бронированной чешуе, и знать не хочу, но Горыныч сменил направление и видимо решил уточнить, кто именно ошибся то ли целью, то ли направлением, а то и вообще смыслом жизни.

— Яга, ты чего тут? — вежливо поинтересовалось левая голова, пока правая отплевывалась в сторонку дымом и пламенем.

Все-таки внезапное прекращение огневой атаки чревато.

— Да я собственно в целях обмена опытом, пытаюсь так сказать добраться до иностранных специалистов.

— А чего не в ступе? Быстрее же? — проявила академический интерес центральная голова, правая в знак согласия снова плюнула огнем.

— Да понимаешь ли, вот этот борец за права женщин применил против меня тот же прием воздушной обороны, что и к тебе только что. И раздолбал мою ступу на фиг.

Левая голова закатилась в приступе истеричного хохота, центральная проявила понимание и сочувствие, и только правая, которой досталось сильнее всего, полностью меня поддержала, предложив:

— Может я его съем от греха подальше. От некоторых съеденных богатырей вреда не в пример меньше чем от не съеденных. Честное слово из собственного опыта знаю.

Какой-то очень нехороший внутренний голос упорно подговаривал меня согласиться.

— Ну ты, зверояшер, ты полегче там, я тебе сейчас все три головы отрублю, — включился в беседу герой — одиночка.

— Чего сразу обзываться? — центральная всерьез обиделась.

— Это мы сейчас посмотрим кто кому и чего отрубит, — сощурила левая подбитый глаз.

Правая в дискуссии вдаваться не стала и потянулась закусить.

Пока недобогатырь и правая голова вели оживленный разговор на мечах и зубах, мы, то есть я и две остальные головы пытались прийти к какому-нибудь решению.

— Хороший у него удар справа — согласованно басил Горыныч.

— Ну не знаю, удар хороший а хватка слабовата.

— Ну хватка дело наживное, немного потренироваться и хватка появится.

— Ну не знаю, с такими темпами он и до тренировок не доживет. Его кто-нибудь по пути съест. Во по — моему прям сейчас и съест.

— Я бы хотел выразить протест, — центральная голова занервничала. — Мы еще с прошлого рыцаря лечимся. И Леший нам жирное запретил. Не хотелось бы усугублять ситуацию.

— Так он и нежирный совсем, — сердито мигнул подбитый глаз левой. — И вообще я пострадавший, требую морального и материального удовлетворения.

— Ты где таких слов набрался? — полюбопытствовала я.

— Так книжки он умные читает у нас, прошлая Яга у нас с юридического была, вот и подучила на наши головы.

— Говорил мне дядя иди на юридический…

— Хорошо разбиралась в законах?

— Да нет, просто у него в университете связи были, мог помочь с поступлением.

— Блат дело хорошее, — на минуту отвлеклась правая голова и тут же получила дубиной, и когда только этот Алешенка успел дерево поломать спрашивается?

— А ты собственно куда направлялась-то? — вспомнил Горыныч причину своей непредвиденной посадки.

— А, ну так я к барону Мюнхгаузену отправлялась за помощью, когда меня этот снайпер сбил.

— К немцам то зачем? У нас вон в столице своих бояр как

собак нерезаных.

— Так он на разгоне облаков специализируется, то что нам нужно. А то потонем скоро всем лесом.

— А чего не хочешь заклинанием каким-нибудь попробовать? Есть же какое-нибудь.

— А кто мне результат гарантирует. Вон с яблочками до сих пор эффект не прошел. А если я вместо простого разгона облаков вообще навсегда дождь отменю или вулканчик местный выращу или чего еще хуже.

— Куда уж хуже-то? — подключилась правая голова, отправив соперника в глубокий нокаут.

— Давайте будем оптимистами, — предложила я — всегда есть куда хуже. А потому предлагаю пока работать по плану А и найти барона.

На том и порешили.

Мудрые люди говорят, что все познается в сравнении. Неприятно это признавать, но эти мудрые люди как обычно правы. Я оценила все прелести трамвайно — автобусного способа передвижения только после того как близко познакомилась со ступой. Два дня назад я думала, что езда верхом на лошади не мое призвание, потому как очень сложно охватывать ногами эту громадину. Теперь я вспоминала о ней с легкой грустью. Это только в книжках и фильмах полет на драконах (а я думаю, что зеленую тушку Змея Горыныча можно отнести к этому подвиду перепончатокрылых) приятен и волнующ, действительность как всегда несколько отлична. Во — первых, сидеть на чешуе довольно неприятно, если не сказать хуже. Во — вторых, я очень сильно пожалела, что в детстве не уделяла должного внимания растяжке, теперь мне приходилось учиться сидеть на шпагате в движении, пытаясь при этом еще не грохнуться с высоты очень птичьего полета. А, в — третьих, сильный встречный ветер постоянно норовил меня скинуть, а у меня и так были некоторые трудности с удерживанием себя на месте. Правда сказать Горыныч пытался лететь как можно медленнее и ровнее, памятуя обо мне, а левая голова еще время от времени поворачивалась назад, проверяла как я себя чувствую и при необходимости возвращала в исходное положение с хвоста на шею.

— Я только одного не понимаю, зачем мы этого с собой прихватили? На полдник что ли? — вопрошал Горыныч, покачивая левой лапой, в которой висел будущий богатырь Алеша.

— Ну не бросать же его в лесу без сознания, вдруг волк какой на него набредет, еще съест.

— У нас волки незнакомую еду не едят, тем более, если она в

лесу без присмотра валяется.

— Ну не знаю. Не могу я его вот так бросить. Все- таки единственный за тридцать лет поклонник. Таким сокровищем просто так не разбрасываются.

— Только если он еще раз драться полезет или камнями кидаться будет, я его точно съем. Честно предупреждаю, — левая голова авторитетно шмыгнула носом.

— По рукам.

Так мы и летели, я пыталась удержаться верхом на драконе, а дракон одновременно высматривал маршрут, придерживал меня, чтобы я не упала на землю, и следил за Алешой и лошадью, чтобы они тоже летели с возможным в их положении комфортом. А вскоре после того как мы миновали полосу вечного дождя и вырвались на солнечные просторы, показался довольно таки милый каменный замок.

— Я так думаю, это тот самый, — авторитетно заявил Горыныч и пошел на посадку.

Летайте самолетами Аэрофлота — было первой мыслью пришедшей в мою голову после того, как в глазах перестали рябить маленькие трехголовые дракончики зеленного цвета.

— Да Горыныч, если ты всерьез решишь заняться летным извозом, тебе надо будет серьезно поработать над посадкой, — озвучила я свои претензии.

— Да нормально, — отмахнулся летательный аппарат. — Ты лучше скажи, тебя здесь ждать или как? Может в качестве группы поддержки?

Представив вежливый визит вооруженной до зубов группы ОМОНА, я сочла за благо оставить Горыныча в резерве, и, растолкав горе — богатыря для поддержки интересов вверенной мне территории, отправилась в гости. Нас ждали.

То есть барон Мюнхгаузен, а это был именно его замок (хоть кто-то умеет ориентироваться на местности в этих краях), ждал гостей всегда, вне зависимости от дня недели, погоды и настроения.

— Жареной утки не желаете? — встретили нас с порога.

— Нет, спасибо, жаренное и жирное вредно для желудка. И вообще мы здесь немного по другому вопросу. Нас собственно разгон облаков интересует.

Конечно, меня можно обвинить в отсутствии хороших манер, чрезмерной грубости, излишней прямолинейности и незнании правил элементарной вежливости, а можно вспомнить, что перед этим я провела без малого несколько часов в мокрой одежде, пользуясь не самыми комфортными авиалиниями, весьма далекими от мировых стандартов хотя бы эконом класса и

простить мне некоторую предвзятость в отношении барона. К тому же правила вежливости предписывают говорить с незнакомыми людьми о погоде, а погода и была тем делом, которое вырвало меня из привычной, почти, среды обитания. То есть я просто совместила приятное с полезным, ну и опять-таки не хотелось у человека время зря отнимать, тем более, что оно и так уже к обеду близилось, а у нас дома так и вообще к вечеру, учитывая разницу во времени, так как часовые пояса здесь почему-то никто не отменял.

— Разгон облаков — барон задумчиво нахмурился, как будто я спросила его о пересекающихся параллельных (что вообще-то возможно, насколько я помню из школьного курса геометрии) и уставился в окно, за которым ярко светило солнце. — А что собственно с ним не так?

— Да не знаю. Просто слухи ходят, что вы этим занимаетесь, в свободное от подвигов время.

— Ну да, каждое утро первым делом разгоняю облака, а потом уже завтрак и другие дела.

— И давно гоним?

— Да пару месяцев уже. Лето, знаете, выдалось облачное, а хочется солнца.

Первоначальная цель моего визита изменилась как-то сама собой. Да и причина плохой погоды больше не была такой уж загадкой, как раньше.

— А все-таки здорово ты его приструнила, — радовался Горыныч как ребенок по дороге домой. — Будут теперь иноземцы знать, как нам погоду портить.

Горыныча можно было понять. Когда у вас радикулит, знаете ли, любого барона насылающего на вас дождь, пусть даже и не со зла, вы будете воспринимать как классового врага особой степени тяжести. Собственно с Мюнхгаузеном мы договорились довольно быстро и почти полюбовно. Он, кончено, сначала ни в какую не соглашался, но после того как я пригрозила оставить ему на память о нас Алешу, барон моментально пошел на уступки. Думаю, даже Змея Горыныча он испугался бы меньше, чем этого недобогатыря. Возможно потому, что пока мы мило беседовали о погоде, ни слова не понимающий по — французски парень занялся изучением обстановки и ненароком проломил стену замка, ну захотелось ему старинным мечом самого Александра Македонского помахать (хотя насчет принадлежности меча барон мог и приукрасить). Винить молодого деревенского парня в стремлении к прекрасному, конечно, нельзя, но учитывая мои пока очень слабые познания ремонтных навыков, вышло некрасиво, зато для пользы дела. В общем и целом ситуация с

погодой разрешилась быстро и без колдовства, что меня радовало больше всего. И обрадованный Горыныч согласился подбросить меня домой, а Алешу с наземным транспортом оставить недалеко от стольного града, из некоего чувства благодарности к этому оружию возмездия. И все было бы и вовсе прекрасно и замечательно, если бы не досадная ситуация со ступой. Не зная, что делать, я для начала поступила как умела, то есть написала запрос и положила его в сундук, надеясь получить с утра новый транспорт. Наивная, если бы я только знала, что меня ждет, то, наверное, предпочла бы затопить окрестности дождем.

Проснувшись следующим утром, я первым делом подумала о том, что надо бы попросить Солнце красное откорректировать свой рабочий график и не выходить из дому в такую рань. Вторая моя мысль была наполнена радостным предвкушением и я ломанулась к сундуку. Конечно, хотелось бы приврать и описать свой рывок как грациозный и исполненный достоинства, но увы, еще мама метко обозвала меня слоном в посудной лавке, а небезызвестный отец толстого медвежонка с опилками в голове, придумал точный термин слонопотам. Поэтому будем честны, прежде чем я добралась до сундука, мне удалось перевернуть лавку, стоявшую у печки. Проигнорировав сей факт, я распахнула крышку сундука и тихо выругалась. Внутри, вопреки моим ожиданиям и даже с некоторым пренебрежением к ним, лежала книга. Подозревая самое пакостное я все-таки достала эту книгу и прочла тесненное название «Сам себе мастер». Еще не до конца веря в такую подлую подлость, я перелистнула пару страниц и наткнулась на закладку как раз на главе «Ступа, инструкция по изготовлению». Дальше как говориться без комментариев.

Ступа. Инструкция по изготовлению.

1. Убедитесь, что ваша старая ступа пришла в окончательную негодность и не подлежит дальнейшей эксплуатации.

2. Определитесь с типом дерева из которого вы хотите сделать ступу. Мы советуем придерживаться одного ранее использованного вида, для удобства.

3. Найдите в лесу на третью ночь после новолуния подходящее дерево, возрастом не младше того, кто будет ступу использовать. Можно также использовать уже готовые пни.

4. Принесите выбранное дерево домой и оставьте его под порогом на одну ночь и один день, так чтобы за стуки солнце и луна смогли осветить дерево со всех сторон.

5. Если вы предпочитаете разборную ступу, распилите дерево на нечетное количество полос. Согните их по форме и соедините между собой медными кольцами.

6. Мы, однако, рекомендуем вам цельную ступу, так как она

более надежна в эксплуатации. Для этого выдолбите в дереве углубление соответствующего размера, а снаружи обтешите по своему вкусу с учетом аэродинамических свойств.

7. Помните, к низу ступа должна сужаться.

8. Не забудьте о метле! Лучше всего использовать вашу прежнюю метлу от старой ступы.

9. Наложите летное заклятие.

И помните, если вы хотите, чтобы ваша ступа служила вам долго и хорошо, летала ровно и гладко, лучше всего обратиться за помощью к Бабе — Яге.

Приятного полета!

Больше всего в этой инструкции меня порадовало упоминание о старой метле, которую я по счастливой случайности забрала с собой с места катастрофы. А вот пункт девять с послесловием. Долго еще раздавался истерический смех в моей сторожке. И был он такой странной тональности, что Ночь темная сам появился передо мной (ну руки его в смысле) со стаканом воды, сильно пахнущей валерьянкой. А я-то до этого момента наивно полагала, что хуже уже некуда. Все-таки я пессимист.

— Слушай Ночь, раз уж ты все равно нарисовался, будь другом, организуй завтрак. А то я от расстройства чувств могу ненароком раздолбать все, а кушать хочется аж жуть.

Ну, по совести говоря Ночь конечно ни в чем не виноват. Не он же ступу сломал. И вообще он с ночного дежурства, устал, наверное. Но это по совести, а совесть моя тихо — мирно спала где-то на задворках моего существа и нос свой в чужие дела не совала. И пока Ночь занимался готовкой, я еще раз перечитала инструкцию, из которой выходило, что в первую очередь мне нужна основа для ступы, то бишь дерево. А за деревья у нас отвечал леший.

— Свет мой зеркальце, скажи, а какой у нас сегодня лунный день? Не новолуние случайно?

— Новолуние случайным не бывает, оно закономерно по природе своей, — блеснуло знанием зеркало.

— И? оно уже пришло закономерно или как?

— Завтра будет, темнота.

Время на поиски дерева у меня было не много. Учитывая, что я вообще не знала, как к этому вопросу подойти. Модные журналы, почему-то ничего не писали о современных тенденциях в мире березок и направлениях моды будущего сезона для дубов. Да еще эта странная фраза про однажды выбранный тип. Откуда я знаю, какого — такого вида был мой бывший транспорт. Оставалось только одна надежда, на Лешего.

Лес был древним и дремучим. Вековые сосны, столетние дубы, могучие ели соседствовали с красавицами — березами, стройными осинами и деревьями, названия которых я не помнила и не знала. И при всем при том, лес не пугал и не казался неприступным. Возможно потому, что местный хозяин меня знал и не думал прогонять. Солнце, наконец-то не скрытое толщей туч, спешило осушить едва не захлебнувшуюся землю. Работа в лесу кипела во всю. Прыгали над головой белки, спеша за шишками, сновали по дорожкам целые семейства ежей, ворчливо фыркая на препятствия, еще совсем молодые волчата, таясь за кустами и деревьями, учились охотиться. Все были очень заняты и отвлекать их как-то не хотелось.

— Леший, выходи, встречай гостью, — решилась я.

— А зачем?

— Дело есть. Важное, — поспешила я уточнить, опережая следующий вопрос.

— Ну, если важное, — и Леший вынырнул из-за ближайшего куста. — А какое?

— Ступа мне нужна новая.

— А чем тебе старая не нравится? Или летное заклинание больше не действует?

— Насчет летного заклинания сказать ничего не могу, может и действует еще, только вот сама ступа.

— Что?

— Ну в общем, остались от ступы обломки да опилки.

— Ты что не справилась с управлением? Сильно ушиблась?

— Да нет. Просто одно ходячее недоразумение вообразило себя силами ПВО и сбило мой летательный аппарат. Теперь мне нужен новый. Так что раз уж ты послужил пусть и косвенной, но причиной, тебе и помогать. Тем более, что в инструкции про самостоятельную работу ничего не говорится.

— Я сейчас не все понял.

Как говорится раз уж сказала А, пришлось рассказывать всю историю моего ступопадения от начала и до конца.

— Действительно не повезло, — посочувствовал Леший, похохотав полчаса. — Только ступа-то была так давно сделана, что я не помню даже из какого дерева. Можно конечно по обломкам посмотреть.

— Ну обломки я с собой не брала, а до того места добираться не добраться. Учитывая, в каких погодных условиях я летела.

— Ну дерево я тебе подходящее подберу. Только может у тебя предпочтения какие есть.

— Например?

— Ну, может тебе береза нравится или осина или какой

другой дуб.

— Да нет. Главное чтобы это не была какая-нибудь заколдованная царевна или молодец. А то знаю я ваши местные традиции.

— Ну вот и договорились. Тогда я тебе заготовку через два дня и принесу. А вот насчет заклинаний, тут я тебе не помощник.

Да уж, мне предстояло за ближайшие два дня изучить, как следует еще один рабочий инструмент. Перспектива меня не радовала.

Следующие три дня по моему новому дому летало все что может и не может летать. А после того как пикирующий самовар чуть было не приземлился в говорящее зеркало, оно выгнало меня тренироваться на улицу. Дальше я отправляла в полет дрова. Собственно летное заклинание было не очень сложным, его изюминкой было правильное решение формулы $E=mc2$. Нет, конечно древний манускрипт не приводил формулу так уж буквально, а подробно описывал что необходимо принять во внимание, но кто-то, видимо моя более образованная предшественница, написал эту формулу на полях книги для удобства. Так что прежде чем приступать к колдовству и ворожбе, мне пришлось заказать учебники физики с пятого по одиннадцатый класс, так как я не помнила, когда точно изучается Эйнштейн. Правда и после чтения высоконаучных объяснений расчеты мои были более чем приблизительны, и я занималась тем, что ученые называют «выяснение процента погрешности», то есть пыталась понять как сильно я могу ошибиться, прежде чем эта ошибка станет фатальной. Все-таки в ступе мне летать, и это приходилось учитывать: инстинкт самосохранения заставлял. Долго ли коротко ли, худо ли бедно ли, хорошо ли плохо ли, в общем необходимым навыком я можно сказать овладела. Таким образом, на повестке дня оставалось два вопроса: забрать ступу у Лешего и научится отменять летное заклинание. Потому что если с улетевшими в теплые страны дровами я еще могла смириться, благо лес был рядом и нарубить новых труда не стоило (рубила то не я), то выстраивающаяся косяком кухонная утварь с самоваром в виде новоявленного вожака стаи меня абсолютно не радовала. К тому же я, думаю не без оснований, подозревала, что размещение в сундуке заказа на полный комплект посуды повлечет ненужные вопросы.

Впрочем, один из вопросов решился сам собой, так как Леший, как истинный джентльмен, принес новенькую ступу сам. Была она березовой и цельной, выдолбленной из одного куска дерева. Леший свой выбор объяснил тем, что такую ступу в случае аварии ремонтировать легче будет. И уж коль скоро ступа

получилась достаточно вместительной и сравнительно удобной, то я менять ничего не стала и принялась за свою часть работы. Неделю я практиковалась в отмене летных заклинаний, чтобы уж качественно и наверняка и только потом взялась за приведение ступы в летное состояние. И вот тут-то потраченное время окупилось сполна. Территория вокруг моей избушки вскоре напоминала военный испытательный полигон: ступа врезалась в деревья, при посадке вспахивала землю на зависть любому крестьянину и кувыркалась не хуже знаменитого отряда «стрижей». Я была синего цвета как какой-нибудь инопланетянин и с таким же трудом преодолевала земную гравитацию, временами мне казалось, что я отлетаюсь быстрее, чем сумею провести правильные расчеты. Спросить опять-таки было некого. То есть был, конечно, кот ученый, но до него еще лететь и лететь, а вот с этим у меня были некоторые проблемы. Но вода и камень точит, а примерные прикидки рано или поздно оказываются верными, и пришел тот день, когда ступа моя не только поднялась с земли, но, даже, повинуясь, движениям метлы, полетела в указанном направлении. Но как говорится, долго сказка сказывается, да недолго дело делается или как-то так. На самом деле весь процесс занял у меня с немалого месяц. Сами посудите, если все время со всей силы долбится о деревья, а по — другому не получалось. День мой, в общем и целом, проходил по следующей схеме. После завтрака я накладывала заклинание, затем в удачные дни мне не удавалось даже взлететь, в неудачные мне приходилось тормозить о препятствия, после приземления и некоторого времени, затрачиваемого на то, чтобы начать ориентироваться в пространстве, я тащила ступу домой, на что опять-таки уходило разное время, в зависимости от того, как далеко находилось первое встречное дерево, снимала заклинание и заползала на печку. А на следующий день после экспериментальных полетов в зависимости от состояния я либо лежала и смотрела передачи транслируемые яблочком, либо пыталась повторить подвиг Гагарина. Ну то есть не скучала. В промежутке между полетами меня навестила Кикимора, до которой дошли слухи о новых развлечениях Бабы — Яги. Посмотрев на мои мучения, Кикимора предположила, что все дело в непривлекательном виде ступы и авторитетно заявила, что если ступу украсить, то дело пойдет быстрее. Памятуя о моих ежедневных сотрясениях тела, потому как от мозга там совсем уже ничего не осталось, никто не сможет вменить мне в вину данное сей блондинке согласие. В результате внешний вид моей ступы обогатился васильками и розовыми ромашками (Кикимора оказалась авангардисткой и ярой поклонницей розового, ну а мне

всегда импонировал синий цвет). То ли веселенькая раскраска помогла, то ли наступил тот переломный момент, когда любое количество переходит в качество, но как я уже говорила, вскоре наступил тот самый момент, когда моя ступа полетела. Немного иначе, чем предыдущая модель, но уверенно и ровно. Кризис миновал. Можно было, как говорится расслабиться и насладиться местным колоритом и свежим воздухом, да остатками лета. Радостное событие требовалось отметить, и я позвала в гости Кощея. Во — первых, потому что у Кощея был шоколад, а во — вторых, потому что он был симпатичным парнем и на него просто смотреть было приятно, да к тому же Леший куда-то пропал и посему не мог принять участие в празднике жизни.

— Слушай, а вот как этот сундук работает ты знаешь? — задала я мучивший меня вопрос, после того как мы обсудили все новости и всех родственников, Кощеевых в данном случае.

— Ну, я честно в тонкости передачи предметов на расстоянии не вдавался, поэтому механику процесса не объясню. Просто когда у нас первая наемная баба — яга появилась, возникла проблема с реквизитом. Ну, там всякие сапоги — скороходы, мечи — кладенцы, это же все Баба — яга делала, а новая пока всему научится, пока ума — разума наберется. Ну вот. А на острове Буяне все равно сидит То — чего — на — белом — свете — вообще — не может — быть и большую часть времени скучает. Вот его и пристроили. Он теперь заказы различные выполняет, сначала только на ягу работал, а потом расширился. Ну, если у наших времени нет или нужного материала, они тоже к нему обращаются. Ну а за товары из твоего мира — это мой папаша отвечает.

— Папаша?

— Ага. Он там у вас давно уже сидит, привык. Так ты его видела, он наверняка с тобой беседовал, прежде чем ты контракт подписала. Он у нас ответственный за поставку баб — ёг. Ну, первый раз поехал, потому что некому больше было, а потом привык там у вас, помощников своих перетащил, обосновался и теперь вот ищет подходящих на должность кандидаток и потом им с заказами помогает, ну что проще и быстрее в вашем мире купить, чем у нашего специалиста заказывать.

Как говорится, без комментариев. Мои Саша и Миша, если будут мальчики, и Настя и Катя, если будут девочки, окончательно канули в небытие. В самом деле, нельзя же всерьез мечтать о Кощее Старшем, это моветон. Надежды мои рухнули, зато кое — какие вопросы прояснились. И то ладушки.

В любом возрасте и в любом времени года есть свои преимущества. Пока я решала проблемы дождя и ступы, лето

растаяло, деревья сменили зеленый наряд на золотую парчу, и дождями застучала в окно осень. Наш и без того стоящий вдали от столицы лес, стал и вовсе недоступен благодаря вконец потерявшим очертание дорогам, да и герои не стремились спасать красавиц под дождем, а выгнанные из дома падчерицы до меня не добирались. Я спала. Спала, как этого требовало мое уставшее от тренировочных полетов тело, медленно меняющее оттенок с темно — синего на серо — желтый, а затем белый. Спала, как этого требовала моя утомленная психика, постепенно свыкающаяся с нестандартной реальностью и мыслью о том, что эта реальность еще какое-то время продлится. Спала, как этого требовали мои, издерганные постоянными криками и захожими гостями, нервы. За окном куда-то улетали птицы, абсолютно самостоятельно и не требуя себе путеводительных клубочков, заканчивали готовиться к зиме звери, под бдительным оком Лешего, улетел погостить к дяде Горыныч, ушел в разработку стратегических планов Кощей, занимался подсчетом рыб и русалок Водяной, и только беззаботная Кикимора заходила в гости пить чай да смотреть сериалы. Вокруг моей избушки царила тишь да гладь. Правда, через три недели такой жизни мне стало скучно. Мне захотелось чего-то нового, но пока было не понятно чего именно. То ли уволится, то ли замуж выйти. Оба варианта были малоперспективны в плане реализуемости в ближайшее время. Контракт связывал меня по рукам и ногам и не давал ни малейшего шанса покинуть сей пост по собственной инициативе, а из женихов вокруг пока вообще никого не наблюдалось. Можно было: а) устроить саботаж и вынудить уволить меня по статье (что как-то не вдохновляло) б) попросить Кощея помочь в поисках жениха. Либо сменить вид деятельности, а в моем случае бездеятельности, и чем-нибудь себя занять. А потому я решила заняться самообучением. Опыты с самоучителем по колдовству меня вдохновляли мало, и я заказала себе кулинарную книгу итальянской кухни. Почему именно итальянской? Ну, во — первых, меня привлекала ее простота и, во — вторых, свою карьеру итальянская кухня тоже начинала в печи, пусть и не русской. Ну и потом я просто соскучилась по хорошей пицце. Приготовление правильной пиццы оказалось делом не простым и отнимающем кучу времени и продуктов. Первые сгоревшие варианты были мной безжалостно выкинуты, потому как есть такое никто не сможет даже с голодухи, все остальные, хоть немного съедобные на вид, я делила между собой и Кикиморой с Лешим, который делился со своими подопечными. Никогда не вкушавшие настоящей неаполитанской пиццы местные жители были не особо привередливы и даже нахваливали мои творения,

которые к тому же стали у меня получаться все лучше и лучше и даже стали передавать мне заказы и я всерьез начала задумываться о каком-нибудь небольшом кафе или ресторанчике в стольном городе, чтобы было чем себя занят, когда в мои планы вмешался Кощей. Все как обычно началось с яблока и тарелочки.

— Добрый день. Чем занимаешься? — поинтересовался Кощей через расстояние.

— Совершенствую кулинарное мастерство, — какой-то червячок сомнений проснулся внутри меня и приготовился обедать.

— Никаких особых дел?

— Пока осенняя хандра. Думаю, все заняты сбором урожаев и свадьбами и у них нет времени на подвиги.

— Это очень хорошо, — Кощей немного помолчал, а потом выдал самую потрясающую новость за последнее время. — Мы решили организовать переворот.

— Потрясающе!

— Ну, то есть все не совсем все так плохо, как ты привыкла. Просто назревает неприятная ситуация, и папа, как блюститель порядка, решил вмешаться на ранней стадии. Так сказать предотвратить в зародыше.

— Кого предотвратить?

— Царь Берендей. У него три сына.

— Как обычно.

— Ну да, традиция здесь такая. Ну так вот. Три сына, и старшие не особо годятся в цари. Понимаешь царские наследники, вседозволенность, дурное влияние… А младший слегка оторван от реальности. А царь уже довольно стар и пришла пора задуматься о том, кому трон передать.

— Стоп. А разве не старшему сыну все достается? Ну вроде как по праву первенства?

— Ну конечно нет, отец сам решает кто более достоин. Не факт ведь, что самый старший самый умный.

— Логично.

— Ну вот. И папа решил ему слегка помочь с выбором.

— Каким это образом? — поинтересовалась я и видимо зря.

— Папа думает, что царю Берендею рано пока на покой и надо бы ему вернуть молодость. А помочь ему должны в этом его сыновья, при этом заодно и выяснится кто из них более достоин принять трон и царь парня за второй срок подучит.

— Звучит здорово. Немного странновато, но здорово. Желаю удачи.

— Я согласен, папа иногда перебарщивает, но он всерьез относится к своей работе: присматривать за порядком. Спорить с

ним себе дороже.

— Кощей, ты меня извини за грубость, но при чем здесь я?

— Ну кто-то должен внушить царю Берендею эту мысль. Про возвращение молодости.

— Я?

— Нет конечно. Все знают, что Баба — Яга про такое сама не расскажет, если там подвоха нет.

— Тогда что?

— Птица Гамаюн. Все знают, что Гамаюн птица вещая по миру летает и людям является, кому советом помогает, а кому беду пророчит. Ну, она конечно не со зла это делает. Просто предупредить пытается, чтобы можно было что-то изменить, только не каждый сообразить может или хочет. Ее за это не очень любят, но всегда слушают. Вот папа и решил, что Гамаюн самый подходящий кандидат про молодильные яблоки рассказать.

— А сейчас видимо будет самое интересное?

— Да. Дело в том, что с птицей Гамаюн может разговаривать только Баба — Яга. То есть птица Гамаюн с сестрами своими, она всем может являться и всем может вещать, а вот слушает и нормально общается она только с Бабой — ягой. Почему, никто не знает, толи из вредности характера, толи еще по каким соображениям, но чтобы заставить ее явиться именно к Берендею и именно с определенной целью…

— Тебе нужно, чтобы я с ней пообщалась.

— Точно.

— Ну ладно, веди ее сюда, поговорю.

— Понимаешь, привести ее тоже нельзя. Ее можно или только дождаться пока она сама явится или у нее дома поймать.

— А живет она?

— На мировом древе. А древо стоит в центре острова Буяна, который находится в центре моря — океана. То есть теоритически надо добраться до ее гнезда и, если ее нет дома, немного подождать, поговорить с ней и вернуться домой.

— Звучит слишком легко и просто, чтобы быть правдой, Кощей, в чем подвох?

— В острове. Буян имеет обыкновение гулять по морю и поймать его немного непросто. И потом рядом с ним летные аппараты не работают, то есть ступа твоя там не летает.

— Потрясающе, — на большее меня не хватило.

— Я знал, что тебе понравится, — обворожительно улыбнулось мировое зло.

В общем и целом выглядело предстоящее мне дело довольно просто. В самом деле, надо было только добраться до острова, найти там незнакомую мне птицу, и вернуться домой. Слишком уж просто для окружающей меня действительности. Червячок сомнений и так почти никогда не спавший с момента моего появления в этом сказочном государстве принялся грызть меня с новой силой, как будто у него открылось второе дыхание. Но с другой стороны, отказать мужчине моей мечты, хоть и женатому, у меня не хватило духу, и значит мне оставалось торопиться в дорогу, чтобы узнать кто ж такие птички.

— Если ты хочешь знать мое мнение, — ехидно усмехнулось зеркало, — то я бы на твоем месте не отправлялась куда подальше в гордом одиночестве. Мало ли за каким зайцем бегать придется.

— Причем здесь зайцы? Я же не смерть кощееву искать собираюсь. Или там тоже какие-то секреты.

— Про секреты тебе кот ученый лучше всех расскажет. Все равно тебе мимо дуба идти, за одно и спросишь. А все же таки бабе, хоть и яге, не след одной по лесу ходить.

— Осталось найти соответствующего спутника, а с этим у меня и раньше проблемы были, а тут и вовсе сжатые сроки…

— А ты Муромца попроси помочь. Он у нас главный специалист по разного рода защитникам, этакий шеф спецназа, говоря твоим языком. У него наверняка найдется молодец, которому девицу от злодея спасти надо или в дальний поход отправиться. Поспрашай, Илья мужчина умный, да добрый, точно поможет.

— С чего это ты у нас такое доброе? В чем подвох?

— У тебя уже профессиональное заболевание развивается, паранойя называется. Какой подвох, когда вместо тебя, случись что, другую пришлют, и еще не факт, что она сообразительней тебя будет, а у меня тоже нервы не железные каждые два месяца с новой истеричкой дело иметь.

— Спасибо на добром слове, друг сердешный.

Ответом мне как обычно послужила чернота и чудесный запах свежеприготовленной пиццы со стороны стола. Темная

Ночь, видимо уставший от моих кулинарных опытов и запаха горелого хлеба, пропитавшего почти всю избушку, вмешался в сложный процесс и, пока я пыталась отказаться от работы, достал из печи мой последний шедевр, и выставил на стол, а почувствовав накатывающее на меня черное отчаяние, еще и самовар поставил. В общем, все было готово для исконно женского метода борьбы с депрессией — заедания горя. Передо мной стояли две проблемы: как добираться до птицы и с кем добираться к птице. Ну, то есть если до берега моря можно было долететь, то до самого острова Буяна добираться видимо придется вплавь, а плавать я умела как топор: эффектно и не долго. А если ступу оставить сразу, то для столь длительного (интересно, а сколько времени то вообще займет) путешествия по незнакомой (а мне тут кроме моей опушки и замка барона вообще все было незнакомо) местности и впрямь нужен будет спутник.

По трезвому и сытому размышлению, после н — ного куска пиццы то есть, я решила оставить ступу сразу, потому как если остров все время гуляет, кто его знает, где я на нормальную землю вернусь, а новую ступу делать у меня здоровья не хватит, с прошлого раза еще не все синяки отошли. Соответственно этому решению был продуман маршрут. Сначала в стольный град к Илье за защитником, потом с защитником к птице. Чтобы не тратить слишком много времени на дорогу к стольному граду я решила прибегнуть к помощи местного транспорта: серому волку. Лично с ним я еще не была знакома, но много слышала от Лешего и кое-что помнила по сказкам. Оставался открытым только один вопрос: где серого волка искать и как его уговаривать. Потому как по здравому размышлению меня посетила еще одна умная мысль, волка можно взять в качестве защитника сразу до острова Буяна, если он, конечно, ничем не занят, и сократить таким образом время в пути. Но все еще было не ясно как его искать и ловить, не на зайцев же. Из сказки я смутно помнила, что, то ли царевич спас серого волка из капкана, то ли серый волк помог царевичу из ямы выбраться, в любом случае оба варианта для меня были неприемлемы. Если падать в яму самой, не факт что первым меня из нее спасет искомый объект, да и неизвестно сколько в яме сидеть, а если устраивать капканы, то, во — первых, Леший меня убьет, а во — вторых, не факт, что попавший в капкан волк не решит мне потом отомстить. Рисковать собой любимой, в отличие от какого-нибудь Ивана, мне совсем не хотелось. Ситуация конечно не патовая, но подумать требовалось. Решив, что премудрая женщина плохого не посоветует, я вспомнила, что утро вечера мудренее и занялась сбором вещей в дальнюю дорогу.

Утро мое было действительно мудренее, а еще веселее.

Началось оно со сбывшейся мечты каждой девушки: спящего под дверью принца. Ах, это волшебное чувство, когда утром ты открываешь дверь своего дома и обнаруживаешь за ней прекрасного принца на белом коне. В моем случае правда конь был серый в яблоках и к тому же был он привязан в сторонке от дома, а принц мирно сопел на пороге избушки, но красоты картины это ни сколько не портило. Собственно говоря, я просто вышла за водой для чая и наткнулась на такой вот сюрприз, в буквальном смысле наткнулась, ударив парня дверью по спине. Заметив меня, принц попытался одновременно стереть с лица гримасу боли, улыбнуться, потереть ушибленную часть тела, подняться на ноги и поклониться в приветствии. Когда все это ему удалось, вот что значит воспитание, он радостно воскликнул, сверкая белозубой улыбкой:

— Доброе утро, прекрасная леди.

Спорить с ним не хотелось. Хотя я не принадлежу к той категории людей, которые считают ранее утро добрым, но зато я определенно прекрасная, по крайне мере на ближайшие три километра по окружности.

— Чем могу помочь? — вот такая я невежливая.

— О простите за беспокойство, прекрасная леди. И в мыслях моих не было помешать вам или обременить вас своими заботами. Но ночь застала меня в этом лесу и, заметив ваш дом, я позволил себе смелость воспользоваться тем, что он мог мне предложить.

— То есть вы тут проездом и вам от меня ничего не надо? — этот парень мне определенно начинал нравиться.

— Какой еще милости может просить рыцарь от прекрасной дамы, кроме как позволения любоваться ее красотой и свершать подвиги во славу ее имени, — патетично воскликнул принц. — Так и я прошу вас позволить мне служить вам, чем смогу.

А вот это уже было интересно. Я затащила принца в свою скромную обитель и во время светского завтрака мне удалось выяснить следующее. Во — первых, сердце меня не обмануло и это был действительно принц, и звали его Эдуард. Был он молод, горяч и как все принцы жаждал славы и подвигов, чтобы стать достойным прекрасной дамы. Прекрасной дамы у него, правда, не было, но это его не смущало. Поскольку в его родном королевстве все было спокойно и народ процветал, то юный принц сбежал из родительского дома на поиски большой любви и приключений. Бегал он уже примерно месяц, но пока еще не нашел ни того, ни другого. Собственно я вообще была первой, кого он счел подходящей для роли прекрасной дамы (не скрою, это заявление мне польстило) и он решил, что я смогу ему помочь и с

подвигами. Возможно если бы не стоящая передо мной задача, я бы отпустила принца с миром, так как не в моих правилах использовать наивных юношей в корыстных целях (интересно почему это? Не пора ли менять правила?), но мне действительно требовалась помощь и я решила поступить вопреки кодексу поведения прекрасной дамы, а именно вместо того, чтобы томно вздыхать и ничего не требовать, кроме того что подскажет сердце рыцаря, я сразу же заявила, что мне нужен защитник в долгом и трудном пути. Не знаю, чего именно от меня ожидал принц, но на мою просьбу он отреагировал с достоинством, подтвердив свою готовность служить мне. Вопрос с поиском серого волка и посещением Ильи отпадал. Я ликовала. Наивная.

Чего больше всего может не хватать все еще молодой, достаточно привлекательной, не очень требовательной, привыкшей к городскому образу жизни девушке в деревенской избушке? Нет, не телевизора, не сотовых телефонов и даже не метро, хотя я бы не отказалась если бы от моей избушки до острова Буяна пролегала какая-нибудь пусть даже не самая быстрая ветка. Без всего этого можно было жить. Но вот с чем мне было трудно смириться, это с возможностью в любое время дня и ночи принять душ, вернее с отсутствием этой возможности. Я привыкла, что у себя дома могу в любой момент войти в маленькую, выложенную тепло — оранжевым с бабочками кафелем ванную и включить горячую воду, не задумываясь как и откуда она берется в моем кране. Я думала, что ничего хуже, чем отсутствие круглосуточно поставляемой горячей воды быть не может. Нет, мне, конечно, удалось с этим справиться. К счастью после моего первого визита в баню, который чуть было не закончился пожизненной госпитализацией, мне удалось подружиться со своим банником, вопреки убеждению зеркала и во многом благодаря Митрофану. И он с тех пор сам топил мне баню каждый день, да еще научил меня паре полезных заклинаний, и мои ведра с водой теперь ходили от колодца сами. Мне, правда, не удалось автоматизировать непосредственно сам процесс набирания воды, но это уже были мелочи. А дров было так много, что об этом можно было пока не беспокоиться. Так вот, я поняла, что рано я расслабилась и стала слишком самоуверенной. Слезая с лошади, на которой я провела весь день, и кроме того что устала, еще и изрядно вспотела, я вдруг поняла, что поблизости на сколько хватало глаз не было не только душа, ванной, бани, бочки с горячей водой или на худой конец чистого озера, которое можно было вскипятить парочкой чар, а вообще каких бы то ни было источников воды. Вообще. То есть, перспектива получить ответ на вопрос как раньше люди месяцами не мылись, а вместе с

тем на вопросы как они при этом выглядели и пахли, не просто замаячила передо мной, а буквально таки уткнулась в меня. Сама поездка, которая и раньше-то не казалось мне радужной, теперь и вовсе потеряла свое и так блеклое очарование. Проблемы царя Берендея и его царства уже не волновали меня, а возможное обнищание крестьянства казалось мне не столько злом, сколько необходимым этапом развития государства, за которым последует революция и равенство всех со всеми. Старый Кощей виделся мне теперь этаким реакционером, противящимся новому, с которым необходимо бороться любыми методами, вплоть до терроризма. А молодого Кощея следовало отправить в Швейцарию и Германию, чтобы ему открыли глаза. Но от немедленной попытки свершения октябрьского переворота мне останавливал тот факт, что я находилась неизвестно где, без каких-либо транспортных средств, лошадь была не моя, и в темноте, так как уже опустилась ночь. Из школьного курса ОБЖ, я помнила, что ни в коем случае не стоит ходить по лесу ночью, даже если это знакомый лес. Ночью в лесу надо сидеть возле костра или на дереве, если костра нет. Поэтому я решила отложить возвращение до утра и последовать правилам выживания. По этой же причине я опустилась на расстеленную принцем попону и пригорюнилась. Конечно, меня можно обвинить в изнеженности и чрезмерной приверженности благам цивилизации, воззвать к духу авантюризма и опыту туристических походов, но правда заключается в том, что многодневные туристические походы, не заканчивающиеся ночевкой в фешенебельной гостинице, всегда были мне чужды, а дух авантюризма в мою бытность простым секретарем довольствовался походами в кино на приключенческие фильмы. Собственно сейчас я пыталась решить только один вопрос: что мне дороже: Кощей, мой друг, или комфорт? Аргументов в пользу комфорта было больше, имеющиеся факты были за Кощея. Радовало одно, моего верного принца ничто не могло свернуть с пути служения прекрасной даме, и он энергично занялся разведением костра и приготовлением ужина. Следя за перемещениями сей личности, я незаметно уснула. Проснулась я от щебета лесных птиц и не увидела солнца. Зато увидела потухший костер и мирно спящего принца. То есть вместо того, чтобы по очереди дежурить всю ночь, предвосхищая опасности, мы оба мирно проспали всю ночь. Если бы у меня с утра были силы ругаться и возмущаться, я бы уже оглушала своими криками близлежащий радиус километров в 10, но сил пока не было. Оставалось порадоваться воспитанности местных разбойников, не решившихся тревожить спящих и благонравию местных же хищников, которых мы видимо не впечатлили в качестве еды.

Путеводный клубочек вяло наматывал круги вокруг костра, ожидая пока он нам потребуется, лошадь мирно щепала траву, меня медленно, но верно, накрывала апатия и отвращение ко всякого рода труду вообще и к Кощею в частности. Умывшись росой с ближайшей травы, потому как идти на поиски родника меня вообще не тянуло, я распинала принца и радостно заявила что пора отправляться в путь. Принц спорить не стал и после завтрака вчерашним ужином мы отправились дальше. Это только в сказках Ивану — царевичу на каждом шагу то медведь встретится, то заяц, то утка какая-нибудь, нам не встречался никто. С другой стороны не думаю, что мне так уж хотелось встретиться с живым медведем посреди леса. Кто его знает, в каком настроении он будет. Следующие семь дней были однообразно неразнообразны. За исключением небольших вариаций на тему места ночлега, продолжительности пути, наличия или отсутствия источников воды поблизости, они были одинаково похожи дорогой среди лесной чащобы. Смирившись с ситуацией вообще и своей жизнью в данный момент в частности, я привыкла к стойкому амбре немытого тела и пота, исходящему от меня, что помогало мне мериться с таким же запахом, которым благоухал мой принц. Это натурально, здесь так принято — твердила я себе время от времени, когда встречный ветер был уж слишком беспощаден к моему обонянию. Сначала я надеялась, что клубок выведет нас к зеленому дубу, на котором работает Митрофан, и его можно будет расспросить о дальнейших действиях, но то ли дуб был не по пути, то ли клубок решил пойти более короткой дорогой, и вскоре я оставила надежды на встречу с кем-то знакомым и умным, и теперь только мечтала, чтобы случилось хоть что-нибудь внесшее небольшое разнообразие в это путешествие. Что ж мудрые не зря говорят, бойтесь своих желаний, ибо они могут сбыться. Мое желание сбылось. И даже дважды. Утром восьмого дня путеводная звезда вывела нас к оплоту местной цивилизации в виде деревни и мой рыцарь смело направил своего коня вдоль околицы, и вскоре под копытами застучали, хотелось бы мне сказать гладкие камни мостовой, но увы, всего лишь хорошо утоптанная земля. Мы ехали, пытаясь определить какой из местных домов служит гостиницей или трактиром или как там еще они называются, но незнакомая с местными стандартами обслуживания путников, я терпела поражение. Не над одним из домов не колыхался на ветру флаг Евросоюза и не пестрели вывески на английском и французском, объявляющие, что есть свободные номера, а завтрак включен в стоимость. Я решила положиться на своего путника и не ошиблась. Завидев на дороге местную крестьянку с

коромыслом, принц немедленно направил своего коня к ней и любезно поинтересовался, где усталые путники могут найти приют в сей обители. Крестьянка хлопала ресницами и мило улыбалась, но молчала как партизан на допросе. Принц заливался соловьем, убеждая девушку, что мы не злодеи и не причиним вреда, а просто нуждаемся в ночлеге, партизанка продолжала улыбаться и молчать, видимо таким образом подавая тайные знаки командиру своего отряда. Вскоре к ней подошла еще одна местная красавица, которая, заинтересовавшись живописной картиной, решила прервать на минутку свой путь и присоединиться к нам. Принц запел в два раза обворожительней.

— Кто такие-то, Глаша — поинтересовалась вновь прибывшая.

— Да не знаю я, — лениво отозвалась Глаша. — Вот говорит чего-то, а все не по — нашему. Ну уж больно красив.

— Твою мать, — выразила я всю полноту своего понимания.

После того, как языковой барьер был преодолен с моей помощью, когда я вернулась к такой до боли знакомой мне роли переводчика, девушки направили нас к дому местного старосты, сказав, что он нам поможет с ночлегом и банькой, потому как гостиниц у них отродясь в деревне не было, за ненадобностью оных. Получив ориентир на дом старосты, мы направили туда наши стопы и вскоре нас встречала дородная улыбчивая женщина, жена того самого старосты. Особо ни о чем не спрашивая, она позвала нас в дом, обещая напоить чаем с дороги, а попозже и накормить. И вот тут-то возмездие местных богов обрушилось на меня во всем своем коварстве. На лавке, за столом с большим самоваром рядом со старостой сидел мой давний милый друг Алешенька. Увидев меня, Алеша кинулся мне на встречу, по пути чуть не уронив стол, и заключил меня в свои объятия со всей пылкостью влюбленного юнца, так что я услышала, как жалобно хрустнули мои ребра. Затем он горячо пожал руку принцу, обездвижив последнего, и представил меня старосте как свою невесту. Пообещав мысленно убить юного ученика богатырей позднее, я мило улыбнулась и представила старосте своего принца. И вскоре мы дружно сидели за столом и пили чай. Алеша рассказывал свою историю, мы с принцем мило улыбались и кивали время от времени головами, как китайские болванчики. Не желая переводить весь этот лишенный смысла бред, который говорил Алеша, я вкратце рассказала принцу о том, кто он и откуда мы знакомы и замолчала. Принц, воспитанный в лучших европейских традициях, не стал возмущаться и смирился с имеющимся положением, тем более, что ему тоже хотелось поспать хоть раз не под открытым небом и поесть что-нибудь,

кроме того, что он мог приготовить на костре сам. История же Алеши была следующей. Доставленный Горынычем прям к порогу терема Ильи Муромца и готовый к учебе, он обнаружил, что Ильи в городе нет. Тот уехал куда-то по делам богатырским и вскорости обещался быть. Ожидающему богатыря молодцу все встречные поперечные с огромным удовольствием и гордостью за такого соседа рассказывали о свершенных Ильей подвигах с присущим им красноречием. Что из рассказанного было правдой, а что наглой ложью, судить не берусь. Алеша же, наслушавшись рассказов, решил, что не достоин того, чтобы быть учеником, пока какой-нибудь подвиг не совершит и, услышав про некоего Тугарина Змеевича, злодея безмерного, решил, что это то, что нужно. Поэтому он направился на поиски Тугарина, чтобы его убить, а потом уже снова отправляться к Илье Муромцу, челом бить в ученики проситься. Я на месте этого не известного мне Тугарина сама бы повесилась, узнав какое счастье мне в скором будущем предстоит. Хотя возможно Тугарин так и поступил, мне он был не знаком и слышала я о нем впервые. На мой вопрос с чего он решил, что Тугарин Змеечив злодей, Алеша простодушно ответил, что народ так говорит, а народ врать не станет. Спорное утверждение, судя потому, что местное население, по моему мнению, вообще никакого различия между понятиями ложь и правда не делает. Спрашивать же о том, почему злодея надо непременно убить, а нельзя, например, постараться перевоспитать, я и вовсе не рискнула. До конституции и прав человека вкупе с демократией тут еще было шагать и шагать, хотя опять-таки учитывая поспешность народного суждения, может оно и к лучшему, что нет демократии, подумалось мне. И опять-таки хорошо, что Горыныч и Кощей бессмертные, при таких то методах борьбы с преступностью. Инстинкт самосохранения заставил меня улыбнуться во весь рот, когда Алеша, в подтверждение только что высказанной мысли о том, что ради любимой он горы свернет, обнял меня за талию. В общем, то ли благодаря краснобайству Алеши, то ли благодушию старосты, но нам был предоставлен и обещанный ужин и банька и ночлег. Моих спутников правда уложили спать где-то на сеновале, а мне была выделена отдельная лавка в избе вкупе с одеялом и подушкой и коль скоро я всегда была эгоисткой, то и угрызений совести я по этому поводу не чувствовала. Утром после сытного завтрака (я в своей прошлой жизни так ужинала), с добрыми напутствиями и полной сумкой припасов на дорогу мы продолжили путь втроем. В глубине души, где-то очень глубоко, я надеялась, что Алеша доедет с нами до первого перекрестка и там мы расстанемся: он направо, мы налево или наоборот, хотя

здравый смысл подсказывал мне не питать ложных иллюзий и смело рассчитывать на его компанию минимум до острова Буяна. Сама пропадешь, зато невинного Тугарина спасешь. Многие конечно меня, наверное, осудят за то, что я думала о спасении жизни неведомого мне злодея, вместо того, чтобы радоваться тому, что в меня (в моем то престарелом возрасте) влюбился юный богатырь. Но вы подумайте вот о чем: в вас когда-нибудь влюблялась косая сажень в плечах с кулаками размером с вашу голову, простодушная как годовалый младенец и с такой же как у младенцев наивностью, свято верящая в то, что зло должно быть наказано, но при этой святой и благородной уверенности имеющая абсолютно свои критерии того, что такое зло и не желающая с вами этими критериями поделиться. А вы при этом тоже вроде как не добрая фея. И вообще неизвестно чем бы для меня все это закончилось, если бы он тогда эти яблочки экспериментальные не съел. К тому же меня беспокоила мысль, что действие этих яблочек может скоро прекратиться и как мне от него убегать по этой лесополосе? В общем, у меня были веские причины для уныния, и я с чистой совестью этому унынию предавалась, ожидая, когда же появится тот самый перекресток, что лишит меня всякой надежды и сна заодно.

— Алеш, а ты хоть знаешь как этот Тугарин Змеевич выглядит? — спросила я не столько движимая любопытством, сколько желанием прекратить эту пытку под названием пение, потому что с самого момента выезда из деревни Алеша не переставая пел одну и ту же песню, не отличаясь при этом ни завидным голосом, ни слухом.

— Конечно знаю, — радостно подтвердил Алеша.

— И как?

— Как злодей.

— То есть? — я позволила себе выразить голосом легкое недоумение, испытываемое мной в тот момент. — Что ты имеешь в виду?

— Я говорю, раз он злодей то и выглядит как злодей. Я его сразу узнаю, не сомневайся.

— А где его искать знаешь?

— Ага.

— И где?

— Так он живет у князя с княгинюшкой, в стольном граде, в царском тереме. Он же у них в гостях. Где же ему еще жить.

— Действительно где? — пробормотала я себе под нос. — А Илья Муромец вроде тоже в стольном граде живет?

— Ну да.

— Ну так, для ясности. Тугарин Змеевич и Илья Муромец

живут в одном городе, и ты об этом знал с самого начала.

— Ну да.

— То есть ты сразу мог пойти в царский терем и срубить ему голову, а вместо этого поехал на его поиски? — должна, должна быть какая-то логика даже в богатырской голове, надо просто попытаться ее понять.

— Нет, не мог. Так же не честно. Я же в город приехал Илью искать, чтобы к нему в ученики пойти, и все об том знали. Нечестно было идти и злодею голову рубить. А теперь я поехал его искать, всем об том сказал и Тугарин теперь тоже знает, когда я его найду, он будет готов сражаться, и я ему честно голову срублю.

— А то, что он княжеский гость тебя не смущает?

— А?

— Я говорю, князь не обидится, если ты его гостю дорогому голову срубишь?

— Так нет, князь у нас хороший. И потом я же честно всех предупредил, что буду злодея убивать, чего обижаться то?

С другой стороны, может и нет в этом мире никакой логики, по крайней мере, доступной моему пониманию. Но когда я пересказала наш разговор принцу (и мне все равно, что это не патриотично, мне надо было с кем-нибудь поделиться), то его ответ меня просто добил.

— Так правильно все. Все так делают.

Я решила, что все остальные вопросы, вертящиеся у меня на языке, в ответах в принципе не нуждаются.

Знаете, нет для женщины ничего приятнее, чем просыпаться утром и видеть лицо любимого мужчины. Вся ее жизнь нацелена именно на это: на поиски того, рядом с кем ей будет приятно просыпаться. Собственно именно это желание и лежит в основе поисков и мечтаний о великой любви. Вы можете мне не верить, не соглашаться со мной и даже утверждать, что я низвожу до примитивных инстинктов великое и светлое чувство, но скажите мне, сможете ли вы вечно любить мужчину, рядом с которым вам будет некомфортно просыпаться, когда вашей первой мыслью будет мысль о душе и косметике, а не улыбка при виде знакомого лица, сопящего на соседней подушке? Во всяком случае, моя идея о семейном счастье заключалась именно в этом: в желании просыпаться и первым делом видеть лицо любимого мужчины. И как в последнее время повелось в моей жизни, это мое желание осуществилось, но каким-то уж очень перевернутым способом. Уже несколько недель я просыпалась и видела перед собой лицо влюбленного в меня мужчины, то бишь Алешеньки. Будущий русский богатырь, как и ожидалось, не оставил девицу (меня) в

беде и ни на одном из встречавшихся нам перекрестков, с указателями и без, с рекламными кампаниями на указательных камнях и верстовых столбах, не свернул ни в одну из предложенных сторон (в поисках славы, денег, любви), которая бы отличалась от нашей. С одной стороны такая верность данному слову вообще и любви в частности была приятна, да и чего уж скрывать, весьма полезна, потому, что теперь при ночевке в чистом поле, принц и богатырь дежурили по очереди, но очень уж раздражало меня восторженное сопение под ухом, служившее меня последние недели утренним будильником. Все чаще недобрым словом поминался втянувший меня в эту авантюру Кощей и его не менее бессмертный папа. Еще конечно немного раздражала меня роль переводчика: принц не говорил по — русски, а богатырь не говорил по — английски, но оба они с удовольствием обменивались опытом, как боевым так и не очень, и своими мыслями о смысле жизни, а мне приходилось все это переводить, не редко довольно пространно и описательно, потому как моего нефтегазового словаря не хватало для перевода рыцарских баллад. Голос у меня от постоянных разговоров охрип, а левое плечо представляло один большой синяк, потому, что оба моих спутника легонько (на их взгляд) толкали меня в плечо, когда я, по их мнению, слишком на долго замолкала или не слишком спешила перевести их высказывания. А говорят у переводчиков в ООН работа трудная. Вот так вот обсуждая сравнительные достоинства дубинки и меча, мы и ехали день за днем за путеводным клубочком, и эта спокойная монотонность даже начинала мне нравиться, и я уже даже внутренне согласилась с тем, что так будет до самого острова Буяна, ан нет. Но у кого-то на сей счет были другие планы. Очередным утром очередного дня мы в очередной раз вышли из очередного леса и оказались на краю чистого поля, в котором обычно ветер свищет. Но этот раз видимо обычным не был, потому как вместо ветра в чистом поле рыскали печенеги. Нет, не подумайте, что я за несколько месяцев своего пребывания в этом милом мире сумела досконально изучить местные народности и их отличительные черты, чего уж греха таить, я и в своем-то не могла похвастаться подобным знанием, просто ехавший рядом со мной местный специалист, как только увидал всадников, а не заметить их было ну очень сложно, потому как всадников этих было от кромки леса и до горизонта, немедленно закричал «Печенеги» и, наверное бы, бросился в бой, но к нашему счастью Эдуард успел перехватить его рукояткой меча по голове и утащить в бессознательном состоянии под сень деревьев. Я спряталась под этой сенью еще раньше. Путеводный клубочек неуверенно замер на самом краю

и, кажется, задумался об обходном маршруте. Еще раз посмотрев на печенегов и на нашего богатыря, возвращающегося в сознание быстрее, чем мне бы хотелось, мы с принцем приняли очень совместное и очень важное решение: принц еще раз тюкнул его по голове, а я затолкала ему в рот кляп, на всякий случай. Минут на пять его это отвлечет, а за пять минут я при необходимости и до канадской границы добежать смогу. И мы с принцем принялись думать дальше, а чтобы думалось нам эффективней, мы залегли в засаду под прикрытием кустов, откуда хорошо было видно поле, и, как я надеялась, не было видно нас.

— Что будем делать? — поинтересовалась я у своего верного рыцаря.

Эдуард еще пару минут рассматривал поле перед нами и всадников, мирно разъезжающих по нему, и пожал плечами, давая понять, что идей у него нет.

— Клубочек, — позвала я, свою путеводную звезду, затаившуюся в кустах в паре шагов от нас. — Клубочек, другая дорога есть?

Клубочек задумчиво покачался на месте и затем сделал небольшой круг вокруг своей оси. Видимо на его таинственном языке это означало да. Я пожалела, что не успела выучить язык путевых клубков, перед тем как отправиться с этим Кощеевым поручением. Впрочем за эту поездку я пожалела о чем-то уже в сотый раз, что впрочем не меняло того факта, что если мне удастся вернуться к себе в избушку, я по — прежнему буду игнорировать процесс обучения в надежде, что меня уволят за саботаж. Хотя в ближайшее время мне грозило скорее сокращение, причем радикальное.

— Если других идей нет, то предлагаю в обход и ползком.

— А Алешу куда? — проявил Эдуард заботу о товарище.

Мы дружно посмотрели на пока еще бессознательного богатыря и пригорюнились. Внушительная фигура нашего спутника не оставляла никаких сомнений в том, что мы не сможем его утащить и не просто утащить, а сделать это незаметно для окружающих. А воинственный нрав нашего друга не позволял нам надеяться, что приведенный в сознание и отпущенный на свободу, он тихо — мирно поползет вслед за нами, предоставляя печенегов своей собственной участи. Бросать же его под деревом нам не позволяла совесть и рыцарская честь. Вернее оба эти чувства не позволяли так поступить моему принцу, у меня и с честью и с совестью было полное согласие, да и инстинкт самосохранения настоятельно советовал расстаться с нежданным ухажером на добром слове немедленно. Честно говоря, я бы еще и приплатила печенегам за избавление от

влюбленного, если бы не страх быть захваченной в полон и проданной в рабство. Но присутствие принца мешало реализации моих коварных планов, а избавиться еще и от принца мне не позволял все тот же инстинкт, перспектива разъезжать по лесу в одиночестве меня не прельщала. Предмет наших воздыханий и горестных раздумий тем временем начал приходить в себя. И тут меня осенило.

— А чтобы на твоем месте сделал великий Илья Муромец? — озадачила я Алешу, прежде чем он сумел полностью избавиться от кляпа.

Сосредоточенная задумчивость голубых, по — детски бесхитростных глаза стала мне ответом. То, что Алеша не был знаком с модусом операнде своего кумира было мне на данный момент на руку, то, что я тоже не имела об этом никакого понятия было в нашей ситуации минусом. То, что я не приняла в расчет принца Эдуарда и его жажду покрыть свое имя немеркнущей славой, было моим огромным просчетом, потому как принц решил действовать поистине с королевским размахом, и начал излагать свой план, а я, за это время привыкшая бездумно переводить все его речи, поступила так и на этот раз, тем самым своими собственными руками закапывая надежду на счастливую старость в сухую из-за долгого отсутствия дождей землю. План принца был до гениальности прост и так же абсурден: прокрасться под покровом ночи к шатру хана и захватив того в плен, вынудить печенегов вернуться домой. Алеша план с радостью поддержал, а мои вопросы были проигнорированы. Хотя меня очень интересовало: как можно прокрасться под покровом лунной и звездной ночи незамеченными, будучи размером с хороший холмик? (где вы видели ползающие холмики?), как среди одинаковых шатров найти ханский? Как узнать кто именно хан, если только у него это на лбу крупными русскими или на крайний случай английскими буквами не написано? И как после всего этого выбраться живыми? Такой мой вопрос: с чего вы вообще взяли, что печенегов надо прогонять, вызвал на мою голову громы и молнии со стороны обоих героев. Нет, к местной логике считать Горыныча и Кощея злодеями априори, а меня старухой в силу прозвища, я уже как-то привыкла, но считать мирно расположившихся в поле печенегов врагами, даже не поговорив. Вот знаете, если бы меня каждый встречный богатырь захватывал в плен и прогонял, я бы тоже может быть стала набегами промышлять. Хотя печенегов и прочих набегающих я ни в коем случае не оправдываю. Спевшиеся тем временем рыцарь и богатырь решили действовать. Уж какими они там между собой

знаками договаривались как вообще шло их общение я не знаю, но пока я предавалась горестным размышлениям о смысле бытия и моем бытие в этом смысле, два героя ликвидировали троих всадников, проезжавших ближе всего к лесу и, притащив их к нашему скромному укрытию, принялись за раздевание пленников. Идея с переодеванием лежала прямо таки на поверхности. Непонятно было только, почему комплектов было три.

— Я не пойду, — заявила я со всей возможной твердостью.

— Мы не можем оставить вас здесь одну, подвергая вашу жизнь опасности, — тут же нашел веский аргумент принц.

— Как так не пойдешь, когда пойдешь? — удивился одновременно с ним богатырь. — Мы же тебя одну тут не бросим, мало ли кто еще прискачет.

— Алеша, — признаюсь, это было низко, но в борьбе за себя любимую все средства хороши, — неужели ты не боишься за меня? — воскликнула я, заламывая руки и пытаясь выдавить слезу — Как ты можешь хотеть, чтобы ненаглядная твоя шла в стан врагов твоих, коим несть числа и коварство которых всему княжеству известно. А ежели заметят меня вороги проклятые и в полон уведут. Как сможешь ты богатырю славному, Илье Муромцу, на глаза показаться да подвигом своим похвастаться? Уж не лучше ли мне здесь остаться, да вас дождаться?

Ответом на мою слезную тираду стал поистине мужественный поступок. Алеша привязал меня к своей спине, примерно как заботливые папаши сажают своих чад в кенгуру, видимо считая, что в этом случае он меня точно не потеряет и в руки врагов коварных я не попаду, во всяком случае отдельно от него. О том, что коварный враг может напасть сзади или пустить стрелу в спину и таким образом сделать наш временный союз постоянным, защитнику униженных и обездоленных в голову не пришло. Это пришло в голову более просвещенному принцу, который для надежности навесил мне на спину два связанных между собой щита захваченных печенегов. Я почувствовала себя пришпиленной к бетонной стене бабочкой, и во избежание худшего, решила смириться.

— Господи, надеюсь только мне все это кажется абсурдным, — прошептала я путеводному другу, засовывая его за пазуху, до лучших времен и начиная молиться.

Наш отряд вступил на тропу борьбы за дело освобождения всех от печенежского ига. Мне было очень жаль Кощея, чье бессмертие в скором времени должно было подвергнуться серьезной проверке, если только мне удастся увидеть в своей жизни, что-то еще, кроме могучей, обтянутой белой рубахой

спины. Собственно сама тропа началась с залегания в засаду, до наступления темной ночи. Мои предложения отцепить меня и дать мне полежать в засаде как все нормальные люди были по обыкновению проигнорированы, и следующие пару часов я мирно колебалась в такт дыханию, как на водяном матрасе. Вскоре темная ночь накрыла нас своим одеялом с прорехами звезд и ярким полным диском луны, застывшим где-то в центре неба. Видно все было как на ладони, самая лучшая ночь для тайной операции по захвату главаря террористов. И в этом лунном море мы поползли. Почему мы ползли, а не воспользовались лошадьми, которые все равно шли за нами следом, осталось для меня вопросом без ответа. Расположившись на широкой спине со всем возможным в моем положении комфортом, я пыталась одновременно спасти свои зубы и заняться расчетом скорости нашего передвижения. Первое получалось лучше, поскольку второе не получалось вообще. С математикой у меня и в школе при наличии калькулятора, учебника, шпаргалок и умной подруги дела не ладились, что уж говорить о решении задач при отсутствии всего этого. Хотя интерес мой был не таким праздным, как может показаться. Мне действительно хотелось понять, успеем ли мы добраться до первых шатров до восхода солнца или нет. Потому как шатры стояли от леса довольно далеко. Собственно они стояли достаточно далеко, чтобы мы могли тихо — мирно ползти вдоль леса по направлению к непосредственной цели нашего путешествия, но моим героям, почему-то, не терпелось добыть себе воинской славы. Итак, мы мирно ползли, лошади мирно шли сзади, впереди опять-таки мирно темнели шатры и слышались гортанные голоса часовых, а может просто мучимых бессонницей воинов, коротающих ночь у костров. И сверху на все это смотрела луна и ночь, по совместительству мой слуга. Впервые за время нашего с ним знакомства я порадовалась тому, что он является мне исключительно в виде рук. Встречи с его ехидной улыбкой моя гордость точно не переживет. Но вскоре звук голосов стал громче и отчётливее, хотя в силу не знания языка, разговор не приобрел смысла, из чего я сделала вывод, что мы уже рядом с целью. Видимо недооценила я способности движимых жаждой подвига мужчин. Дальнейшее и вовсе выходило за рамки любой известной мне тактики и стратегии. Вместо того чтобы обходить часовых по касательной, Алеша, не мудрствуя лукаво, стукнул каждого из них кулаком по голове, отправляя их в бессознание.

— Вяжи их Яким, и рот им закрой, — шепотом командовал Алеша принцу, который если и удивился новому имени, виду не подал.

— Почему Яким? — возник у меня еще один вопрос, ответа на который я не ждала.

— Так хорошее же имя, — прошептал Алеша, продолжая путь дальше. — В самый раз для такого боя.

Мне оставалось только тихо хрюкать в заботливо подставленное плечо.

Так мы продолжали путь по всему лагерю, от костра к костру, все тем же нехитрым способом избавляясь от недремлющих часовых. Вскоре в нашем движении я умудрилась заметить и некую последовательность: двигались мы по часовой стрелке по спирали, постепенно сужая наши круги, пока они логически не свелись в одну точку, в центре лагеря, возле одного небольшого шатра, из которого раздавалось размеренное дыхание спящих. Алеша на минуту задумался, решая, что делать дальше, затем тихо заполз внутрь (перед моими глазами колыхнулись тяжелые занавески и кусочек звездного неба в потолке), все тем же знакомым жестом пригладил каждого спящего и уступил место в шатре вновь названному Якиму, а сам тем временем отвязал меня от своей спины, с которой я уже успела сродниться и даже почувствовала себя немного обездоленной, и усадив спиной к шатру, прикрыл сверху все теми же двумя щитами.

— Тут сиди, скоро приду, — наказал мой защитник и, дождавшись принца, отправился к следующему шатру, видимо намереваясь пройти спираль в обратную сторону.

Я прилежно сидела, так и там где меня оставили, и размышляла о новом слове в воинском искусстве. А еще о том, что очень хочется есть, как если бы я уже сутки голодала. Растущее чувство голода заставило меня задуматься о слишком уж успешной реализации нашего плана за такой короткий промежуток времени: ночь еще не закончилась и луна со своего места так и не сдвинулась, хотя большинство видимых мне костров уже успели догореть и окончательно погаснуть. Правда стукнутые Алешей в сознание еще не приходили, но это как раз таки было понятно, не понятно было отсутствие и намека на утро. Либо два моих спутника были непризнанными супергероями, обладающими среди прочих способностей первой космической, либо не так что-то было с продолжительностью ночи. Вечный скептицизм по отношению к ближнему своему заставлял меня склониться ко второй версии, и отсюда возникал еще один вопрос: была ли эта помощь так сказать добровольной, во благо отечества и во имя защиты земли родной, или же ночь черная оказывал помощь принудительно, заметив меня в рядах диверсантов и потому вынужденный работодательницу спасать и если последнее, то чем мне это грозит? Я попыталась вспомнить

прочитанное из своей служебной книги, но кроме заклинаний для заговора шапки — невидимки ничего не вспомнила. А этим зрелищем еще и утро красное и солнышко ясное любоваться будут. Лепота. Я прислушалась к шуму за стеной шатра, кто-то видимо особенно крепкий уже пришел в себя и пытался освободиться и, решив, что в случае чего я им все равно не противник, отправилась в гости к Морфею, пока мои невеселые думы не загнали меня прямиком в черную депрессию. Я и без этого милого чувства была достаточной занудой.

Проснулась я от того, что мне прямо в глаза светило яркое солнце и светило, как мне показалось, с некоторой издевкой. Тяжелое одеяло из щитов было с меня снято, и на костре прямо передо мной в небольшом котле весело булькала, закипая, вода. Напротив меня расположились новоиспеченный Яким, он же принц Эдуард, Алеша, и незнакомый мне симпатичный и благообразный мужчина, видимо печенег, потому как других мужчин по близости не наблюдалось.

— Доброе утро, — улыбнулась я незнакомцу, хоть так пытаясь скрасить впечатление от нашего знакомства.

— Доброе утро, — ответил мужчина на довольном-таки чистом русском языке.

— Алеша, ты не представишь меня нашему новому другу? — обратила я свой утренний взор на угрюмо молчащего богатыря.

— Так он, собака, не говорит, кто такой, — возмутился мой спутник.

— Осмелюсь заметить, — вмешался неизвестный, — что довольно затруднительно беседовать, вися вниз головой, а ваш спутник полагает это единственно возможным способом ведения переговоров.

— Ты его вниз головой вешаешь? — не поверила я.

И Алеша, чтобы продемонстрировать мне то ли свои способности, то ли сам метод, тут же схватил мужчину за ноги и перевернул, подняв его над землей на высоту своего роста. Молча болтающийся мужчина был невысокого роста и мог сполна оценить все прелести такого положения.

— А зачем ты так делаешь? — поинтересовалась я, как только Алеша сел сам и жертву усадил.

— Чтоб не врал.

— Эдуард, вы же воспитанный, образованный человек, — воззвала я к европейской просвещённости, — как вы такое допустили?

— Я конечно согласен, что этот способ не совсем разумен. Полагаю, что лучше окунать человека в воду, мне это кажется более эффективным, но дело в том, прекрасная леди, что по

близости нет достаточного количества воды. Поэтому я согласился со способом моего друга, так как в этом случае достигается сходный эффект.

— Ну не знаю, — возразил мужчина со все еще не установленной личностью, — лично я предпочитаю поджаривать человека над огнем. В этом случае, как мне кажется, достигается равномерность воздействия на все тело, а не только на голову, так же интенсивность огня можно легко регулировать, и тело находится все время в одном горизонтальном положении, что не мешает человеку говорить во время процедуры, в то время как при погружении вводу, равно как и при переворачивании, приходится делать паузу в разговоре, а это, на мой взгляд, дает время обдумать ответ.

— Да, но с другой стороны, человек хуже переносит холод, чем жару, и при погружении в холодную воду он начинает говорить много раньше, чем при поджаривании, кроме того не стоит забывать о том, что при погружении вводу человек не может дышать и от того испытывает страх.

— А когда вниз ногами висит, да еще если над пропастью какой, то знает, что упасть может и убиться совсем, да и кровь вся в голове, от того ему совсем больно.

С каким-то отрешенным удивлением я слушала спор трех цивилизаций о методах допроса и мучительно пыталась понять, почему эта картинка меня не удивляет. При мысли о том, что я уже полностью свыклась с местными традициями, мне стало не хорошо. Я всегда полагала, что мне нужно больше времени, чтобы потерять эту тонкую корку цивилизации, затягивающую жерло моего вулкана первобытной дикости. Или же я достигла того предела за которым уже не удивляешься, потому как теряешь эту способность за ненадобностью так же, как наши далекие предки потеряли хвост?

— А вы полагаете у наших предков был хвост? — поинтересовался печенег.

— Хвост?

— Да, вы только что сказали, что наши предки потеряли хвост.

— Да? — я попыталась стряхнуть с себя остатки сна и мрачноватой задумчивости. — Да, полагаю, у них был хвост, поскольку наши предки произошли от обезьян.

Три пары очень удивленных глаз посмотрели на меня как-то подозрительно жалостливо, и я решила изложить им теорию происхождения видов в кратком, сохраненном мной еще со школьных времен, изложении. Слушали меня молча. Только принц время от времени просил повторить некоторые фразы на

английском, поскольку его русский, достаточный для обсуждения видов пыток, сдавался перед научным прогрессом.

— Весьма интересная точка зрения, имеющая право на существование, как и многие фантазии, что делают нашу жизнь более радужной, наполняя ее светом огней, — выразил печенег общее мнение.

Принц молчал, а по лицу Алеши огромными красными буквами плыла надпись: не девичье это дело в такие походы ходить, вред от того один и помутнение. Собственно я и сама понимала, что в этой теории есть белые пятна, коль скоро она вообще не могла объяснить не происхождения Змея Горыныча, ни такой подвид человека разумного как Кощей Бессмертный, но с другой стороны, вот так вот сразу отказываться от накопленных человечеством знаний где-то в степи вдали от интернета и библиотек?

— Единственно верная, — припечатала я в знак протеста.

— Щас будем кашу варить, — прервал нас Алеша, засыпая в котел крупу, видимо конфискованную у местного населения.

— Так как вас зовут? — я вернулась к вопросу, который интересовал меня с самого начала.

— Батана, — охотно ответил мужчина. — Я своего рода архонт или князь одного из племен. И мне бы хотелось знать, что вы делаете на моей земле и стоит ли расценивать ваши действия как начало войны между нашими народами?

Приплыли.

— Чего твоей то? — Алеша еще раз перевернул князя или архонта, задавая свой вопрос.

— Уважаемый богатырь, — заговорил Батана, как только слегка побледнел.

— Будущий богатырь.

— Уважаемый будущий богатырь, эти земли принадлежат мне уже два года по договору с царем Берендеем, начинаются они в двух аршинах от леса и тянутся на восток, где и кочует большая часть моего племени, а сюда я со своими ближними воинами наезжаю, коней пасти и проверять не появились ли поблизости шамаханы.

— Врешь.

— Почему вру?

— Суть у тебя такая врать. Все знают, что ты царя Берендея воевал, стольный град захватить хотел.

— Так это когда было, — отмахнулся архонт. — Уверен, вы тогда, будущий богатырь, еще и не родились. Да и царь Берендей сколько раз в степи к нам войной ходил и не вспомнить. А теперь меж нами мир против шамахан.

— А чего нам пройти не давал?

— Так вы же и не спрашивали. Сами ночью пришли и всех перебили.

И возразить то нечего.

— А потому что никто не знает, что у вас мир. Значит врешь, — а Алешу голыми руками не возьмешь.

— Да кто не знает то? — возмутился архонт. — Все знают. Все деревни возле границы знают, что мир. Мы уже два года никаких набегов на эти деревни не делали, миром с ними торгуем. И в Стольном граде знают. Нет, ежели мы границы нарушим или набег какой совершим, то оно понятно, что никакого мира не будет, но мы-то границы соблюдаем, за шамаханами по договору следим, а тут вы ночью. Без предупреждения.

Чувствовала я себя, мягко говоря, неудобно. С одной стороны верить этому Батане причин не было, связанный и не поджариваемый на костре пленник, что угодно врать будет, но и не верить было невежливо. Первый раз человека в жизни видишь и сразу же подозреваешь его в злостном обмане. Невежливо. К тому же темноволосый красавец архонт внушал доверие. Опять-таки самые отъявленные лгуны тоже внушают доверие. Но при любом раскладе отпускать товарищей просто так было нельзя: либо они враги и собираются напасть, либо они обиженные нами друзья и тоже собираются напасть. Очень надо было посоветоваться с авторитетом, но как? Сотовые тут еще не изобрели, яблочко с тарелочкой остались дома, гонца не пошлешь, из-за отсутствия гонца, разве, что дымы пускать как северные индейцы, так не факт, что правильно поймут. С собой эту орду тоже не возьмешь. Хотя.

— Батана, я так понимаю, вы человек уважаемый?

— Я очень ценный заложник, — не стал он ходить вокруг да около.

— Тогда мы тебя с собой возьмем для разъяснения ситуации, а люди твои пока тут подождут. Сами мы, понимаешь, не местные, поэтому пойдем к тем, кто разбирается в текущей политической обстановке.

— В Стольный град, к князю с княгиней и Илье Муромцу, — обрадовался Алеша.

— Ага, вот прям туда и пойдем, — я решила не раскрывать своих коварных планов раньше времени.

И вскоре после сытного завтрака (он же и обед), наш отряд двинулся вперед к новой цели. И цель эта называлась Дуб зеленый, кот ученый. Я решила, что Митрофан, даже если не в курсе последних политических событий, что сомнительно,

учитывая его должность, поможет мне связаться с Кощеем, который точно все знает и все решит. Если надо, архонта этого съест, если не надо — успокоит. Ехать прямиком к замку Кощея я не рискнула по двум причинам. Во — первых, неизвестно как далеко этот замок находится и как туда добираться, во — вторых, учитывая склонность Алеши врагов сначала бить, а потом разговаривать (несомненно, полезную при наличии реальных врагов), рисковать добрыми отношениями с поставщиком шоколада не хотелось. Он конечно лишний раз с дурацкими своими поручениями приставать не будет, но и дружить мне тут тоже будет не с кем. Нам, нечисти, надо держаться вместе, чтобы там всякие герои не говорили. К счастью в этот раз путь был не такой долгий. То ли Дуб зеленый рос поблизости, то ли клубочек путеводный короткой дорогой повел, то ли увлеченная обсуждением различных видов пытки компания скрасила дорогу, но через несколько дней перед нами раскинулся морской простор, широкая поляна и огромный вековой Дуб с золотой цепью. Под дубом наблюдалась группа туристов, увлеченно слушающая моего знакомого кота.

— Расходимся товарищи, расходимся. Не задерживаемся, — я фурией ворвалась в эту толпу мирных граждан, неизвестного происхождения, прерывая рассказ посередине и подкрепляя своей право на такое поведение авторитетом трех фигур за моей спиной.

Туристы или кем они там были, окатив меня всем своим презрением и возмущением, тем не менее разошлись и мы расположились под дубом.

— Тебе как, налево или направо пойти? — профессионально поинтересовался Митрофан, после того как напился и с удовольствием помолчал.

— Мне по центру остаться. У меня Митя к тебе вопрос: ты с Кощеем связаться можешь?

— Могу, только зачем?

— Хочу с ним посоветоваться. Мы, видишь ли, тут князя печенегов, Батану, в плен взяли, вот хочу узнать зря или нет.

— Так естественно, что не зря, ежели он в нарушение мирного договора так далеко в наши земли зашел, что аж до твоих лесов добрался.

— Если бы все было так просто. Мы его в степи взяли, как он утверждает на его землях.

— А ты что в степи делала?

— А в степи я оказалась совершенно случайно, по дороге к острову Буяну.

— С сотрудниками своими что ли знакомиться ходила? —

поинтересовался Митрофан, явно пытаясь найти некую логику в моих поступках.

Я рассказала всю историю своего согласия помочь Кощею в укреплении царской власти. Рассказанная история выглядела еще нелепее, чем была на самом деле, особенно в том, что касается моего решения надеяться на здравый смысл влюбленного богатыря.

— Ну, Кощей, конечно, тот еще провокатор, — прокомментировал Митрофан мои излияния.

— Какой из двух?

— Оба они хороши.

— Это да, — пред моим мечтательным взором возник образ двух Кощеев, и оба действительно были хороши, хотя Митя явно вкладывал другой смысл в это определение.

— И Алешу понять можно. Нормальная реакция потенциального героя, другое дело, что необученные богатыри без курса политической подготовки у нас так далеко от стольного града не забираются, но этот-то вообще, как я погляжу, особенный.

— Думаю, это все последствия отравления тем самым яблочком, — покаялась я. — Может он до яблочка нормальным был.

— Ну может и был, — в голосе Митрофана слышалось огромное сомнение, прямо-таки размером с гору. — Но с архонтом этим мириться надо, у нас ведь и вправду мир. Странно, что ты не знала.

— Странно — это, то что я вообще здесь оказалась, — возмутилась я. — А то, что я за пару месяцев своего проживания в лесной глуши вообще не в курсе происходящего на большой земле, это как раз таки закономерно. Сначала используют женщину в темную, а потом возмущаются, что она не так поступает, как ей положено. Я вот до избушки доберусь и Горыныча на всех вас натравлю, а еще лучше Мюнхгаузена попрошу облака на вас погонять, чтобы знали, как обижать. Тоже мне великие политические умы, а про Дарвина не слышали.

— Про Дарвина мы слышали, — в свою очередь обиделся Митя, — но его теория абсолютно не объясняет происхождения Лешего или Водяного или Бабы — Яги например.

— Происхождение Бабы — Яги очень хорошо проясняет ее огород и всякие орущие под окном прохожие. Если тебя с утра пораньше будут обзывать, а потом просить напоить, накормить и спать уложить, апеллируя к неизвестным тебе законам гостеприимства, то еще не такой Ягой станешь. Это я в расчет Кощея с его просьбами еще не беру и зарубежных коллег,

обращающихся за консультацией. И все это без права уволиться по собственному желанию.

— Да, ты думаешь мне тут легко, — заорал Митя. — Целый день шляются всякие: одному дорогу покажи, другому сказку расскажи, третий дуб спилить пытается на дрова, четвертый трясет дерево постоянно, чтобы русалку найти, и не верит, что русалки на других деревьях сидят, к водяному поближе, да и то не круглосуточно. Цепь эта дурацкая, ночью остывает, лапы аж мерзнут, днем нагревается, хоть яичницу на ней жарь, а ты по ней ходи и вежливо со всеми разговаривай. С моря ветер дует постоянно и даже поспать нельзя. Потому что днем и ночью ходи и ходи, и никакого молока за вредность.

— А ты не ходи.

— Не могу не ходить, должностные обязанности такие: ходить.

— Уволься.

— Пробовал, так замену найти не могут, кто ж на такое место пойдет. Да и котов говорящих не так много. Всяко меньше, чем потенциальных Баб — Ёг. А у тебя контракт только на три года, не захочешь, можешь не продлять.

— Тут главное, чтобы работодатель не захотел этот контракт продлять, есть такое в контракте на сто пятидесятой странице мелким шрифтом в примечании к сноске, — поделилась я самым главным своим страхом с Митей.

— Тогда у тебя только один выход, сделать так, чтобы они не захотели.

— Знаю. Но с архонтом мириться все равно надо, разжигание войны способ хоть и надежный, но в мои планы не входит. Так что зови сюда Кощея, пускай дипломатию разводит, раз такой умный.

Кощей прибыл очень быстро, мы только закончили обед и с удобством разлеглись в роскошной тени, и прежде чем заговорил, два раза обежал вокруг дуба под одобрительные выкрики Алеши и Якима (сама не понимаю, как стала называть принца этим дурацким именем). Печенежский архонт выражал свое одобрение спортивной форме Кощея покачиванием головой и прищелкиванием языка. Правда на третий круг у Бессмертного сил не хватило и он, удовольствовавшись гневным взглядом, жестом попросил меня подойти, пытаясь при этом восстановить дыхание.

— Хочешь я этого Алешу ради тебя съем? — ни тебе здрасти, ни как дела.

— Ты вроде в пороке людоедства замечен раньше не был? Девушек крал, над златом чах, вроде добрых молодцев пытался со

свету сжить, но в поедании людей замечен вроде не был. Это вроде как по моей части, если я правильно помню.

— Ну тогда в темницу заточу глубокую, не выберется.

— Не могу. Предложение конечно щедрое, но вынуждена отклонить. Сам понимаешь, в моем возрасте поклонниками не разбрасываются. А у меня так и вовсе один. Проблемный конечно, но и такой на вес золота. Вот если бы в меня принц влюбился, я бы, пожалуй, приняла твой подарок, а так.

— Ну не может быть все так плохо.

— Может. Проживание в глуши не способствует обретению ухажеров, а моя должность заранее настраивает всех принцев против меня. Даже этот в мою сторону ни разу заинтересованным взглядом не посмотрел. Я в какую-то неправильную сказку попала, где все принцы неправильные. Принцам вообще с первого взгляда влюбляться положено.

— Я тебя умолю, ты знаешь, сколько усилий приходиться прикладывать, чтобы они с первого взгляда влюбились. Какую пропаганду вести, всех хорошеньких девушек из округи вывозить, один древних старух, да здоровенных мужиков оставлять для контраста, на фоне которых любая корова ланью покажется, да и потом после общения с пауком Каракуртом и Горынычем, хочешь не хочешь, влюбишься, а иначе возникает резонный вопрос нафига я это делал. С первого взгляда. Да за этим такой титанический труд лежит. Сколько я замков своих из-за этого разрушил, сколько бедных лягушек перевел, вспомнить страшно. А то, что ваши сказочники все сведения перевирают, это не наша вина.

— Ты еще скажи, что это вина Митрофана, который им не полную версию рассказывает, — за Митю стало обидно.

— Нет кончено, наша компания старается такие подробности не афишировать, чтобы так сказать не разрушить семейное счастье молодых. Но ты же умная женщина, должна понимать, сама помогала с этой Белоснежкой, видела, как рекламная компания строится.

— Вот и сострой мне такую рекламную компанию, в качестве платы за этот твой Буян. А то я сейчас домой пойду, и сам для своего Берендея изображай птицу вещую.

— Тебе компанию организовать не могу, папа убьет.

— Ты же бессмертный?

— Он все равно убьет, месяца на два, на три. Чтобы мне не повадно было в его дела вмешиваться и царству — государству вредить. Вот через три года, когда твой контракт закончится, можно подумать, если ты здесь остаться захочешь.

— Я не доживу до этого времени. Меня стрессы раньше

погубят.

— Насчет стрессов это ты права. Меня они тоже убивают, даже злато не помогает. Вот раньше бывало почахнешь над златом пару часиков и как новенький, а сейчас? Чахни, не чахни, все равно ходишь злой и норовишь какого-нибудь царевича в темницу упрячь и фиг с ним бизнесом и деловой репутацией. Вот с царем Берендеем дело уладим и в отпуск поеду, в Гиспанию. Проведу пару месяцев в гостях у Святой Инквизиции, отдохну.

— А жена как?

— А Василиса хочет опытами заняться. Она у меня наукой увлекается. Все что-то в лаборатории своей химичит. Новые составы изобретает. Так что думаю, она тоже обрадуется возможности отдохнуть и заняться любимым делом.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь в вашу беседу, но мне бы хотелось узнать как долго мне еще здесь находиться? — раздался из-под дерева голос Батаны.

— Да, да, еще минуточку. Прошу прощения за долгое ожидание — обворожительно улыбнулся Кощей.

— А что ты с ним делать будешь? — увлекая Кощея дальше от дуба, шепотом поинтересовалась я.

— Попробую умаслить, что ж еще. Может дары какие придется дать.

— А я вообще не понимаю, почему мы им эти степи отдали?

— Да тут как раз все просто и разумно. Прежний стольный князь с печенегами в основном воевал: то они на нас набегами ходили, урожай жгли, скот угоняли, невест себе воровали, то наши богатыри на них ходили, уму — разуму учили. Где-то раз в год это все случалось. Вроде и вреда не так, чтобы очень много, но и беспокойства много. Опять-таки расходы лишние, богатырей в такую даль за казенный счет посылать, когда и внутри страны для них дела есть. А лет пять назад шамаханы появились. Они и раньше были, но раньше они от нас далеко были, а последние лет пять в нашу сторону значительно продвинулись и тоже набегами увлекаться стали. Пока по мелочи больше, набегут, деревню какую-нибудь приграничную пожгут и назад, но с каждым годом все наглее становятся. А войско на здешней границе постоянно держать дорого, да и неудобно. Надобно сначала хоть крепость какую построить, чтобы было где людям жить. Вот наш нынешний стольный князь и решил с печенегами мир заключить, да и край степи им отдать, версты две. Их земли все равно рядом проходят и с шамаханами у них тоже не сложилось, а так мы им землю, народ они кочевой, леса им наши не нужны, что дальше лежат, а они нам защиту границ и в случае чего предупреждение о большом нашествии, с малыми они и сами справляются, но и мы

им помощь при необходимости.

— Стольный князь это кто?

— Стольный князь — это тот, кто в Стольном граде сидит. У нас тут вроде как несколько царств — государств. Да почитай каждый город и земли окрест — самостоятельное царство, али княжество. Кому какой титул нравится. Между собой царства сии не враждуют, потому как все князья — цари на самом деле братья, ну старший самый и становиться стольным князем. Княжество стольное хоть и небольшое, а в центре среди других находится, там и войско у него самое большое, и богатыри почитай там все живут, оттуда в любую сторону можно добраться в одинаковый срок. Ну и мирно там да спокойно, потому как туда почитай никто с набегами не добирается. Да типа твоей Москвы, государство в государстве.

— Понятно, что не очень понятно.

— Так ты мне так и не ответила, что вы вообще там делали?

— Ну ты хам, — возмутилась я, — сам меня к этой дурацкой птице отправил, а сам еще спрашиваешь.

— Ну про птицу допустим я помню, но что — ты в степи забыла?

— Ты же сам сказал, что Буян остров гуляющий и поймать его сложно и что над Буяном летные аппараты не работаю, вот я решила туда сразу пешком добираться, — я уже почти кричала. — Куда клубочек путеводный вел, туда мы и ехали, откуда я знаю, где этот твой Буян находится, и есть там степь чужая по пути или нет.

— Так ты что клубочком воспользовалась? — в голосе Кощея слышалось огромное, размером с гору, изумление.

— А как я еще туда должна была добираться? У вас тут указателей: До Буяна 10 метров на север, нет, и джпрс навигатор не работает. Я, по — твоему, должна была у ежей дорогой интересоваться?

— Да все же знают, чтобы попасть на остров, надо прийти к дубу и попросить кота открыть мост. Чего надо было тащиться окольными путями. Еще и с путеводным клубочком. Он же для героев придуман, у него в настройках записано: усложнять задачу до легкой степени неосуществимости. Он же специально самыми долгими дорогами водит.

— Да? И откуда я должна была это знать, скажи на милость. В инструкции к клубочку ничего подобного написано не было, и про Буян, что ж ты мне раньше не сказал?

— Так это же любой Яге известно?

— Откуда интересно? Я вот вроде как Яга, но мне это не известно. Ты когда на этот остров последний раз Ягу посылал?

Еще до революции? Умный какой. Раз умный, сам и тащись к этой птице говорун.

— Последний раз? — задумчиво протянул Кощей, намеренно игнорируя мою дальнейшую эскападу, — Слушай, не помню. По — моему лично я вообще не посылал, причин не было. Разве что отец. Ну извини, ну я действительно не подумал, просто ты так органично вписалась в этот образ, что я как-то забыл, что ты у нас недавно и многое можешь не знать. Увы, мне, но кто без греха.

— Да по — моему тут все без греха, потому как все грехи на меня сваливают, — злость, единожды завладев моим сознанием, очень плохо уступала свои позиции.

Кощей вкинул руки в примеряющем жесте, всем своим видом выражая сочувствие, казалось даже его белоснежные, открывшиеся в улыбки зубы, сожалели о содеянном.

— Да, пока помню, — Кощей посмотрел на моих спутников, — по мосту твоим сопровождающим не пройти. Он у нас, мост, так сказать, только для особенных, вроде меня, тебя, лешего, кикиморы, даже Василису через раз пускает, а уж твоего заграничного принца и вовсе сбросит, как потенциального шпиона. Может тебя клубок еще и потому окольными путями повел, что ты не одна была?

— И что мне с ними делать? Тут бросить?

— Тут не надо, — Кощей энергично замотал головой. — Сдается мне, они запросто мог дуб на дрова спилить, с их неутомимой жаждой подвигов с них станется. Был бы принц один, еще можно было бы понадеяться на его здравый смысл, но вкупе с богатырем. Кажется, он окончательно подпал под его влияние и проникся духом бескорыстного служения добру.

— Вот это и пугает. Мы с тобой вроде к добру никак не относимся.

— Не в классическом определении этого слова, — согласился мой собеседник.

— Послать куда-нибудь их тогда? Алеша хотел с Тугарином Змеевичем сразиться, может сказать, что самое время для этого подвига?

— А чем ему Тугарин то не угодил. Нет, я согласен не самый приятный тип, но должна быть какая-то причина?

— А он говорит, что Тугарин тот злодей известный и потому он должен с ним сразиться, иначе он не может к Илье в ученики идти.

— Что-то в этих рассуждениях есть, — задумчиво протянул Кощей, чем поверг меня в шок, от него я никак не ожидала такого подхода к оценке добра и зла. — Конечно, не совсем хорошо жертвовать Тугарином ради общего спокойствия, но с другой

стороны, чем-то или кем-то всегда приходиться жертвовать, почему бы и не Тугарином. Все равно ничего путного не делает. Так, что можно и отправить их двоих на сей славный подвиг.

— Почему двоих? Ты и принца хочешь втянуть в наши внутренние разборки?

— А что с ним делать? Сам сюда приехал, пусть сам и отвечает.

— Он, между прочим, мой верный рыцарь, — обиделась я за принца. — И в отличие от многих сразу же мне помощь предложил и прекрасной дамой назвал, а не старухой. Так что я против того, чтобы ради всеобщего блага жертвовать единственным знакомым мне принцем. Может это мой шанс, года через три свое счастье обрести.

— Сомнительное счастье…

— Какое есть. А на чужое богатство не зарься.

— И что ты мне предлагаешь?

— Домой его спровадь. Сам придумай как, ты же у нас тут умный, — съязвила я, помешав Кощею возмутиться.

— С этим договорись, того отвадь, третьего спровадь. Что-то слишком много поручений для меня одного — проворчал Кощей. — Удружил папенька как всегда.

— Родители они такие, — согласно вздохнула я, и тут меня поразила очень неприятная мысль. — А как же я?

— Что именно ты как?

— Ты сейчас этих красавцев заберешь, а я как потом домой добираться буду? Ступы у меня тут нет, кони не мои, Горыныч далеко, а пешком я до конца года избушку искать буду, по местным то дорогам, да без карты местности.

— Вообще тут до твоей избушки не так уж далеко, прямо верст сто, дня за два за три дойдешь, максимум за четыре. Да и дорога есть. Не шоссе конечно, но нормальная проезжая дорога. Хотя можно и Сивку — Бурку позвать или Серого Волка. На выбор.

— Да я смотрю тут вообще все удобства для путешественников. И пеший туризм, и конный, и экстремальный. Красота. Может агентство откроем туристическое для таких как я? — моим ядом, наверное, можно было отравить пару царств, но Кощей и бровью не повел.

— Сивка — бурка быстрее будет, а Серый Волк спокойнее. Так что ты как предпочитаешь, быстро или в хорошей компании? Я бы посоветовал коня, как более привычный способ передвижения. Сама знаешь как вызвать. Встанешь, топнешь и крикнешь: Сивка — Бурка, вещий каурка… Ну и далее по тексту.

— Так этот Сивка у меня же в конюшне на дворе и стоит, —

вспомнила я свой первый день знакомства с хозяйством.

— Стоит, иногда. Иногда гуляет, когда ему скучно становиться.

— Ты еще скажи, что Серый Волк у меня периодически под избушкой ночует.

— Этот вряд ли, он за личную независимость от всего. Идейный. А вообще функции бабы — яги они же шире по своей сути, чем поедание мимо проходящих дураков и помощь потерявшимся царевичам. Правда с того момента как местная Яга сбежала, многое забылось. Сама понимаешь, она записей или мемуаров о своей деятельности не оставила. Мы кое-что смогли вспомнить, но картинка все равно не полная. А с контрактника какой спрос? Ему бы свое отслужить, да на свободу. И хорошо если три года от звонка до звонка, а то у многих нервы много раньше сдавали и нам приходилось их ликвидировать.

— Может вы меня уже ликвидируете?

— Не можем, ты пока повода не давала. Да и вообще, на мой взгляд, ты не плохо справляешься. Думаю, ты тут все три года отработать можешь.

Я вспомнила до сих пор преследующие меня ночные кошмары, в которых я падала с огромной печки и попадала в лапы петуха, с говорящими зеркалами вместо глаз, тошнотворный страх перед землетрясением, испытываемый каждый раз, когда избушка решалась размять ноги, огород, с которым я не знала, что делать, ступу, после использования которой неделю болели руки, и орущих под окном с утрам пораньше прохожих, умножила все это на три года и с тоской вспомнила маленький уютный офис на окраине города и милого шефа, вопящего на подчиненных не чаще раза в неделю, дружелюбный коллектив, перемывающий косточки строго в обеденный перерыв, и полное отсутствие поклонников. Больше всего на свете мне хотелось вернуться туда. В скучную обыденную жизнь современного города 21 века.

— Да уж, три года это я запросто, — пробормотала я, направляясь к Митрофану, чтобы он пустил меня на мост и, предоставляя Кощею разбираться с остальными проблемами в лице трех представителей разных культур и цивилизаций.

Мост оказался прозрачным. Был он натянут между Зеленым Дубом и Вечным Деревом на острове Буяне, прямо над морем, и чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, был, как я уже сказала, прозрачным. Чем дальше, тем все больше ночных кошмаров мне обеспечено, думала я, хватаясь за еле видимые перила и делая первый шаг над пропастью. Митя мне любезно объяснил, что и каждый ступающий на мост становиться

невидимым и потому не стоит опасаться каких-нибудь проплывающих мимо кораблей, никто в меня из пушек палить не будет. Обрадовал, одним словом. Подо мной шумело море, по — осеннему неспокойное, темное, высоко в небе летали птицы, в которых я не разбиралась и чайку от какого-нибудь буревестника точно бы не отличила, за мной возвышался неколебимый дуб и сверкала на солнце златая цепь, рядом с которой Кощей вел переговоры о войне и мире, доме и ратных подвигах, с брошенными мной товарищами (хотя может они вообще просто о погоде болтали или спорили на философские темы, мне было уже не слышно), где-то в далеком и туманном впереди меня ждало еще одно дерево, со своим паноптикумом, подо мной ненавязчиво раскачивалась многократно воспетая звездная тропа (оказывается у моста тоже было имя) и вся моя недолгая жизнь яркими картинками проносилась перед моими глазами, пока я стояла мертвой хваткой вцепившись в веревки и уговаривая себя шагать. Каюсь, грешная, читая в отрочестве своем приключенческие книги, я черной завистью завидовала всяким юным капитанам и их не менее юным сестрам смело пускавшемся навстречу опасностям, и мнилось мне, что я не хуже Тарзана могу укрощать пантер и слонов, и уж точно красивее его в пальмовой юбке смотреться буду. Завидовала я и героям занесенным волей богов и рока в древние и параллельные миры и всегда возмущалась, что в основном туда заносит мужчин, которые лихо машут мечом и спасают принцесс от троллей, и думалось мне, что если бы мне посчастливилось быть на их месте, то я бы тотчас же очаровала красотой своей неземной самого главного рыцаря и по совместительству короля, вызвала бы зависть своей красотой, умом и очарованием у всех эльфиек, и повелевала бы стихиями, потому как непременно была бы еще и великим магом. Потому как невозможно не восхищаться мной. А в итоге я стою над морем и единственному встреченному мной принцу на меня глубоко плевать. Он вообще за время нашего путешествия больше всего рад был, когда с Алешей оружие обсуждал. Хан этот печенежский, архонт, вместо того, чтобы пасть к моим ногам и клясться в вечном мире и обещать горы золотые, вообще войной угрожать начал, а единственная внушённая мной любовь явилась побочным явлением колдовского действа. То есть и колдовать я тоже нормально не умею, что уж тут о стихиях говорить. Местный красавец счастливо женат на местной же красавице, а меня использует в своих политических играх, и единственный кто ко мне относиться просто по — человечески и ничего от меня не хочет, это трехголовый звероящер, размером с хорошую такую гору, да еще и богатством в отличие от других таких же

летающих ящериц не обладающий. Видимо в этом мире только у Газпрома мечты сбываются так как надо, а не наперекосяк. Мечты, мечты, в чем ваша сладость? И где были мои мозги. Нет, кончено всегда можно попытаться утешить себя тем, что могло быть и хуже, и что кому-то в этот момент определённо хуже, чем мне. Попытаться можно, но вот утешиться вряд ли. У меня не получалось. Медленно, с грацией гусеницы, которой в принципе не суждено превратиться в бабочку, передвигаясь по мосту, я пыталась представить себе всех тем, кому сейчас хуже, чем мне, но волны, словно специально старающиеся лизнуть мои ноги, как если бы не подозревали о разделяющей нас преграде, сильно мешали мне сосредоточиться на чужом горе. Наряду с картинками моей жизни, мелькающими у меня перед глазами в буквальном смысле. Когда Митрофан сказал, что переход по мосту на Остров Буян некоторым образом символизирует переход из одной жизни в другую, и потому сопровождается, воспоминаниями о былых свершенных делах, равно плохих и хороших, я думала, он так шутит. С такой работой еще и не такое чувство юмора приобретешь, целый день туристов развлекать. Оказалось он не шутил. Оказалось он просто не рассказал мне подробностей. Оказалось, что воспоминания о каждом свершенном до этого момента в жизни шаге, встают перед тобой в виде картинок с каждым свершаемым по мосту шагом, начиная с момента рождения. При мысли о том, что мне придется шагать по этому мосту тридцать лет, прежде чем я достигну цели, меня прошиб холодный пот. Но по совету того самого Дейла, который Карнеги, я решила во всем искать хорошее и уверенно заявила себе, что через полтора года смогу повернуть назад, и как раз к окончанию срока контракта вернусь к избушке. И что пока я шагаю по мосту, Кощей не сможет мне навязать своих прочих дел. Немного помогло. И дальше я поползла немного быстрее.

Ах, это чувство полета над бездной, дикий восторг, упоением ветром. Чувство полета и власти над миром. Чувство свободы, не знающей рамок. Пока не грохнешься и не разобьёшься. Я не буду думать об обратной дороге, твердила себя я, слезая с моста на широкую ветвь незнакомого и очень высокого дерева, не зная, сколько времени спустя, с момента первого шага над морем. Может день прошел, а может и все тридцать лет. То, что за все время моего пути солнце ни разу не село, еще не было показателем времени, как я недавно узнала на личном опыте. Усталость ощущалась, но не была чрезмерной. Запутавшись во всех этих особенностях и порядком подустав от событий последних дней, спустившись с дерева (благо там была веревочная лесенка), я свернулась калачиком в густой траве и

заснула.

Проснулась я потому, что солнце светило мне прямо в глаза, заставляя вынырнуть из мира грез. Рядом кто-то негромко переговаривался, шуршал в траве легкий ветерок, и пахло яблоками. «А, мы на даче», — лениво подумала я и потянулась. Глаза открывать не хотелось, и я просто прислушивалась к окружающим меня звукам, пытаясь разобрать недалекий разговор и уловить запах шашлыка — непременного атрибута всех дачных поездок. Но шашлыком не пахло. Да и других обычных для дачного поселка шумов слышно не было: ни далеких криков детей, ни громких переговоров соседок, ни шумной поступи инспекции грядущего урожая. «А почему я на даче?» — мелькнула в моей голове вялая мысль. «У нас вообще нет дачи. Откуда я знаю, как должно быть на даче, если я там никогда не была? Я вообще где? И хочу ли я знать этот ответ?». Как я не пыталась остановить свой мыслительный процесс, но он вырвался на свободу и теперь несся вперед неудержимый как лавина и такой же безжалостный, оставив меня, в конце концов, погребенной под обломками осознания. Буян. Красной лампочкой зажглось в моем мозгу, и я тихо застонала. Теперь мне полагалось найти говорящую птицу и убедить ее нанести визит царю Берендею. Я открыла глаза и увидела огромное яблоко. Оно висело на ветке прямо надо мной и было таким красивым, таким красным и аппетитным и так одуряюще пахло, что моя рука сама потянулась к нему, чтобы сорвать, а рот немедленно наполнился слюной, хотя я никогда не любила яблоки.

— Я бы на вашем месте не стала этого делать, — раздался откуда-то сверху приятный женский голос. — Это яблоко своего рода праматерь всех яблок на земле, сорвете его, и все яблоки исчезнут.

— Как это? — моя рука замерла на полпути, но так легко сдаваться не собиралась.

— Так это ведь мировое древо. Прообраз всех деревьев на земле. И плоды его прообраз всех плодов на земле. Так что, сорвёшь с него что-нибудь, оно навсегда исчезнет.

— Так что, эти плоды вообще есть нельзя?

— Можно, когда сами на землю упадут. Но я, сколько тут живу, еще ни разу такого не видела.

— Нда, — я опустила руку и села, постаравшись поудобнее устроиться на каком-то камне, рядом с которым я спала.

— О, Алатырь нашла, бывает же, — восхищенно присвистнули сверху.

— Кого нашла? — я снова поерзала, устраивая свою пятую точку с максимальным комфортом.

— Алатырь камень, — весело пояснили сверху. — Он у нас вроде как центром земли считается. Кто его найдет у того любое желание сбудется. Но к тебе это не относится. Ты же вроде как Баба — Яга, если я не ошиблась. А Баба — Яга исключение из правила.

— Причем вечное, — зло пробормотала я, когда мои надежды в очередной раз были разрушены незнакомой собеседницей.

— А что есть желания? — сочувственно поинтересовался все-то же голос. — Кстати, там внизу еще змей должен быть. Ты если его увидишь, не пугайся, он только с виду страшный, а так душа — человек, — при этой новости я нервно оглянулась, но змея не увидела. — Он в основном тут для охраны камня и дерева. Не поверишь, сколько охотников до желаний каждый месяц вылавливаем. Ничто их не останавливает. Вот уж действительно охота пуще неволи.

— Да уж, сложная у вас жизнь.

— И не говори. С тех пор как настоящая Баба — Яга сбежала, все наперекосяк пошло. Герои совсем от рук отбились, что хотят, то творят, никакого сладу с ними. И ладно бы с врагами да злодеями бились и девиц спасали, а то все норовят по миру попутешествовать, да найти того, кто всех желания вмиг исполнит.

— Прям не герои, а злодеи какие-то, — вдохнула я, вполне понимая их желание. — А тебя, кстати, как зовут? — проявила я свою вежливость после получасового разговора.

— Алконост, — представился голос.

— Приятно познакомиться.

— Ну и какими судьбами к нам занесло Бабу — Ягу? — а эта Алконост явно не верит в туристическую привлекательность своего острова, куда можно просто прийти погулять.

— Вот, ищу птицу Гамаюн.

— И зачем вам эта нервная девица?

— Да, лично мне, в общем-то, наверное, и не зачем, но знакомый помочь попросил.

— Кощей что ли? — хмыкнула Алконост.

— Он самый.

— Опять переворот какой-нибудь планирует, и хочет чтобы Гамаюн песни вещие напела? — не то спросила, не то прокомментировала моя собеседница.

— Что-то вроде того. Если я правильно помню, у него есть небольшие претензии к сыновьям царя Берендея.

— Вот беспокойная семейка. Все о благе государства радеют.

— Такие сознательные? — во мне проснулся воспитанный годами перестройки скептик, не верящий в чистоту помыслов

ближних.

— Ну и это тоже. А как на мой взгляд, так совесть покоя не дает.

— А при чем здесь совесть?

— Совесть, она всегда причем, если ты человек порядочный, а не какая-нибудь трехголовая рептилия, — Алконост сказала это с таким чувством, что я сразу поняла всю сложность ее отношений с Горынычем. — Ну а вообще это же из-за Кощея Яга сбежала.

— Как из-за Кощея?

— Да вот так. Из-за старшего конечно, младший тогда еще совсем зеленый был и интереса для женщин не представлял. История там темная и местами совсем туманная, толком никто ничего не знает. Известно только, что Яга в старшего Кощея влюбилась. Сама ли от дурости или Кощей приворожил, или с зельем чего напутала, это не известно, известно, что влюбилась и ладно бы просто себе любила, никому не мешала, но она решила за Кощея замуж выйти, как всякая порядочная женщина. Что у них там не сложилось, тоже темный лес. То ли первая жена Кощея была против такого поворота, то ли сын его мачеху не взлюбил, то ли сам Кощей особого восторга по этому поводу не испытывал, только что-то у них там совсем не заладилось, и однажды утром Яга сбежала. У кота ученого дорогу выведала, хотя это и не секрет, и сбежала. Думали сначала, погуляет, да вернется, особо и не переживали. Подумаешь одной больше, одной меньше. Год прошел, другой, она все не возвращается. Тут заметили, что ерунда какая-то творится начала: то самолеты залетят, то туристы на опушке леса шашлыки жарят, то Иваны разные пойдут к Кощею в замок, а окажутся в каком-нибудь супермаркете возле молочного отдела. Потом уж догадались, что это из-за побега Яги случилось. Какая-то там канва порвалась или узор нарушился, или вообще какие-то квантовые нарушения произошли, в этом я не сильна. Только бросился Кощей Ягу искать, даже жениться на ней готов был, чтобы только вернулась, а поздно. То ли сгинула она, то ли от старости умерла, то ли вообще ушла в подполье, только все одно не нашел. Вот тогда-то в своих умных книгах и вычитал, что можно оригинальную Ягу заменить ровно на три года. Три года замена хорошо справляется, молодцев там поит — кормит, за порядком следит, и все тихо — мирно, а через три года опять ерунда начинается и надо опять новую искать.

— Так вы такими темпами скоро всех переберете и никого не останется.

— Вот старший Кощей в вашем мире и сидит, все первую Ягу ищет, все надеется. А по — моему так у него уже на этой почве пунктик. Он и раньше был с легкими странностями, а тут и

вообще свихнулся. И интриги эти политические его тоже из этого его чувства вины. Раскаявшийся злодей это, по моему мнению, страшная вещь. Он своим добром уже половину населения запугал. И все не угомонится. Жена от него через то ушла. Терпела сначала, а потом к родителям вернулась, никакой говорит любви не хватит его терпеть. Вот тебе и совесть.

— Опять во всех смертных грехах нашего Бессмертного обвиняешь? — раздался откуда-то слева и сверху новый мелодичный голос. — Тебя послушать так хуже его злодея во всем белом свете нет.

— А вот и главная Кощеева заступница появилась, — съязвила моя новая знакомая. — Знакомьтесь, Гамаюн, птица вещая.

— На гладях бесконечных вод, закатом в пурпур облеченных, она вещает и поёт, — вспомнилось мне из недоученного.

— А к тебе как всегда от милого твоего дружка гостья дорогая пришла, — продолжала тем временем язвить моя собеседница.

— Правда? — послышалось взволнованное и из ветвей на меня глянуло красивое женское лицо в обрамлении длинных золотистых локонов.

— Добрый день, — выдавила я из себя, мысленно кусая локти от зависти к такой красоте. — Новая Баба — Яга.

— Очень приятно, — улыбнулась красавица, — Гамаюн. Вы ко мне по делу?

Это звучало так знакомо — официально, что на минуту мне представился огромный кабинет с длинным столом темного дерева и мужчина в черном костюме с галстуком. Я тряхнула головой, прогоняя ностальгические воспоминания, и криво улыбнулась.

— Собственно говоря да. Меня просил к вам обратиться Кощей Бессмертный Младший. Он хотел бы, когда у вас будет время, чтобы вы навестили царя Берендея и рассказали ему про молодильные яблоки, которые помогут ему вернуть молодость и силу и таким образом позволят править собственным царством еще несколько лет, пока дети его не созреют психологически и политически для трона. Как-то так.

— Во загнула, сразу чувствуется просвещенная, — восхитилась Алконост, по прежнему не видимая.

— А за молодильными яблоками кто пойдет? Сам царь Берендей? — поинтересовалась Гамаюн.

Я задумчиво почесала затылок, не заметив, что скопировала любимый жест своего поклонника.

— По плану за яблоками должны пойти имеющиеся у Берендея сыновья, чтобы проявить в этом походе свои лучшие и худшие качества. Собственно говоря, если я правильно поняла замысел, именно по результатам похода и будет выбран достойный преемник, которого царь и обучит за второй срок. Во всяком случае, план пока такой.

— Очень, очень разумный план, — девица даже засветилась от восхищения. — Чувствуется здравое мышление и прозорливость.

— Так вы споете? — для очистки совести мне требовался четкий ответ.

— Ну не знаю, могу ли я. Это ведь не совсем мой профиль.

— То есть?

— Ну, я больше людям будущее предвещаю, правда они меня редко слушают, а советы, ну не очень люблю давать.

— Ну еще бы, — усмехнулась Алконост, — это же ты Яге посоветовала нового счастья искать, вот она с тех пор и ищет, где ветер свищет.

Красивая головка исчезла в ветвях дерева и оттуда послышалась громкая перебранка и шум крыльев. Ругались правда на непонятном языке, сильно смахивающем на птичий, и, почувствовав как затекла шея, которую я все время закидывала назад пока разговаривала, я принялась ее разминать. Ругань тем временем то повышалась до крика, то падала до шепота, но прекращаться особо не спешила. То ли тема была болезненная, то ли у сестер были теплые родственные отношения. Правда

перспектива ночевать на острове в компании змея мне вовсе не улыбалась и подождав еще минут десять, я потрясла за ближайшую ко мне ветку и позвала девиц по имени.

— Я бы не хотела вам мешать, но может вы все-таки мне скажите, что Кощею передать?

Голоса вверху затихли и из листвы вновь выглянуло знакомое мне женское личико, еще более прекрасное чем раньше, с горящими глазами и румянцем на щеках.

— А что вы об этом думаете?

— О чем? — я даже опешила от такого вопроса.

— Обо всей этой затее. Вы думаете это правильно обнародовать информацию о молодильных яблоках? Сделать ее так сказать общеизвестной? Я вот чувствую, что в будущем это может доставить множество проблем, когда иные не совсем порядочные личности захотят ими воспользоваться в своих не столь благородных целях. Меня смущает моральная сторона вопроса и при всем моем уважении к политическому уму Кощея и искреннем желании помочь вам, я не могу закрывать глаза на возможные последствия своего сообщения.

— А что яблоки и правда есть?

— Конечно есть. Но они под надежной охраной и мало кто знает об их существовании и местонахождении.

— Так если это не секрет и о них все равно знают, то я не совсем улавливаю причину ваших колебаний.

— Но сейчас о них знают немногие, а после моего появления, об этом станет известно большему количеству людей. Я как бы придам факт их существования публичной огласке.

— А вы не предавайте публичной. Явились по — тихому, шепнули на ухо и ушли не прощаясь.

— Но я так не могу. Вы еще новенькая и не понимаете специфики моей деятельности. Я являюсь при свете дня и большом скоплении народа, являюсь в небе, в укрупненном масштабе так сказать и вещаю громко, чтобы все могли слышать. В моей работе ведь главное, чтобы как можно больше народу про это услышало, потому как чем больше народу предупреждено, тем больше вероятность, что они смогут предотвратить несчастье.

— А изменить принципы ради одного раза нельзя?

— Это как-то не совсем солидно, — Гамаюн заметно приуныла.

— А если поменяться?

— То есть?

— Если вместо вас ваша сестра явится, например Алконост или Сирин? Разницу заметят?

— Конечно заметят. Во — первых, мы ведь не близнецы и

совсем друг на друга не похожи, а потом у нас разная манера работы. Алконост при всем своем желании не сможет людям ничего иного рассказать, кроме песен горести, а Сирин только про радость поет. Законы мироздания. Это мы только у себя дома можем свободно разговаривать, а среди людей…

— А если изобразить страну после смерти царя Берендея не нашедшего молодильные яблоки? Вполне себе горестная песня.

— Для этого надо быть уверенной, что это будет действительно худо, — послышался голос Алконост, — а мне пока так не кажется. Можно кончено постараться и внушить себе такую мысль, но желания особого нет. При всем уважении к вам.

— Алконост слегка недолюбливает Кощея, — шепотом пояснила мне Гамаюн.

Я почувствовала, что начинаю разделять чувства Алконост. Этот белозубый интриган как всегда умолчал о главном препятствии: моральных воззрениях вещей птицы. Собственно озвученные сомнения я вполне разделяла, кто его на самом деле знает, чем дело обернется, если все будут молодильные яблоки есть, а ведь, как известно, что удалось одному, всегда может повторить другой и третий. Так что надеяться на сложность и мало осуществимость подвига не приходилось. Перед моим внутренним взором замаячили бесконечные вереницы дураков и богатырей и просто искателей приключений, стоящих перед моей избушкой с утра до вечера, требующих баньки и еды, и выспрашивающих дорогу к молодильным яблокам, которым по контракту я не могла отказать в посильной помощи. Собственное благополучие меня волновало гораздо больше, чем здоровье отдельно взятого царя. Я при таком режиме три года не выдержу, раньше сойду, и хорошо если просто с дистанции, а не с катушек. Кощей кстати не уточнил, чем именно обернулось для моих предшественниц досрочное завершение контракта: просто возвращением домой или возвращением домой через какую-нибудь лечебницу. Проверять на собственном опыте не хотелось. Кощей по — прежнему будил мое воображение и восхищал своей красотой, но вот решать за него его проблемы меня вообще не тянуло, тем более как выяснилось именно его семейство было причиной моих нынешних проблем и вообще и в частности. Душа требовала мести, пусть даже жалкой и мелкой.

— А давай-ка мы вот как решим, — предложила я. — Я сейчас вернусь домой, расскажу о наших сомнениях Кощею, потребую от него гарантий, что твои действия не послужат большему злу и потом уже видно будет. Только я к вам на остров второй раз не пойду, так что ты ко мне сама в гости прилетай через пару недель, — улыбнулась я во все свои двадцать восемь зубов

(четыре зуба мудрости у меня вырвали еще лет пять назад, за ненадобностью и по причине оказываемого ими вредного воздействия на соседние зубы).

— Отличное предложение — поддержала меня Алконост. — И главное действительно разумное. Мне кстати можно к вам в гости за компанию?

— Ну конечно можно, в любое удобное время. И Сирин тоже приглашаю.

— Вот здорово, — развеселилась Гамаюн, — как вы все складно придумали. Прям, как настоящая Баба — Яга.

Последнее сравнение мне не понравилось.

Вопреки распространенному убеждению, что дорога домой всегда короче и приятней, моя обратная дорога и на этот раз не была устлана розами. И хотя картинки из моей жизни не служили мне фоном, но грозный голос, нашептывающий мне одуматься и начать творить добро, сильно действовал на нервы и сбивал с ритма. Не знаю сколько времени спустя я все же рухнула рядом с Митрофаном под сенью вечно зеленого дерева и закрыла глаза в блаженной надежде, что весь этот кошмар немедленно прекратится.

— Сивку звать будешь? — поинтересовался Митя хрипловатым голосом. — Или со мной жить останешься?

— Рекомендуешь?

— В принципе неплохо. Море, солнце, свежий воздух, зелень опять-таки. Если бы еще не туристы, вообще было бы хорошо. Только я думаю, что Кощей тебя при необходимости и здесь найдет.

— Он вообще парень находчивый, как я поняла.

По примеру знаменитого барона я вытащила себя за волосы из трясины сознания и медленно встала. Лежать на песочке конечно хорошо, но на печи лежать еще лучше. Особенно если наглухо закрыть все окна и двери и сделать вид, что меня в природе не существует. Хотя бы пару дней. А потому топнув ногой и изобразив попытку свиста (кто его знает зачем) я вызвала быстроходную лошадь, которая согласно рекламе должна была доставить меня домой в самые кратчайшие сроки. Через мгновенье передо мной стояло рыжеватое златогривое чудо, из ноздрей которого шел дым. Слабые сомнения, почему я не воспользовалась этим способом передвижения, чтобы добраться до Буяна, при виде этого транспортного средства бесследно растворились в небытии, уступив место сомнениям о том, не безопасней ли будет воспользоваться услугами Серго Волка. Внутренний голос, ехидно пытавшийся поинтересоваться с каких это пор я стала считать волков безопасными существами, был

мной немилосердно оборван, как не внушающий доверия еще с того памятного момента поиска новой работы. Меня очень интересовало, как я смогу забраться на лошадь без седла и уздечки и ростом два метра в холке.

— Ну так указания какие-нибудь будут или так и будем стоять в тишине до ночи? — поинтересовался вызванный транспорт.

Нда, подзабыла я детские сказки, подумалось мне, когда я слегка подпрыгнула от неожиданности. Книжку сказок что ли заказать, во избежание так сказать дальнейших сюрпризов.

— Долго мне еще ждать? — поинтересовалась лошадь, нетерпеливо топнув ногой.

— Да мне собственно домой надо, в избушку на курьих ножках. Вас не затруднит помочь?

— Да с нашим удовольствием, тем более я сама туда собиралась. Залезай.

Именно в этом и заключалась моя основная проблема. Примерно минут через десять, устав терпеть издевательства над своей гривой, из которой при каждой попытки взобраться на сей Эверест, я вырывала по клоку волос, Сивка сподобилась согнуть передние колени и если и не сильно облегчить мою задачу, то сделать ее выполнимой. Оказавшись верхом на коне, я не стала следовать примеру великих полководцев древности и важно рассидать, а пригнулась к лошадиной шее и вцепилась в нее мертвой хваткой. Я почувствовала, как в лицо мне ударил ветер, перед глазами (которые у меня смотрели исключительно вниз) размытым пятном абстракциониста мелькнула зелень, и веселый голос с лошадиным акцентом произнес.

— Слезай, приехали.

Рискнув если и не отрываться от реальности в виде гривы, то хотя бы обозреть пространство вокруг, я увидела перед собой полузабытый облик моего ходячего дома и валяющуюся перед крыльцом приставную лестницу. Мы действительно приехали. Скатившись вниз с лошади как с горки и поблагодарив ее за быструю доставку, я направилась прямиком к печке. Сейчас мне хотелось только одного: вытянуться во весь рост на мягкой перине и уснуть и пусть местные герои сами решают проблему поиска дороги. Уже закрыв глаза и нежась на удобной постели, я пробормотала «и пусть будет ночь» и тут же заснула сном очень уставшего человека без всяких сновидений.

Проснувшись первый раз от какого-то шума за окном и приоткрыв глаза, я увидела, что вокруг меня царит ночь, а потому с чистой совестью отвернувшись к стене, я снова заснула. Во — второй раз из сна меня вытолкнуло чувство голода. Так обычно

бывало у меня раньше по выходным дням, когда не надо спешить на работу и можно спать сколько хочешь, пока выспавшийся и проголодавшийся желудок не начнет настойчиво напоминать о своем существовании, выгоняя из дремоты на кухню. Еще не открывая глаз, я лежала и раздумывала вставать или не вставать, пока сонная хмарь не решила этот спор за меня и я снова уснула. В третий раз я проснулась от того, что выспалась. Впервые за очень долгое время мне больше не хотелось спать. Вообще. Хотелось есть, но чувство голода было легким, ненавязчивым. И от долгого лежания болела спина. Потянувшись, я села на печке и огляделась. Комната была освещена лунным светом и снаружи по — прежнему царила ночь. Я почесала затылок, снова потянулась и слезла на пол. Было не понятно сколько времени я проспала и ночь какого дня была за окном. Судя по моим ощущениям, это точно был следующий день, но странным было то, что за весь день меня ни разу не разбудил никто из праздно и по делу шатающихся местных искателей приключений, ни даже петух, этот любитель громкой песни. Впрочем, причина могла крыться и в том, что за все время похода я так устала, что меня и из пушки разбудить не могли бы. Поскольку спать не хотелось, а хотелось есть, я решила заняться завтраком. Раз я только что проснулась, это определенно должен быть завтрак. И приступила к растопке самовара и нарезанию бутербродов. Хотелось конечно горячих блинов и прочих вкусностей, но самой делать было лень, лезть за скатертью самобранкой в потемках не хотелось, а тревожить помощников, которым скоро на работу, совесть не позволяла. Я решила, что сделаю блины попозже, ко второму завтраку. Небо было ясным и звездным, а луна глядела прямо в мое окошко, словно наблюдая за моим ночным чаепитием. Я решила не рисковать и не делать приглашающих жестов, мало ли, вдруг она решит воспользоваться моим гостеприимством. Пока сказки не перечитаю, буду избегать всяких неясностей, лучше прослыть грубой, чем приобрести нервный тик и седину. Хватит с меня прогулки до Буяна и обратно. Позавтракав, я решила принять баньку, то, что у меня в волосах еще не завелись маленькие жители, было скорее чудом, чем правилом, и пока чудо не перестало действовать, стоило ему помочь, а потому взяв чистую одежду я направилась в баню, благо пара выученных заклинаний и дружба с банником делала процесс ее растопки и наполнения водой более легким. Правда на полпути к бане меня посетила еще одна хозяйственная мысль: навести в доме порядок. Столь долгое мое отсутствие не могло не сказаться на чистоте жилища и, вернувшись назад, я принялась за уборку. Избушка не особняк на рублевке, за пару часов вымыть можно. И при свете свечей

(электрического освещения здесь почему-то не было, не смотря на работающую микроволновку) я развила бурную деятельность: поменяла постельной белье, вымыла полы с мылом, вытерла пыль (даже с маленьких пузырьков возле зеркала), вытрясла половики и постирала белье (то еще удовольствие в отсутствие стиральной машинки). После чего уставшая, мокрая и довольная отправилась мыться в баню. Тот факт, что утро так и не наступило, меня, конечно, удивил, но занятая делами, я не стала придавать этому большого значения. Однако выбравшись из бани под согревающей свет все той же луны, я задумалась. Было понятно, что что-то было не совсем так, но вот что именно и как именно не так, было не понятно. Снова проголодавшийся желудок ясно объяснил мне, что прошло уже довольно много времени с момента моего пробуждения и самое время появится на горизонте ясной зорьке, но вот зорьки-то и не было.

— Может на нас напал страшный крокодил и наше солнце проглотил? — поинтересовалась я вслух у окружающей природы, но природа спала и хранила молчание. — А может что-то случилось со мной и у меня теперь неправильное восприятие времени? А может я опять сошла с ума и мне все кажется?

С этими словами я себя ущипнула. Не очень сильно конечно, терпеть не могу причинять боль себе любимой, но тем не менее щипок почувствовала. Хотя наличие чувства реальности не говорит о наличии самой реальности, вернее, о правильном восприятии этой реальности. Сумасшедшие тоже щипки чувствуют. Сия мысль меня не утешила, но и в бездну уныния не повергла. В конце концов, с тем, что я сошла с ума, я смирилась уже давно, теперь же передо мной открывались новые грани моего безумия.

— А не тяпнуть ли нам по рюмашке? — предложила я невидимому Велюрову и отправилась делать себе второй завтрак из блинчиков со сметаной.

Когда тебе за тридцать лет, ради молодости и красоты начинаешь следовать всем советам диетологов, включая самые нелепые. И я не стала исключением: пила по два литра воды в день, даже если пить не хотелось, ела траву с мясом, а картошку только как самостоятельное блюдо и даже временами находила в себе силу воли отказываться от сладкого. И лишь одна моя слабость была сильнее всяких доводов рассудка и отражений в зеркалах: горячие блины. С детства я ела их исключительно горячими, с пылу с жару, макая в сметану и запивая горячим сладким чаем. Блины плавно перекочевывали со сковородки на мою тарелку и оттуда в желудок, не оставляя не малейшего шанса приобщится к этому лакомству другим членам семьи

(благо все они были взрослыми) до тех пор пока я не наедалась и не отваливались от стола. Этот ритуал соблюдался каждый год на масленицу, что было очень легко объяснимо: блины готовила бабушка или мама, и я могла не отвлекаться от своего увлекательного занятия. Теперь в тридцать с небольшим, вдали от дома и возле русской печки, когда так значительно изменились условия, моя давняя привычка не желала сдавать свои позиции и громко требовала горячих блинов и сладкого чая. А посему сам процесс сильно затянулся. Как только один блин был готов, я сворачивала его треугольником на тарелке и начинала есть, макая в сметану и запевая заранее приготовленным чаем, и только когда он заканчивался, принималась выпекать второй. Было это очень медленно и не так радостно как в детстве, но все мы рабы своих слабостей и я была не исключением. Правда насыщение при таком способе питания наступило намного быстрее, чем раньше и десять блинов спустя я стояла над миской с остатками теста и думала, что делать дальше: допечь все сейчас и потом разогревать их или оставить тесто в погребе и допечь позже. Или же рискнуть и доесть все сейчас в надежде, что желудок резиновый, а потом можно полежать пузом кверху, пока не переварится. Проблема покруче всяких там недоказуемых теорем. И как у всяких великих задач, решение пришло неожиданно и откуда не ждали. Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возник злой до крайности Леший. Тенденция однако.

— А не спишь! — закричал он, размахивая руками так, словно сдерживал желание меня поколотить.

— По — моему ответ очевиден, — ответила я всем своим видом выражая вполне объяснимое недовольство. — Кстати неприлично врываться в дом к женщине по ночам.

— Да ты не женщина, ты вредительница. Признайся, тебя враги к нам заслали. Это же просто не мыслимое вредительство. Ты погибели нашей хочешь? — Леший бушевал возле порога, напоминая этакий локальный ураган.

Собственно он был не так уж и далеко от истины. Я, конечно, не знала, чем его буйство вызвано, но доля истины в его обвинении была. Мысль о том, чтобы все это пропало пропадом, меня пару раз посещала, и последний раз совсем недавно. Возможно потом я бы и раскаялась и расстроилась, но слаб человек, а женщина еще слабее. Леший продолжал кричать, совсем не заботясь о том, слушает ли его собеседник и нисколько не стараясь сделать свой крик более информативным. Решив, что накричавшийся Леший непременно проголодается, я принялась за остатки блинного теста. Правы древние, все что ни делается, все

к лучшему. К тому моменту, когда я выпекла последний блин и выставила на стол сметану и варенье, Леший, выдохшись, замолчал, и пить чай сел если не миролюбиво, то молча. Я тоже молчала. Во — первых, меня вовсе не прельщала мысль снова отправляться в путь — дорогу, чтобы предотвратить очередной кризис, а во — вторых, разговаривать с только что оравшим на тебя человеком не очень приятно. Потому чай пили молча. Вернее Леший пил, а я раздумывала: пить или не пить.

— И зачем ты это сделала? — поинтересовался мой незваный (как и все здесь) гость спустя пару чашек чая и тарелку блинов.

— Не знаю. А что именно я сделала?

— Ты зачем установила вечную ночь?

— Что? — от такой несправедливости я даже ошалела.

— Вот у нас за окном сейчас что? — поинтересовался Леший

— Ночь у нас за окном, и луна еще.

— И как давно у нас за окном ночь и еще луна?

— Да не знаю я, — я возмутилась, — я вообще недавно проснулась. С вечера, наверное.

— Пять суток у нас ночь за окном, — снова взорвался Леший. — Пять суток. Я сначала думал, что у меня с головой что-то, думал время разучился определять. Ан нет, с Водяным и Кикиморой сверялся, у них тоже самое. Пять суток ночь и день красный и не думает наступать, а солнце ясное вставать. У меня уже деревья погибать стали, скоро звери болеть начнут. И почему это все происходит, как думаешь?

— Может они устали и ушли в отпуск. Я откуда знаю. Я вообще с солнцем не знакома, а день красный пару раз видела. А может ночь решила на сверхурочные остаться. У них и спрашивай, я тут при чем?

— Как причем? А кто ими командует?

— Точно не я. Они все трое самостоятельные взрослые парни. Сами знают, что им делать, — возмущению моему не было придела.

— Да они-то сами знают, когда им никто другого не говорит. А ими ты командуешь. Потому как сменой дня и ночи Баба — яга заведует. Хочет ночь продлить, чтобы герою навредить, пожалуйста, а хочет и солнце на небо раньше позовет, — огорошил меня Леший.

— Приехали.

Смутная догадка забрезжила в моем мозгу. Получалось, что мое последнее, полусонное бормотание мои помощники восприняли как команду и принялись ее выполнять.

— Да кто мне об это рассказывал, — взорвалась уже я. — В инструкции об этом не слова, в контракте не указывается. Да

откуда мне знать, — кричала я на Лешего, в данный момент в нем увидев причину всех бед.

В конце концов только ему что ли можно на меня орать?

— Так потому и не написано ничего, чтобы разные неумехи ни себе ни людям не вредили!

— Это кто здесь люди? Это ты с водяным? И вообще раз не написано, то какие ко мне претензии?

— Верни как было! — поставил Леший точку в нашем крике.

— Как?

— Не знаю как, не мое ведомство. Как ночь сделала, так и день верни. На крыльцо там выйди, ласку покажи. Придумай что-нибудь, — сердито фыркнул Леший, возвращаясь к чаю.

— Вот как орать, так все горазды, а как подсказать, так нет никого, — ворчала я, при свете луны спускаясь во двор к воротам, за которыми гуляла ночь.

Ситуацию затрудняло мое шапочное знакомство с фигурантом и абсолютное незнание его характера и привычек. Может ночь был трудоголиком и ему нравилось скакать без отдыха над миром, а может он был лентяй и сейчас на меня злился на ненормированный рабочий день. Опять-таки неясны были его отношения с товарищами по работе: Днем Красным и Солнцем Ясным. Может быть у них конфликт, и он воспользовался данной ситуацией, чтобы избежать дальнейшей эскалации, а может он с удовольствием подменяет товарищей по работе. Может ему нужны отгулы и он решил поработать сверхурочно в счет будущих выходных. Масса нюансов. Впору хорошему психологу разбираться в сложных отношениях в нашем трудовом коллективе, а не психически травмированной женщине, на которую постоянно кто-то орет. Вот на прошлой моей работе начальник кричал на меня в строго определенное время один раз в неделю. Никаких тебе неожиданностей. Точно знаешь чего и когда ждать. И жизнь можно планировать соответственно. А тут, врываются, когда хотят, обвиняют во всех смертных грехах, заставляют тащиться на край света и никакой благодарности. Вот взять и уехать от них. Например в стольный град податься, к людям, а то сижу тут в глуши, ни с кем из приличных людей не общаюсь, так и одичать не долго, и костюмы маскарадные не понадобятся, и без грима всех распугаю. Вон волосы отрасли, корни черные в полголовы, а про маникюр и педикюр я вообще уже забыла, а маски для лица? Когда я последний раз делала маски для лица? Я уже молчу про мезотерапию и ботокс. С такими грустными мыслями я выглядывала со двора на дорогу, надеясь увидеть на ней искомого субъекта, но дорога была пустынной.

— Ночь, — позвала я, — Ночь, а Ночь, заворачивай ка ты домой, хватит работать.

А в ответ тишина. Я почесала кончик носа и посмотрела на Луну. Луна смотрела на меня и чудилась мне в ее облике насмешка над незадачливой Бабой — Ягой. Что тоже не способствовало хорошему настроению.

— В общем так, или через пять минут ты возвращаешься домой, а День и Солнце выходят на работу или можешь домой вообще не возвращаться, а я на тебя Горыныча натравлю, посмотрим как ты с летающим вулканом справишься. А на твою должность я конкурс объявлю. Если можно заменить Бабу — Ягу, то и всех остальных тоже заменить можно. Так что или через пять минут все начнут работать по графику, или я начну применять свои знания, и за результат я вообще не ручаюсь.

Я уже дошла до избушки, когда на дороге послушался стук копыт. Затем дверь избушки отворилась, как будто из нее вышел кто-то невидимый и, судя по легкому шороху, направился в сторону калитки. А затем на дороге возле моей калитки встретились два красавца: один в черном кафтане на вороном коне, второй в белом на белом жеребце. Встретились, обменялись парой фраз и разошлись. Белый конь помчался по дороге и вскоре исчез, всадник на вороном въехал во двор и пропал, как не было никого. Вокруг стало светлеть. День ясный приступил к выполнению обязанностей, через пару минут и солнце следом пойдет. Я посмотрела на медленно уходящую с неба луну и показала ей язык.

Примерно через час, после того как я выпроводила из своего дома Лешего и навела порядок на маленькой кухне, я перешла к главному в списке своих дел: вызвала на связь Кощея.

— Доброе утро, — улыбнулся он мне во все тридцать три зуба самой очаровательной своей улыбкой. — Надеюсь, ты отдохнула?

— Надейся, — я решила не поддаваться на провокацию и держать оборону.

— Как поговорила с Гамаюн? Надеюсь, она тебе понравилась?

— Очень. Очаровательная девушка, очень милая. А какая сознательная, не чета некоторым.

— То есть? — лицо собеседника выразило легкое удивление.

— То есть ее интересует моральная сторона вопроса. Гамаюн хочет гарантий, что повсеместная огласка секрета существования молодильных яблок не всколыхнет не слишком добрые умы и в конечном итого не приведет к большим волнениям и неприятностям, чем возможное воцарение на троне Берендея недостойного наследника.

— Ты хочешь сказать, что она отказывается?

— Я хочу сказать, что ей нужны гарантии высокой моральности и необходимости данного сообщения. Она не хочет быть причиной очередной смуты, и я ее понимаю и даже поддерживаю.

— Да ты как нечистая сила должна всеми руками быть за смуту, — возмутился Кощей.

— Начнем с того, что я мылась, поэтому если я и сила, то чистая. А во — вторых, я за собственный покой и безопасность. И коль скоро эти понятия со смутой не совместимы, то я против. А если ко мне еще и каждый день толпы молодцев приходить будут в поисках молодильных яблок, то я вообще против всей этой затеи. Так что я тебе сказала, дальше сам думай. Конец связи.

Крайне довольная я щелкнула пальцами, разрывая связь, и строго настрого запретила яблочку отвечать на вызовы Кощея в ближайшие сутки. Месть, даже такая мелкая и мелочная, сладка. А затем я принялась за изучение инструкции для начинающей бабы — яги. И читать я ее села вовсе не для того, чтобы найти между строк спрятанные от меня тайные знания. Инструкция была написана довольно четким и лаконичным языком, ясно и понятно, без всяких двусмысленностей и намеков. Было понятно, что составители инструкции при ее написании исключили самую возможность возникновения у читающего ее подозрений о наличии каких-то тайн и секретов, которые надо искать. Вполне логичный подход: давая в руки обезьяне гранату, не только не объяснять ей, как выдернуть чеку, но даже и не упоминать о существовании чеки в природе. Я позицию составителей данной инструкции вполне разделяла. Поймите меня правильно, меня вовсе не прельщала мысль о мировом господстве, власти над умами народов и устрашении мира. Я дитя современного города, привыкшее к удобствам в квартире, возможности выхода в интернет и шаговой доступности развлечений в виде кино и театров. Дитя изнеженное и к диким лесам не привыкшее. И таким я и планировала остаться. Возможно, кончено, что навыки ведьмы — убийцы могли бы мне пригодиться и в современном цивилизованном мире, но честно говоря, я не планировала по возвращении домой вести жизнь, в которой эти навыки были бы нужны, а потому и смысла в их приобретении не видела. Меня интересовал более насущный вопрос: вопрос моих прав и обязанностей, то есть, кого и когда я могу послать куда подальше, а кому помогать обязана. А для этой цели изучение контракта не подходило по той причине, что расписанные там многочисленные мои обязанности были несколько расплывчаты и туманны и могли включать все, что угодно при надлежащем толковании, которое меня в принципе не устраивало. А потому я читала

инструкцию, чтобы понять, что же, по мнению своих работодателей, я должна уметь делать. Все просто: если я это делать умею (или чисто теоритически должна уметь делать), то делать это мне придется, а если ничего такого в инструкции не указано, то я смело могу отправлять вопрошающих идти своей дорогой дальше, особо не заморачиваясь. И главное ни у кого никаких претензий возникнуть не может, во всяком случае, претензий обоснованных. Красота.

— Я придумал, как нам справиться с этой проблемой — заявил Кощей прямо с порога, даже не постучав для вежливости.

Я пригорюнилась и заметила, кроме белозубой улыбки, еще и маленький прыщик на подбородке. Нда, определенно мое недавнее путешествие несколько притупило мое восхищение этим красавцем. Не понятно только это хорошо или плохо. С одной стороны хорошо: до потери мозгов восхищаться чужим мужем малоприятно и вредно, постоянно норовит развиться депрессия. С другой стороны: а не признак ли это моего полного очерствения и плотного вхождения в образ? В образ входить не хотелось, тем более, что был он при любом, даже самом радужном раскладе, малоприятным и нормальных людей отталкивающим. Конечно, круто дружить со Змеем Горынычем и Лешим, но вот когда дружишь только со Змеем Горынычем и Лешим, это уже повод призадуматься. Впрочем, вдохновленный решением Кощей на мои терзания внимания не обратил и, усевшись за стол (хотя его никто не приглашал), начал излагать мне свой план.

— Я тут долго думал, как можно минимизировать риски для общества, тем более что после некоторого обдумывания не могу сказать, что позиция птицы Гамаюн лишена оснований, и решил, что самым лучшим вариантом будет создание искусственных условий для прохождения квеста.

В ответ на эту очень умную тираду я зевнула и похлопала ресницами.

— Все очень просто. Мы создадим для сыновей царя Берндея контролируемую среду. И настоящее местонахождения молодильных яблок раскрывать не будем. Я думаю самым лучшим в нашем случае будет привлечь Серого Волка. Он зверь разумный и обстоятельный, заодно и счастливчика — царевича проконтролирует и следы запутать поможет так, что никто не найдет. Чтобы сразу стало понятно, что дело это не простое и без помощи не справишься.

— Молодец. Я в тебя всегда верила, знала, что ты найдешь решение. Желаю удачи, расскажешь, как все пройдет.

— Что значит расскажешь как пройдет? — удивился Кощей. — Ты что не собираешься мне помогать?

— Бинго! Прям сам угадал, без подсказок.

— Ты не можешь отказаться, — обрадовал меня Кощей. — По контракту ты должна помогать всем, кто у тебя помощи просит. Вот я и прошу. И прошу вполне выполнимые вещи. Тебе всего и надо будет с Серым Волком договориться, чтобы он одному из царевичей помог молодильные яблоки найти.

Вот как чувствовала, что не избежать мне близкого знакомства с местной братвой.

— А сам ты с ним поговорить не можешь?

— Поговорить могу, только он может мне и отказать. А Бабе — яге ни один зверь отказать не может.

— Почему?

— Не знаю. Меня этот вопрос как-то не очень интересовал, но факт остается фактом. Звери даже Лешего не всегда слушаются, а Бабе — яге в помощи отказать не могут. Приказы выполнять не обязаны, но вот если их попросить.

— Давай договоримся, что я просить не умею и отстань от меня.

— Ну Яга, не пожалуйста. Без тебя ничего не получится.

— Ну и пускай все идет как идет. Был Берендей, будет один из его сыновей. И всего делов.

— Ага, тебе может без разницы, а мне в случае неудачи с папой предстоит тесно общаться. А характер у него за последние пару столетий сильно испортился. Еще не факт, что он к тебе в гости не придет. Горыныч по сравнению с моим папой безобидная ящерица.

— Да не может быть все так плохо.

— А ты своих родных вспомни.

Я вспомнила. Ни то, чтобы мои родственники были хуже местных моих знакомцев, но бывали случаи. А у кого их не было? Киньте в этого счастливца камень.

— Ладно, допустим твой аргумент сработал. И чего ты от меня хочешь? Только конкретно и по пунктам. Все, что не будет озвучено сейчас, к исполнению в дальнейшем не принимается.

— Жестко ты.

— А ты сам попробуй по лесам поездить в компании богатыря, а потом претензии выдвигай.

Нда, судя по всему случилось страшное: я все-таки вошла в образ. Вот уж не понятно, что лучше: быть доброй и милой и готовой всем помочь, как небезызвестная Настенька или же быть злой Марфушей, но все равно быть вынужденной всем помогать. Нет, в идеале конечно лучше быть злой Марфушей, которой потом повезет как Настеньке, но мне кажется при любом раскладе светил другой вариант. Злиться или не злиться, вот в чем вопрос.

Пока не злиться не получалось, конечно ситуацию сглаживал тот факт, что от Яги в принципе никто не ждал улыбок и радости, но мне ведь потом еще и на другую работу устраиваться. Я решила в ближайшее время заказать себе копию книги Карнеги: Как заводить друзей и Как перестать беспокоиться и начать жить. Всяко лишним не будет.

— Ну если по пунктам, то примерно так: Первое: надо уговорить Серого Волка помочь одному из сыновей царя Берендея, тому кто на развилке в правильную сторону пойдет.

— Это куда?

— Вроде того, что жизнь потеряешь, а героем станешь.

— И что есть желающие?

— Каждый третий. Так что по любому один из трех сыновей повернет куда надо. Второе: надо помочь выдать замуж дочь царя Елисея.

— Вот с этого места поподробней.

— Ну царь Елисей он собственно и является владельцем молодильных яблок. И есть у него дочь.

— Как обычно.

— Сын у него тоже есть. И дочек две. За одну он приданое хорошее дает, а для второй уже денег не хватает. Вот он и согласился отдать нам пару яблок, если мы его младшую дочь пристроим. Она девушка симпатичная, умненькая, только читает много. А слишком умная жена да еще и без приданного, хоть и царская дочь, все-таки мало кому нужна. Так что какой-нибудь царевич, чтобы захотеть на ней женится, должен себя героем почувствовать. Например, прискакать на коне и спасти ее из башни. Так что мы совместим две задачи. Подвиг для царевича и спасение девицы. Тем более, что царевичу рано или поздно все равно жениться надо будет, а тут и брак вроде как по любви и политически тоже не плохо. Так что одним подвигом двух зайцев. Детали я позже разработаю, но основная мысль: сидит девица у тебя в плену томиться. Нет, ты не волнуйся, — поспешил успокоить меня Кощей, заметив, что у меня задергалась щека. — Здесь мы ее прятать не будем. Как я уже сказал, мы создадим искусственную среду. Построим пару замков, создадим пару препятствий. Тут же не важно, преодолеет он их или нет, тут важен сам факт, что он хочет их преодолеть. Пойти на подвиг ради папы.

— А если желающих пойти на подвиг будет больше?

— Вряд ли, статистика говорит, что у нас таких желающих только каждый третий, а статистика не врет.

Мне оставалось только смириться.

Начало операции было назначено на первые числа ноября,

Кощей не успевал подготовить декорации раньше.

Впрочем, у меня октябрь тоже не был исполнен праздности и начался он с обещанного визита трех певчих сестричек — птичек. Мой верный дневной помощник «Ночь темная» при виде такого обилия красивых женских лиц ушел в глубокий обморок и категорически отказался оттуда возвращаться, не реагируя ни на приказы, ни на просьбы, ни на увещевания, ни на обещания, ни на угрозы, кроме одного раза, когда, устав лицезреть валяющиеся по середине избы руки, я раздраженно крикнула «Убирайся с глаз долой». После чего мне пришлось самой не только накрывать на стол, но и заниматься готовкой угощения. Но промучившись пару минут с самоваром, я все-таки спустилась в закрома и выудила на свет скатерть самобранку. Как говорится, служебное положение для того и дано, чтобы им иногда злоупотреблять.

К счастью девушки оказались не пьющими крепкие напитки и вскоре за чашечкой чая мне удалось изложить им придуманный младшим Кощеем план, который был принят на ура, то ли потому, что и вправду был безупречен, то ли потому, что был придуман Кощеем. Впрочем, такие мелочи меня не интересовали. А посему после того как чай был выпит, план рассказан и обсужден, а дата явления откровения назначена, три сестры вернулись к себе, оставив меня в городом одиночестве, за что я была им несказанно благодарна.

Следующим пунктом в моем плане шло очарование Серого Волка. По молодости лет пытаясь научиться быть милой и приветливой, я прочла множество книг по психологии, но все, что мне вспоминалось сейчас, можно было свести к двум правилам: самый приятный для человека звук — это звук его имени, и ласковое слово и кошке приятно. Вытекавший из этого алгоритм общения сводился к следующему: ласково называйте собеседника по имени. И вот тут мое сознание начинало сбоить и язык отказывался произносить слово Волк ласковым голосом. В памяти немедленно вставали образы съеденной бабушки и кровавые зубы. Предвзятое у меня было отношение к незнакомому мне волку. В такой ситуации требовалось посоветоваться с авторитетом. Поразмышляв над имеющимися в моем распоряжении кандидатурами и рассмотрев их со всех сторон, я решила идти к Лешему, как знатоку всякой лесной живности не только в силу опыта, но и по долгу службы.

— Серый нормальный парень, — заявил Леший, не успела я толком объяснить ему суть мучавших меня сомнений. — Адекватный. Нет. Он кончено не рвется верно служить какой-нибудь тоскующей царевне, но при необходимости за всегда рад помочь, тем более своим. Тем, которые не люди, — охотно

пояснил он в ответ на мой удивленный взгляд.

Приятно сознавать себя в рядах тех, которые не люди. Обнадёживает. Во всех смыслах.

— Думаю, если ему нормально все пояснить и поставить четкую задачу, он все сделает. Главное Серому простора для импровизации не оставлять, а то у него фантазия буйная, так накуролесит, ни один Кощей потом не разгребет. Хуже него в этом плане только богатыри.

— Супер. Прям повезло мне.

— Это точно. Хочешь я прям сейчас Серого и позову, вдвоем с ним поговорим, заодно и познакомитесь.

Мне удалось кивнуть. Перспектива скорой встречи с волком, каким — бы серым он не был, меня смущала, но не так сильно, как перспектива той же встречи с тем же волком наедине. Леший все-таки хозяин леса, какой-никакой волшебник, в случае чего сумеет его задержать, пока я буду бежать к канадской границе. Еще бы знать в какой стороне Канада.

И все же ценой неимоверных усилий мне удалось вести себя достойно. Когда из тени деревьев вышла серая фигура, ростом полтора метра в холке и острыми клыками, обнаженными в дружелюбной улыбке, я не закричала и даже не дрогнула. Наверное, потому, что меня сковал легкий паралич всех конечностей.

— Знакомитесь, Бабая — яга — это Серый волк, Серый — это наша новая Баба — яга.

— Очень приятно, — улыбнулся мой новый знакомый, заставив волоски на моем теле встать дыбом.

— Взаимно, — я нервно сглотнула. — Сожалею, что мы не встретились раньше, но работа знаете ли, — я неопределённо помахала в воздухе рукой, обрисовывая такое понятие как работа, — все время какие-нибудь добрые молодцы просят помощи.

— Как я вас понимаю, — вздохнул Серый, — у меня вот тоже недавно история приключилась. Помог одной девице — красавице из леса выйти. Она за ягодами пошла да и заплутала дня на три, не сообразила Лешего попросить дорогу показать, а я на нее случайно наткнулся и пожалел. Так она потом месяц мне житья не давала, все ко мне бегала, помочь просила: то с охотой брату помоги, то соперницу припугни, то родителей приструни. Так надоела, что пришлось мне место жительства менять, по — другому никак было не отвадить.

Неожиданно я поняла, что этот огромный и клыкастый зверь вызывает у меня симпатию и сочувствие. Оказывается не мне одной приходиться страдать от внеурочных визитов и глупых

просьб. Говорящему Волку доставалось не меньше и в этом он, видимо, был несчастнее своих молчаливых собратьев. И уж во всяком случае, я больше сопереживала своему товарищу по несчастью, чем тем, кто служил этому причиной, невзирая на то, что стоящий передо мной страдалец вполне мог решать свои проблемы самым радикальным способом (и признаться честно в чем-то я ему даже завидовала, так как сама такой возможности была лишена).

— Как я вас понимаю, — воскликнула я не хуже обладательницы Оскара за лучшую женскую роль, чем вызвала очень удивленный взгляд Лешего.

Но Лешему, которого заблудившиеся парни и девушки боялись беспокоить, уверенные в его жестокости и коварстве, нас было не понять. Как мне было не понять, откуда у таких откровенно говоря трусливых молодчиков хватает наглости орать у меня под окнами в любое время дня и ночи, причем орать весьма сомнительные комплименты, прекрасно зная, что Баба — Яга имеет обыкновение незваных гостей зажаривать. Или они все были уверенны в своей исключительной неотразимости и способности покорить сердце одинокой старушки? Вопрос этот до сих пор оставался риторическим в силу моей неспособности найти на него ответ. Такой же вопрос читался в темных глазах Серого волка. В этом мы были с ним похожи. И половая принадлежность злобствующих просителей значения в данном случае не имела. А потому тот факт, что из-за планов Кощея по спасению мира мне теперь тоже приходилось присоединиться к сонму малахольных девиц — красавиц и сыграть такую же роль пусть и не или увы что не девицы и не красавицы, меня не радовал. А Кощею при следующей встречи надо будет намекнуть, что планы по спасению мира, судя по мировому опыту, всегда очень плохо заканчиваются, особенно для планирующих. Я глубоко вздохнула перед началом разговора, так как отступать тоже было особо некуда. Ни то чтобы я назвалась груздем и теперь мне непременно приходилось лезть в кузов, но я уже обещала Сирину, что ее яблочки будут в безопасности, а подводить приятную милую девушку из-за нагловатых мужчин, это, на мой взгляд, моветон. И я, что называется, прыгнула в пропасть.

— Вам знаком Кощей Бессмертный?

— Который из них? Брачный аферист или с манией Спасителя? — усмехнулся Волк.

А он определенно начинает мне нравиться, подумала я, несмотря на то, что его усмешка вызывала у меня неконтролируемую дрожь, очень уж она была зубастой и

коварной, даже несмотря на все мое понимание того, что Серого Волка я вряд ли могу заинтересовать хоть в каком качестве.

— Обоих полагаю, — мужественно ответила я.

— Что, они опять придумали как спасти мир и без нашей помощи им не обойтись?

— Почему же, думаю обойтись, просто им наверное лень все делать самим, — дала я честный ответ.

В ответ Волк рассмеялся и даже стал прихлопывать лапой по земле.

— Ну так что мне нужно сделать? — спросил он, отсмеявшись.

— Полагаю, что на этот раз вам нужно сделать все, — призналась я и стала излагать план по спасению неизвестного мне царства, не нужных мне яблочек, ради не очень-то интересующих меня целей.

Честно говоря, уладив вопрос с Волком, я понадеялась, что на этом моя миссия закончилась и остальное семейство Бессмертных сделает без меня. Как всегда, я ошиблась.

— Нам нужен камень, — заявил Кощей, появившись на пороге утром.

Поскольку утро было раннее, то это заявление застало меня за утренним моционом, и я чуть не подавилась зубной пастой. К счастью благодаря все той же зубной пасте я не смогла сразу же высказать утреннему гостю все, что я о нем думаю, и вдохновенный моим молчанием Кощей продолжил. По мере озвучивания его идей, рос и список того, что я думаю о Кощее, и в основном росла нецензурная часть этого списка. Но как девушка воспитанная, я свои мысли решила не озвучивать. Умалишённым здравое мнение все равно не помогает, так как они его не слышат, а умалишенным без срока давности и подавно, так чего зря нервы себе трепать. Пока Кощей распинался о тонкостях психологии царевичей вообще и сыновей царя Берендея в частности, я закончила умываться и принялась готовить завтрак, так как психология психологией, а завтрак по расписанию надо съесть самому.

— Теперь ты понимаешь зачем нам нужен камень? — закончил Кощей свою речь и воззрился на меня, как будто я только что стала свидетельницей откровения.

— Гениально, — я широк зевнула, не прикрывая рот рукой по той причине, что была занята нарезанием сыра, и кивнула головой.

Зачем нам нужен был камень и какой именно камень был нам нужен, я не имела ни малейшего понятия, так как во время вдохновенной речи думала о том, можно ли заказать и установить

пластиковые звуконепроницаемые стеклопакеты, чтобы изолировать себя от петушиных и молодецких криков с улицы. Ну еще пожалуй о том, чтобы поставить на двери замок, во избежание таких вот визитов вежливости. Камни меня вообще не интересовали.

— Вот смотри, я тут примерный план накидал, — с этими словами Кощей развернул передо мной лист бумаги, на котором стрелками и черточками было нарисовано что-то, смутно напоминающее план сражения. — У нас тут три варианта развития событий: налево, направо и прямо. Тот кто пойдет, скажем налево, придет, например, в трактир и будет там проводить время. Тот кто пойдет прямо, скажем придет на какую-нибудь ярмарку или еще куда, а тот кто, направо пойдёт, тот на Волка выйдет и яблочки получит. Или как-то так. Это еще можно будет доработать.

— А почему три дороги? Потому что три сына?

— Нет, просто само строение человеческого разума так устроено, что легче сделать выбор из трех вещей, чем из двух. И потом, если мы им предложим такой однозначный выбор, как смерть или богатство, нет никаких гарантий, что хоть кто-нибудь из них выберет нужный нам путь.

— А если оставить только один вариант?

— Тогда они либо втроем никуда не уйдут, либо пойдут втроем, а тогда у нас не будет объективных критериев для выбора достойного кандидата. И надо будет ужесточать условия конкурса.

— А если они все втроем все равно пойдут куда не надо?

— Сомневаюсь. Один из троих точно выберет нужную нам дорогу, просто из чувства противоречия.

— Если твоим основным критерием выбора является чувство противоречия, то почему бы просто не предложить им три пирога с разной начинкой и тот кто выберет пирог с творогом из чувства противоречия, тот и кандидат на пост царя? Не проще будет?

— Проще кончено, но ты забываешь про испытания, в которых раскроются истинные черты героя.

— У тебя в испытаниях Серый Волк будет участвовать, ты в итоге его на царство посадишь? Если он больше всего героических черт проявит.

— Волка нельзя, народ не поймет, — вздохнул Кощей, — хотя кандидатура хорошая. И вообще ты не поминаешь всех тонкостей процесса. Я, правда, тоже. Но с папой особо не поспоришь.

Мы синхронно вздохнули и принялись за еду.

— И ты будешь все три дороги прокладывать?

— Еще не решил. Думаю, может третий вариант сделать

таким, чтобы по нему никто не ходил? Я тут не очень-то уверен, успею ли я одно дорогу проложить. Надо ведь все нюансы продумать, чтобы царевич наш, творя подвиги, ненароком войну с соседями не развязал. Так, что было бы совсем хорошо, если бы с другими двумя все было проще.

— То есть ты совсем не допускаешь такой возможности, что может быть два героя?

— Вообще конечно маловероятно, но даже если будет два героя, то они все равно пойдут по одной дороге, геройская-то дорога одна. Хотя тут проблема может возникнуть, если два героя пойдут по одной дороге, то и третий увяжется за ними, и опять у нас будут трудности.

— А если их по одному выпускать? Чтобы исключить фактор коллективного мышления?

— Тогда по одному они вообще все могут уйти с пути героя.

— Богатыри же не уходят?

— Так-то богатыри, а это царевичи, маменькины сынки, в палатах каменных сидят, яства разные едят. По одному не рискнут. Еще молодые. И это их первый самостоятельный подвиг.

— Понятно.

Мне действительно было понятно. Понятно, что проще смириться с неизбежным, чем пытаться внедрить логику человека современного в мир, где есть говорящие коты.

— И как я уже говорил, нам нужен камень. И я хочу, чтобы ты помогла его найти.

— Только не говори мне, что камни — проблема. Их на каждом углу валяется…

— Нам нужен не просто камень. Нам нужен большой камень, чтобы на нем вся надпись поместилась, а такие камни просто так на дороге не валяются. Я уже проверял. Так, что придется искать.

— Почему я? — я вполне закономерно и законно возмутилась

— Ну мне больше попросить некого. Можно конечно попросит Горыныча, но он сюда лететь дольше будет. И потом, он сейчас лечится, а срывать его с курорта мне как-то неудобно.

— Горыныча с курорта срывать ему неудобно, а меня напрягать удобно, — возмущенно подумала я.

— Можно Водяного попросить, — продолжал тем временем Кощей, — у него наверняка таких камней много, но замучаешься их потом со дна речного вытаскивать. Леший больше по лесам хозяин, а там подходящих камней отродясь не было. Соловья просить, но он после недавней встречи с Ильей Муромцем тоже можно сказать в отпуске. Богатырей просить мне не с руки, сама понимаешь, мы с ними вроде как вообще антиподы. Лихо одноглазое, так его потом усыплять замучишься. А у тебя ступа,

летательный аппарат, полетаешь, сверху чего и приглядишь. И потом я же тебя прошу только найти, на место я его и сам притащу.

Последний аргумент не произвел на меня никакого впечатления. Таланту Кощея перекладывать свои проблемы на здоровые головы могли позавидовать многие мои знакомые не самой любимой в мире национальности. С него станется еще меня и в транспортную компанию превратить.

— А почему бы тебе этот камень не трансфигурирвать? — вспомнились мне недавно прочитанные книги.

— А? Это как?

— Превратить маленький камень в большой или что-нибудь другое в булыжник этот превратить. Это же все равно ненадолго, на пару часов только.

— Колдануть что ли? — перевел для себя Кощей. — Так я особо колдовать не умею, по мелочи в основном, а просить того кто умеет, засмеют. И потом, по колдовству это к тебе вопрос, ты же у нас Баба — яга, специалист по этим вопросам и вообще по всему на свете.

— Позволю себе напомнить, что я не совсем настоящая Яга.

Кощей вздохнул, одновременно признавая этим вздохом и правоту моего заявления, и вину своего родителя за отсутствие настоящей Яги.

— Кстати о ягах. Ты моих предшественниц также припрягал? — поинтересовалась я.

— Ты что, — Кощей взглянул на меня обиженно, как будто я обвиняла его в том, что он украл у меня серебряные ложки. — С другими отношения у нас так хорошо не складывалось. Приходилось одному выкручиваться, да и задания в основном по мелочи были.

Я нахмурилась. Радоваться такому признанию или нет, я еще не знала. Но было во всем это что-то, что меня смутно тревожило, и я решила подумать об этом если и не завтра, то в ближайшее время обязательно.

Как бы мне не нравилась вся эта ситуация и моей в ней участие, но в одном Кощей был прав, деваться было некуда. В конце концов, я уже столько вложила в реализацию этого проекта, что смотреть как все пойдет прахом из-за какого-то булыжника, мне совсем не хотелось. А значит оставалось искать необходимое. Кощей ушел строить свои дороги, оставив меня наедине с грязной посудой и мыслями о вечном и непреходящем, то есть о сером граните, местах его обитания, методах обнаружения и особенностях характера. Утро, как говорится, удалось.

Наши предки были мудры и их мудрость гласит, что не стоит

откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Это с одной стороны. С другой стороны мудрость их потомков советует отложить все дела на послезавтра, чтобы получилось два выходных дня. Мне были близки обе позиции. А посему моя ответственность вопила, чтобы я немедленно взялась за исполнение неисполнимого и настоятельно выпроваживала меня из дома на сакральные поиски. Но на пути свершения вставала моя нелюбовь к полетам на ступе, не сложились у нас с ней отношения, а бродить по окрестностям пешком мне и вовсе не улыбалось. Можно было конечно направить на поиски какого-нибудь дурачка, царственного или не очень, заявив, что именно в камне и прячется смерть Кощея, и пусть потом этот красавец сам разбирается, но то ли из-за приближающихся холодов, то ли из-за начавшегося сбора урожая, количество заглядывающих ко мне на огонек героев снизилось прямо-таки до нуля, из чего следовало, что отправлять мне некого, кроме себя любимой. А себя любимую отправлять не хотелось тем более.

Весь день я занималась тем, что проводила время. Удобно устроившись перед тарелочкой, я заказала себе родные пейзажи, решив, что для начала стоит ознакомиться с местностью предварительно, а потом уже пускаться во все тяжкие. Родные пейзажи успокаивали и наталкивали на ностальгические мысли, предаться которым мне мешала мельтешащая на грани сознания мысль. Знаете, как бывает, ты точно знаешь, что ты что-то знаешь, но не знаешь, что именно ты знаешь. Как забытая мелодия. Вот такая же мысль бродила в моей голове, не давая расслабится, и только вконец истрепав мне все нервы, выскользнула на поверхность вечером. Я вспомнила где уже видела подходящий по размерам камень. Он служил дверью в пещеру Змея Горыныча. Но, как всегда, решение одной задачи являлось условием другой. Теперь мне предстояло решить, как уговорить Горыныча одолжить мне на время свою дверь.

— Можешь с Горынычем связаться? — поинтересовалась я у яблочка.

Яблочко в ответ пожало плечами (на его месте я бы тоже пожала плечами) и стала наматывать круги, устанавливая связь, а я задумалась о том, как лучше подвести разговор к деликатной теме. Почему-то начинать разговор с фразы: «Горыныч не одолжишь дверь на пару дней?» не казалось мне разумным и вежливым.

— Привет Яга, рад тебе видеть, — нарушил мою задумчивость громогласный бас правой головы. — А я уж думал, все, забыла старика, думал не до меня тебе.

— Действительно забыла, — подала голос моя совесть,

разбуженная громким голосом Горыныча. — И сейчас бы без нужды не вспомнила. Конечно, с молодыми иностранными рыцарями намного приятнее общаться, чем интересоваться делами старых друзей.

— Если ты забыла, то среди этих иностранных рыцарей был вполне себе местный богатырь, при общении с которым не то, что Горыныча, собственное имя забыть не стыдно, — урезонила я совесть.

— Все равно друзей забывать не хорошо, — уже миролюбиво заметила она и снова отправилась спать.

— Здравствуй Горыныч, как дела? как лечение идет? — улыбнулась я во все свои двадцать восемь зубов (как вы помните, четыре зуба мудрости мне удали еще в мою бытность студенткой)

— О, все замечательно. Везувий творит чудеса. Температура тут в самый раз, кости уже не болят. А еще я по совету дяди сменил диету. Придерживаюсь теперь среднеземноморской. Она просто чудеса творит: желудок не болит, изжоги нет, дыхание свежие, сон здоровый, цвет лица улучшился. Я даже помолодел и похудел немного. Настоятельно всем рекомендую.

— И в чем она заключается? — было у меня подозрение, что в сочетание среднеземноморская диета мы с Горынычем вкладываем разный смысл.

— Свежий воздух, полноценный сон, много овощей, фруктов, красное вино и самое главное регулярно свежие рыцари без скорлупы. Дядя говорит, моя ошибка была именно в том, что я предпочитал жаренное мясо в доспехах, а это крайне вредно.

— Я бы не советовала злоупотреблять мясом, все-таки слишком много животного белка вредно. Попробуй иногда есть рыбу, в ней много фосфора.

— Это само собой. Раз в неделю в разгрузочный день. А вообще так хорошо я себя давно не чувствовал, надо было раньше дядю слушать. Я даже думаю здесь подольше задержаться. А у вас как дела?

— У нас все отлично. Погода стоит просто замечательная, Леший вот занят подготовкой к зиме, почти с ним и не видимся.

— А Кощей как там? Придумал уже что-нибудь новенькое?

— Кстати о Кощее, — я глубоко вздохнула и решила нырнуть в прорубь с головой.

Мой рассказ о новом глобальном плане Кощея и возникшей в связи с этим потребности в его двери, Горыныч выслушал спокойно, видимо привык уже к планам, и даже вроде не расстроился из-за просьбы, но потом задумчиво замолчал. Не желая вмешиваться в его размышления о вечном и тем более давить, я решила задать давно мучивший меня сакраментальный

вопрос.

— Давно хотела спросить почему такая предвзятость к яблочкам?

— Какая предвзятость? — центральная голова, не желая прерывать раздумья правой появилась в моем поле зрения. (все три головы сразу в обзор не попадали)

— Ну, если отравить кого-нибудь надо, ему яблочко подсовывают, если вылечить, опять-таки яблочко, и на блюдечке тоже яблочко. Я бы на месте разных красавиц уже бы давно насторожилась, при таком-то однообразии методов. Это ригидность мышления или просто лень?

— Ты там не оскорбляйся, — раздался обиженный бас невидимой левой головы. — Ригидность у ней какая-то. Мож нам просто яблоки очень нравятся. Они и для здоровья полезны. У бриттов вон даже пословица такая есть.

— Особенно отравленные яблоки полезны, — не удержалась я от сарказма.

— Конечно полезны, в них же столько витаминов, — удивилась центральная. — Нам, например, отравленные яблоки даже больше нравятся. В них витамины сохраняются, а кислинка уходит. Для нашего желудка так даже полезнее. Хотя все конечно от яда зависит. От качества.

Я наконец-то поняла смысл фразы: вопросов больше не имею. Кроме одного.

— Ну так, что насчет камня? Можно взять на пару дней?

— В принципе мне не жаль, — вздохнула правая голова. — Сокровищ у меня в пещере отродясь не хранилось, чтобы так уж переживать, но вот просто мне не очень импонирует мысль, что ко мне домой разный сброд будет без спросу захаживать. Как-то неприятно становится, как об этом подумаю.

— А с камнем думаешь не заходят?

— С камнем конечно тоже заходят, но только богатыри всякие, только они не стесняются чужие двери открывать.

У меня мелькнула мысль, что дело здесь не в отсутствие стыда у богатырей, а в отсутствие достаточной физический силы у прочего сброда, который и рад бы открыть такие двери, да не может. Но и желание Горыныча я понять могла.

— А может ты знаешь, где еще такие камни найти можно, чтобы я просто так не моталась.

Минуту раздавался какой-то странный скребущий звук, из чего я сделала вывод, что мой собеседник видимо чешет голову, одну из, а затем Горыныч радостно заорал:

— И Муромца должен быть. У него же конь его богатырский тоже камнем огромным заперт был, думаю так он недалеко от

того места и лежит. Где-то в лесу должен быть, но это Леший тебе точно скажет, где именно. Ну на крайний случай, если не найдешь ничего подходящего, то тогда кончено можешь мой взять, только проследи, чтобы Кощей его на место вернул, а то с него станется забыть в пылу благоустройства мира.

— Зуб даю, — на радостях пообещала я и мы попрощались.

Леший в связи с огромной занятостью из-за приближающейся зимы на связь через яблочко не выходил и пришлось отправляться к нему в лес самой. Полдня я носилась по неведомым тропинкам как какой-то невиданный зверь в поисках хозяина леса, который «вот только что был здесь, но уже ушел». При этом каждый лесной житель считал своим долгом привлечь меня к нелегкому делу подготовки своих запасов, потому что, по их мнению, Баба — Яга не может просто так бегать по лесу, и вообще всем смыслом ее существования является помощь окружающим. День давно перевалил за половину, я была голодная как волк и злая как разбуженный от зимней спячки медведь, когда под очередным кустом натолкнулась на искомого.

— Привет Леший, — выдохнула я, резко тормозя и пытаясь выровнять дыхание.

Леший медленно выполз из под куста, оглядел себя внимательно, стряхнул с бороды несколько ему одному видимых лишних веточек, и только тогда с расстановкой произнес:

— Добрый день, Баба — Яга. Что привело тебя ко мне в лес в эту пору? Не приключилось ли чего?

— Да, — я усиленно закивала головой, подтверждая свое заявление. — Приключилось. Кощей Бессмертный со мной приключился, и ты прекрасно об этом знаешь.

— Кощей конечно зло страшное и неистребимое, — медленно, с расстановкой произнес Леший, — чем же я могу тебе помочь в этой борьбе?

— Ты знаешь где ухоронка Илюши Муромского? — стрельнула я глазами, воровато оглядываясь по сторонам.

Леший медленно меня оглядел и поинтересовался:

— А тебе почто в ней нужда? — смутно напомним мне тем самым кого-то известного.

— Нужда в ней большая. Камень там, говорят, есть большой, вот в том камне у меня интерес.

— Кто говорит?

— Наш общий знакомый рассказал, тот, что сейчас на вулканических ваннах отдыхает.

— Старый знакомый без умысла чужие ухоронки не сдает.

— Так кто говорит, что без умысла. Был у него умысел, а какой не скажу. Так покажешь ухоронку или Илюше Муромскому

сдашь?

— А мне в том какой интерес?

— Интереса никакого. Только вот я про ухоронку могу и проболтаться, а могу и умысел старого знакомого нарушить, не думаю, что он такому обрадуется, вдруг раньше времени решит тебя навестить?

Чувство абсурдности происходящего не покидало меня на протяжении всего этого диалога, но видимо Леший тоже устал носиться целыми днями по лесу, и решил немного развлечься. Раз уж такая возможность подвернулась и, судя по некоторым его жестам, он тоже был весьма близко знаком с Соловьем (в смысле, как и Кощей) и теперь демонстрировал мне свои знания.

Леший тем временем выглядел так, словно действительно взвешивал все за и против раскрытия секрета.

— Ладно, — кивнул Леший, — покажу тебе дорогу.

После чего, как и следовало ожидать, повел меня в непроходимую чащу одному ему ведомыми дорогами. Сколько времени мы шли я так и не поняла, но все же прежде чем в моей голове созрел вопрос о степени родства между Лешим и небезызвестным Иваном Сусаниным, мы вышли на небольшую полянку, в центре которой стоял невысокий деревянный сруб, видимо служивший некогда пристанищем для богатырского коня, а недалеко от входа в сие здание лежал огромный, всяко выше меня, камень.

— Бинго, — радостно закричала я, предвкушая окончание моих мучений. — Беру.

— На себе понесешь? — недоверчиво поинтересовался Леший.

— На Кощее!

Вытянув из своей горе — косы бант, я повязала его на ближайшее дерево, обозначая своеобразную контрольную точку и облегченно вздохнула, радуясь тому, что теперь моя миссия окончена и можно расслабиться, пока другие будут спасать мир.

— Ну теперь можно и домой, — улыбнулась я Лешему и мы дружно направили свои стопы прочь, туда где ждала нас свобода.

Знаете, когда вам уже за тридцать, за плечами имеется какой-никакой жизненный опыт, который предполагает, что вы умеете правильно оценивать людей, предвидеть последствия своих поступков, делать соответствующие выводы исходя из все того же опыта. У тридцатилетнего человека эти способности должны бы быть такими же неотъемлемыми, как и мозговая деятельность, то есть если есть мозговая деятельность, то соответственно и способности есть, если нет, то, как говорится, и суда нет. Будучи уже более чем тридцатилетней и с каждым днем все ближе приближаясь к новому страшному Рубикону, я справедливо полагала себя обладательницей если и не всех этих навыков, то хотя бы части из них. Как оказалось, я ошибалась, о чем меня уведомил все тот же представитель семейства Бессмертных, который за время нашего с ним знакомства сильно пошатнул мою и без того слабую веру в человечество и справедливость.

Я была уверена, что после того как я нашла необходимый камень и сообщила о его местонахождении куда следует, моя миссия может считаться успешно выполненной и ждет меня заслуженный отдых перед новыми подвигами. А потому вернувшись в избушку, я предалась лени и постаралась забыть обо всех треволнениях последнего месяца, абсолютно уверенная, что остальная часть действа по спасению мира может пройти без меня. Увы! Кроме меня так никто не считал.

— Собирайся, — заявил Кощей с порога, очаровательно улыбаясь.

— Куда? — я считаю, что я вправе знать куда и зачем меня зовут.

— Как куда? — удивился Кощей, — следить за нашим царевичем.

— Зачем? Я вроде нехорошими психическими заболеваниями не страдаю, чтобы следить за молодыми юношами.

— Какие заболевания? Ты чего мне голову морочишь? У нас сегодня по плану что?

— Что?

— Птица Гамаюн у нас сегодня по плану. Является к царю и рассказывает ему страшную тайну про молодильные яблочки, после чего юные герои — царевичи дружно отправляются в поход.

— Это замечательно и я очень за всех рада, но причем тут я?

— А следить за всем этим кто будет? — возмутился Кощей. — Ты же не думаешь, что их можно без присмотра оставить и пустить все на самотек?

Правду говоря, именно так я и думала, но мое мнение в этой реальности мало кого волновало, чтобы не сказать хуже, и мы со ступой были реквизированы Кощеем во имя и во благо. Во имя кого и на благо чего так и осталось для меня загадкой. Через полчаса лета мы устроились в небольшой рощице ввиду путевого камня, где должны были разойтись дороги трех царевичей, при этом меня терзали сомнения на тему того, что царевичи в принципе дойдут до камня, но Кощей уверенно заявил, что другой дороги у них нет.

— В нашем деле главное контроль. Контроль и еще раз контроль. Иначе знаем мы этих героев, уйдут не туда, натворят чего не надо, а ты потом занимайся урегулированием международных конфликтов, — внушал мне Кощей, пока мы сидели под деревом в ожидании чуда.

— Зачем вообще нужны такие герои, если за ними нужно постоянно следить?

— А ты где других героев видела? Где когда какой герой хоть раз за всю историю отправился на свершение подвига без хорошего стартового пинка и помощи целой армии доброхотов?

Я задумалась. Почесала затылок и припомнила все сказки, русские и не очень, а также все прочитанные приключенческие книги. Получалось, что Кощей прав. Герои действительно не отправлялись на подвиги без веской на то причины, вроде спасения похищенной красавицы или родной страны от нашествия. Что впрочем было понятно. Ни один нормальный человек ни с того ни с сего не рванет с громким криком сражаться за правое дело, если этому правому делу ничего не угрожает. А тех, кто так делает, история позднее клеймит как преступников и врагов рода человеческого. То есть первоначальный пинок является непременным условием для подвига. А вот, что касается помощи. Тут собственно тоже, всегда находится минимум один помощник, который поможет герою найти меч — кладенец, подскажет где замок злодея искать, или подкинет идею насчет хоркруксов. Герои одиночки встречались только в американских фильмах в исполнении Брюса Уиллиса, да и то вопрос, так ли одиноки его герои. То есть по логике Кощея

все эти помощники и были тем вектором, который задавал направление для приложения силы с целью свершения подвига, а без этого вектора герой действительно мог блуждать далеко и долго в поисках места приложения силы. Вот только я сильно сомневаюсь, что за каждым героем из кустов следил какой-нибудь контролер, руководствующийся принципом «шаг вправо, шаг влево рассматривается как попытка отклонится от подвига и карается исправлением курса».

— Тебя послушать, так герои всего лишь марионетки в руках умелого манипулятора.

— Ты сейчас моего папу процитировала, только у него интонация была другая, не возмущённая. Хотя я конечно с ним не во всем согласен. Я, например, считаю, что для настоящего подвига герою нужна свобода маневра и возможность творчества, а уж в выборе друзей, героев вообще нельзя ограничивать, они от этого портятся.

— Именно поэтому мы и сидим в кустах. Как наглядная демонстрация свободы, — съязвила я.

— Не, мы сидим в кустах для контроля. Нам же не герой нужен, а подходящий царевич, а царевич должен уметь правильно ставить задачи и делегировать полномочия. Герой на троне — это еще та головная боль для народа.

— А зачем ты тогда этот квест с яблоками придумал? Это между прочим подвигом пахнет.

— Квест не я, а папа придумал. Ему виднее, он у нас видный политический деятель и талантливый манипулятор. Я думаю, он по этой причине в вашем мире и живет. У нас-то с его амбициями развернутся негде. Все тихо, мирно, все всем довольны, из агрессивных соседей только печенеги да хазары, но с ними вся политика — мечом по голове, ни тебе хитрости, ни тонкости, ни интриги. Скучно. То ли дело у вас, шпионские игры, высокие технологии.

— А тебе все это не интересно?

— Да меня пока мое брачное агентство устраивает. Да и семейная жизнь у меня счастливая, чтобы все время на интриги тратить. Это папа у нас холостой, вот и развлекается как умеет.

— Ну и женил бы его, а то у тебя сапожник без сапог ходит.

От моего предложения Кощей на минуту завис. Видимо такая мысль не приходила ему в голову. А может он просто не хочет с мачехой дело иметь. Мало ли какая Василиса попадется. Кощей тем временем продолжал прибывать в прострации, наверное не мог совместить образ папы с образом какой-нибудь женщины, и я решила ему помочь вернуться в реальность.

— Ладно, расскажи лучше, как сам женился, — ткнула я его в

бок.

— О, это вообще интересно получилось. Папа отправил меня в ваш мир, как говорится на людей посмотреть и себя показать, поучиться уму — разуму и вообще оценить намечающие тенденции. Баба — Яга, которая изначальная, на тот момент уже сбежала, и было понятно, что новых кандидатов придется искать в вашем мире, наши местные с этой ролью категорически не справлялись, их все время тянуло в крайности, а такой, чтобы и накормить — напоить могла и при случае съесть, не находилось.

Меня так и подмывало заорать «Что значит съесть? В моей должностной инструкции такой обязанности не значится», но я решила, что многие знания, многие печали, и задавила в себя неуместное любопытство.

— Ну, папа меня и направил, чтобы я так сказать мог затем с новоприбывшими нормально общаться. Пожил я там у вас, пообщался, мне понравилось, я даже думал остаться, но заболел. Как раз эпидемия чумы была, не помню какой именно, и я подхватил эту заразу. Выглядел ужасно. Кожа желтая, щеки ввалились, остались только кожа да кости, с меня в то время многие образ смерти рисовали, так что может ты меня даже видела. То есть не смертельно конечно, но неприятно, когда от тебя даже голодные волки шарахаются, пришлось домой возвращаться и срочные меры по выздоровлению принимать. А меры у нас бессмертных ясно какие: умереть. Но тут тоже тонкости, у каждого свои. Меня, например, убить можно, если иголку сломать. А иголка в яйце, а яйцо в утке, а утка в зайце и так далее. Ну и кончено сам я ее сломать не могу, надо, чтобы кто-нибудь смелый это сделал, кому я действительно жить мешаю и кто моей смерти хочет, иначе не сработает. Защитный механизм от злоупотребления, папа постарался. Я задумался, кому и чем можно навредить, чтобы он не поленился к этому дубу пойти. Пока я думал, Горыныч мне про намечающуюся свадьбу рассказал, между первой красавицей какого-то там царства и царевичем, я и решил, что влюбленный, да еще и жених за своей невестой хоть на край света пойдет, хотя бы потому, что ему перед людьми неудобно будет, и невесту прям в день свадьбы и похитил. Громко так, с молниями, с дымом, с громким заявлением, где ее искать, чтобы долго не плутал, и стал ждать. Ну, в общем, как-то так получилось, что мы с Василисой полюбили друг друга.

— С первого взгляда?

— Да нет, конечно. Я тогда так выглядел, что с первого взгляда от меня можно было только в обморок упасть. Так, что Василиса, как и положено, первое время криком кричала,

тарелками в меня кидалась, супостатом и злодеем называла, и даже голодовку объявила в знак протеста. А через пару месяцев успокоилась, стала понемногу со мной разговаривать. Сама понимаешь, в гордом и молчаливом одиночестве скучно сидеть. Ну и вот мало — помалу мы с ней подружились, а уж когда ее спаситель под стены замка явился, с иглой в руке, так она и вовсе разрыдалась и заявила, что не хочет за него замуж. Я на радостях уж хотел ее жениха убить и даже от лечения отказаться, но Василиса, когда узнала, зачем я все это затеял, придумала, как нам быть. В итоге мы за царевича этого сестру Василисы выдали, та тоже была девушка красивая, только скромная очень, а царевич за тот год пока невесту свою искал, забыл, как она выглядит. В общем, все были счастливы. А мы с Василисой свадьбу сыграли сразу после того как царевич домой уехал, а я из комы вышел.

— То есть ты в кому впадаешь, когда тебя убивают?

— Ну да, на пару часов или на день. Зависит от того насколько я был болен. Удобно, знаешь ли, отключаешься, организм твой оздоравливается, омолаживается, просыпаешься как новенький. И у Горыныча так, и у кикиморы, и у лешего, да у многих, только у них свои методы. Горынычу надо головы отрубить, Кикимору вроде на огне сжечь, если я не путаю, у Лешего тоже своя схема. Просто меня из-за работы все злодеем считают, потому и борются со мной усиленно.

— А почему этот царевич целый год тебя искал? Сейчас же вроде пару месяцев требуется. Или у тебя раньше замок в другом месте был?

— Так он тогда один меня искал. Никто ему помочь не мог. Указателей на дороге тоже не было. Вот он наугад и бродил. Это потом, когда мы с Василисой решили свое агентство знакомств открыть, поняли, что год на каждый случай — это очень много, и решили поиски сократить. Сначала всем своим рассказали, что если кто героического вида будет замок Кощея искать, то чтобы дорогу подсказывали. Раньше-то наоборот путали, в другую сторону уводили, из солидарности. Ну и вообще помогали. А потом уже и вовсе удобную дорогу к замку проложили, чтобы женихи не очень уж изможденные прибывали.

— Продуманная логистика — 50 % успеха, — выдала я, и мы замолчали.

Мы просидели в засаде весь день и всю ночь, но на дороге, единственной ведущей из города, по утверждению Кощея, так никто и не появился. Я уже было начала подумывать, что либо наша вещая птичка проигнорировала свои обязанности (и я ее прекрасно понимала), либо царевичи оказались не такими уж любящими сыновьями и решили не обращать внимания на разные

пророчества (или как там эти песни Гамаюн называются). Меня в принципе устраивали оба варианта, потому что при любом из них мне грозило возвращение в свою избушку, а это, во всяком случае, лучше ночевок в чистом поле или под сенью деревьев. Я натура избалованная цивилизацией и романтику вкупе с природой ценю только до наступления темноты, а потом меня неудержимо манят к себе низменные достижения человеческого гения, на вроде горячей воды, мягкой кровати и крыши над головой с четырьмя стенами. Вот такая я испорченная Баба — Яга. Но вопреки всем доводам моего рассудка и моего же коварства, Кощей из засады не пускал, под предлогом того, что неопытные царевичи могли в пути задержаться и выйдут к камню со дня на день. Оставалось только надеяться, что выражение «со дня на день» в интерпретации Кощея не означает «ближе к зимним праздникам», изображать из себя Снегурочку мне вообще не хотелось. Спать легли там же где и сидели, под березой, укрывшись Кощеевым плащом. Мечта моя «провести ночь в объятиях такого красавца» сбылась весьма оригинальным образом. В следующий раз надо будет формулировать подробнее, с учетом всех мелочей.

Пробуждение тоже не радовало, не считая того факта, что радоваться можно было уже тому, что вообще проснулись, а то знаем мы чем эти под берёзовые ночевки чреваты. Все мое нежное тело после такой ночи ломило, суставы хрустели, голова вообще была чугунная, и очень хотелось поесть и помыться, причем желательно одновременно. Но реальности не было дело до моих желаний, поэтому пришлось удовольствоваться умыванием водой из собственных запасов и бутербродом. Я твердо решила, что если до обеда никто не появится, то я уйду, даже если мне придется прорываться с боем. Однако моим надеждам не суждено было оправдаться. Ближе к обеду на дороге появилась пыль и вскоре к камню выехали три парня. На мой неискушенный взгляд, вполне нормальные парни. Все трое темноволосые, хорошо, но не вычурно одетые. К тому же была в них какая-то неуловимая общая черта, позволяющая любому прохожему понять, что они родственники. Вот так вот с первого взгляда сказать, кто из них дурак и лентяй, а кто мудрый государственный муж, был сложно. Парни подъехали к камню, прочитали указания и впали в очень глубокую задумчивость. Что же им там Кощей написал такое? Парни продолжали думать, время от времени обмениваясь своими соображениями и не торопясь трогаться с места. Наконец они видимо что-то решили и, насколько я могла видеть из своего укрытия, кинули жребий или еще каким образом договорились, а потом все трое разъехались по трем разным дорогам. Правда я

пока еще не знала, какая из этих дорог была той, что вела к царскому трону.

Как-то не так я представляла себе этот сложный процесс, в результате которого решалась судьба целого царства. Мне думалось: приедут три парня и сразу будет видно кто из них герой, а кто лентяй и батюшку ненавидит, и герой тут же помчится на встречу подвигу, а остальные в ближайший трактир. Реальность как всегда оказалась несколько иной. Задумчиво почесав кончик носа, я решила ознакомиться с местным творчеством и направила свои стопы к путеводному камню.

«Как пряму ехати — живу не бывати — нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному. Направу ехати — женату быти; налеву ехати — богату быти»

Потрясающе. Прям так и хочется развернуться и поехать назад.

— Ну и куда все это ведет?

— Да направо там деревня одна, в ней девок полно, Иванушкино, там хочешь не хочешь, женатым будешь, налево трактир находится, там в кости играют, так что при известной доли везения можно стать и богатым. Ну а прямо у нас яблочки.

— А что такая мрачная реклама?

— А у нас так заведено. Чтобы сразу было понятно, кто не ищет легких путей.

— А вот то, что они тут путем коллективного голосования решили кому куда ехать, это как?

— В нашем деле важен результат. Если у него хватило смелости последовать по указанному пути, значит, он нам подходит. И потом папа четких указаний по поводу критериев выбора не давал, так что сделаем вид что так и надо. В конце-то концов, он мог и не поехать прямо.

— Вот именно. По мне так лучше бы все они направо поехали, и девкам радость и государству демографический взрыв.

— Замуж тебя надо — заявил Кощей.

— Надо, — не стала я отрицать правду. — Вот и помог бы как нечисть нечисти, вместо того, чтобы по кустам ползать.

— Так я говорил же уже, что не положено. По ведомости Баба — яга проходит как одинокая незамужняя женщина. И средства на ее содержание выделяются как на одного человека, а если ты замуж выйдешь, это тебе и жилплощадь надо новую подыскивать, и маршрут захожих менять, и ежемесячное содержание увеличивать. Никто на такое не пойдет. Нет. Сейчас никак не получится. Вот по окончании контракта обращайся. С удовольствием помогу. А пока все строго по инструкции.

— Бюрократы, — фыркнула я.

— Это да.

Закончив таким образом дискуссию, мы направились с Кощеем к спрятанной в кустах ступе. Теперь нам предстояло подготовить встречу царевича и Серого волка.

Для судьбоносной встречи серого волка и Ивана — царевича мы приготовили капкан. По плану царевич должен был проникнуться к жертве человеческой жестокости состраданием и спасти невинного зверя, а зверь в свою очередь из благодарности помогал ему во всем остальном. И вот теперь мы пытались засунуть огромную лапу в железную пасть капкана и придать огромному волку жалостливый вид.

— Поняла, — обрадовала я окрестности.

— Что именно? — полюбопытствовал Кощей, а Серый поддержал его взглядом

— Поняла по каким именно критериям отбирается достойный претендент на престол.

— Так это давно известно. Нам нужен самый смелый и отважный, добрый и решительный, способный на нестандартные решения сложных задач.

— Нет, нам нужен самый неадекватный, — авторитетно заявила я.

— Почему неадекватный-то?

— Потому что только неадекватный человек может мало того, что пойти прямо, так еще и подойти ближе, чем на сто метров к такой зверюге, без обид Серый, но ты определенно не тянешь на звание бедной овечки, — Серый как-то смущенно потупил взгляд. — И между прочим, миру давно уже известны более простые способы выявления неадекватных личностей: психологические тесты, легко, быстро, эффективно и не надо огород городить.

— Проходил я эти тесты. Они показали, что я активный социопат с ярко выраженными маниакальными наклонностями.

— Я и говорю, что наука психология далеко шагнула со времен дедушки Фрейда.

Серый издал какой-то странный звук, похожий на лай и кашель одновременно и, собравшийся объяснять в чем именно я неправа, Кощей замолчал, только бросил на меня злой взгляд, и вернулся к делу пристраивания когтистой лапки в капкан. А ведь могла вспомнить про психологию раньше, как- никак вторая специальность, хоть и бесполезная, и не бегала бы сейчас по лесу, склероз все-таки страшная вещь.

— Не пойдет, — заявил Кощей, внимательно рассматривая картину «Серый Волк в лапах капкана» — Веры нет.

— А я тебе сразу говорила, что с капканом ты перемудрил.

— И как нам вызвать чувство сострадания к хищнику? Серый у тебя есть идеи как заставить тебе сострадать?

— Сделайте капкан побольше, — лениво предложила предполагаемая жертва.

— А давай мы тебя в дерево затолкаем.

С этими словами и ярко горящим взором Кощей направился к мирно растущему дубку и, сняв с пояса меч, в пару ударов свалил дерево. Хорошее такое столетнее дерево. Я сглотнула и сделала себе мысленно памятку: избегать физических контактов с представителями семейства Бессмертных, на всякий случай. Новоявленный пень был разрублен пополам и раздвинут, затем в образовавшуюся щель были насильно засунуты обе передние лапы волка и щель была сдвинута. Серый действительно был обездвижен и сам вырваться не мог.

— Съем, — пообещал он, глядя на Кощея прищуренными глазами.

— Не съешь.

— Не съем, так надкусаю. Сильно.

— Зато верю, зато сразу вызываешь сочувствие.

— А еще я мстительный и упорный.

— Да мы тут в кустах будем лежать, если что вмешаемся.

— В каких кустах? — возмутилась я. — Кустов в плане не было. Кусты не санкционированы, я в них лежать не буду.

— Будем, будем, — успокоил Кощей начинающего глухо рычать волка. — Не волнуйся, мы своих партнеров в беде не бросаем.

— Мы их бросаем в кустах, — прокомментировала я.

— Все, готовим сцену и в кусты, — и ничего романтичного в этом предложении не было.

С этими словами Кощей подхватил меня под локоток и потащил в сторону ближайших кустов, свободной рукой заметая наши следы МОЕЙ метлой.

— С имуществом поаккуратней, — возмутилась я. — Инвентарь между прочим казенный, а посему подотчетный.

— Хорошо, хорошо. Не волнуйся, — успокоил меня великий режиссёр и мы оказались в кустах.

Вы когда-нибудь лежали в засаде? А вы лежали в засаде так часто, как в последнее время довелось лежать мне? Чувствовали ли вы пробирающиеся под рубашку сырость и холод от приготовившейся к зимнему сну земли? Ощущали ли горький запах опавшей листвы, одеялом лежащей перед вашим носом? А мелкие камешки и острые ветки впивались в вас при малейшем движении и попытке лечь поудобнее? Возможно чувство всепоглощающей и все затмевающей любви скрашивает все эти

мелочи у любителей романтики на природе, хотя мне все же больше верится в защитные возможности толстых пледов, но меня в данный момент от реальности не отделяло ни то и ни другое. И потому все прелести засады я ощущала буквально всем своим существом и всеми органами чувств, потому что ко всему перечисленному добавлялось еще и тихое змеиное шипение Кощея, призывающего меня к незаметности. Наивный. Незаметной я могла быть только в одном случае, если бы местом засады мы выбрали мою маленькую ногастую избушку. А так. И в конце концов, могут же в этих кустах водится ежи, вот и представим, что я такой вот сказочный слегка выросший еж или медведь, судя по тому как косит в мою сторону наша запертая в ловушку жертва. Грозит мне простуда, думалось мне, пока я лежала на земле и обозревала все того же волка, потому как обозревать что-либо другое было сложно ввиду ограниченной видимости из кустов. Кусты. Как много в этом звуке для сердца девушки слилось и чем оно отозвалось? Вот интересно, это только я такая привередливая или просто в книгах чего-то недоговаривают? Слишком много вопросов и ни одного ответа. Вернее так, ни одного ответа, дающего надежду на лучшее и право на веру в людей и нелюдей. А нет, опять вру. Судя по звукам в людей можно продолжать верить.

На поляну выскочил один из трех царевичей, коему выпала судьба идти на верную смерть, и остановился при виде встречающей его делегации. Умница. Я бы тоже остановилась на его месте. Я бы и на своем месте остановилась и даже еще раньше, прямо возле того самого камня, но мое мнение тут вообще никого не интересовало, даже будучи очень громко высказанным. Остановившийся царевич, почему-то пеший, где только лошадь потерять успел, решил брать ситуацию под контроль, достал лук и стрелы и прицелился.

— Не стреляй в меня Иван — царевич, — взвыл Волк так натурально, что у меня волосы встали дыбом не только на голове, но и на пальцах ног.

— Депиляцию надо бы сделать, — мелькнула мысль, но тут же скрылась от возмущения, при следующем заявлении серого хищника.

— Баба — Яга мена в ловушку заманила и на погибель оставила, помоги мне Иван — царевич.

— Я не поняла, а чего сразу я? — зашипела я возмущённо, порываясь вылезти на свет и выяснить отношения с клевещущим на меня волком.

— Это он из роли, из роли, — успокаивал меня Кощей, железной хваткой удерживая на месте.

— Да на фиг такую роль. Чего он тебя не обвинил. Я старая больная женщина, где мне с такой тушей справится. И в дерево его ты запихивал.

Мне было по — настоящему обидно. Ты тут по лесам ползаешь, по кустам сидишь, всяким мужикам за красивые глазки в благоустройстве мира помогаешь, а тебя за это еще и очерняют в глазах и так не очень тебя любящей общественности. Вот сейчас как вылезу из кустов, как тот рояль. Но ожидающий чего-то похожего Кощей, прижал меня своей дланью к земле, и мне осталось только слабо трепыхаться и смотреть за разворачивающимся перед нашим взором действием. А действие того стоило.

Иван — царевич (вот откуда волк узнал, что это именно Иван, а не Василий скажем? Или у них тут царевичей только Иванами зовут? Надо бы выяснить этот вопрос) пару минут внимательно смотрел на Серого Волка, не опуская нацеленной в него стрелы, надо же у парня есть хоть какие-то мозги, Волк щенячьими глазками смотрел на царевича, жуткое зрелище, если вспомнить, что к глазкам прилагалась очень даже клыкастая пасть, и оба они молчали. По плану Иван должен был проявить присущее ему благородство и спасти зверя просто так. Поэтому волк мужественно молчал, сфокусировав взгляд на кончике стрелы и явно вспоминая таблицу умножения, чтобы не сорваться. Я бы на его месте вспоминала. Наконец благородство, в существование которого я, честно говоря, не верила, потому что какое благородство может быть в лесной глуши перед лицом хищника, победило и царевич опустил лук и пошел освобождать животное. Парень оказался силен. А на вид и не скажешь. Но ему даже предусмотрительно подброшенный рычаг не понадобился, чтобы справится с ловушкой и вот Серый Волк уже гордо скачет по поляне, выражая свою искреннюю благодарность и обещая помощь в нелегком деле спасения батеньки.

— Ты от смерти меня неминучей спас и я тебе помогу. Добудем мы с тобой Иван — царевич яблоки молодильные для твоего царя — батюшки. Садись мне на спину, да по сторонам не смотри.

Все это Волк прокричал каким-то воодушевлённым, я бы даже сказала вдохновенным голосом, послушав который так и тянет совершить пару подвигов, и Иван — царевич не стал исключением, быстренько влез на вновь обретенное транспортное средство и был таков.

— Тут у вас реально люди лишних вопросов не задают и лишними мыслями не мучаются? — поинтересовалась я у Кощея, выползая на четвереньках из кустов.

— В смысле?

— В том смысле, что любой здравомыслящий человек поинтересовался бы у Волка о причинах его осведомленности. Я молчу про имя и титул, мало ли, может у него на лбу написано, что он Иван — царевич и об этом каждый встречный знать должен, но откуда бы постороннему, находящемуся некоторое время в ловушке, запрятанной в лесной чаще, Волку знать про молодильные яблоки и про то, что царевич их ищет. Это как минимум должно вызывать некоторые подозрения и наталкивать на определенные вопросы, а он верхом вскочил, и уехал довольный. Откуда такая наивность?

— Думаю, сказывается некий присущий всем царевичам инфантилизм, — глубокомысленно молвил Кощей. — Довольно специфическое воспитание, узкий круг общения, обширная библиотека и, как результат, излишний романтизм натуры, не позволяющий трезво оценивать ситуацию и адекватно оценивать окружающих людей.

— То есть все царевичи идиоты?

— Ну я бы не был так строг. Просто немного доверчивы и не критичны.

— И зачем тогда все это, если в результате мы выберем одного идиота среди множества других. Может англичане и не правы насчет не выбирания из двух зол, но вот среди идиотов точно выбирать не стоит, на мой циничный взгляд человека двадцать первого века.

— Мы выбираем не идиота, а человека наиболее способного к обучению, кроме того всякое свершение подвига помогает избавиться от чрезмерного романтизма и помогает трезво взглянуть на вещи. Это своего рода тренинг личностного роста, говоря понятным тебе языком.

— Ну ну. Будем надеяться, что там есть чему расти.

— А что нам еще остается, — вздохнул Кощей несколько печально.

На этой грустной ноте мы направились к ступе, чтобы направится в царство славного Дормидонта. Дормидонт был одним из первых клиентов Кощея, и как признавался сам коммерсант, одним из самых сложных. Но Кощей не только сумел его дочку замуж выдать, да еще и без приданного, а провернул дело так, что влюбленный жених заплатил очень хорошие деньги за право обладать таким счастьем. Я, правда, не поняла, действительно ли девица была таким счастьем или Кощей имел в виду счастье в кавычках, но молодые люди жили и не жаловались, так что с этой стороны все было замечательно. Сам Дормидонт с тех пор считал себя в неоплатном долгу перед Кощеем, чем

последний время от времени пользовался, как в этот раз. Пройдя на бреющем полете над небольшим, но богатым городом, я приземлила ступу перед входом в местный дворец и объявила о том, что пассажиры могут покинуть салон. Кощей принялся выбираться, а к нам направилась слегка ошалевшая от такого эффектного появления стража, видимо, чтобы провести таможенный досмотр. Жилище Дормидонта поражало своим белокаменным великолепием. На этом фоне я как-то особенно сильно почувствовала себя соответствующей занимаемой должности, вплоть до каждого листика и веточки, застрявших в волосах и прилипших к одежде. И особенно сильно в этот момент я ненавидела Кощея Великолепного, который выглядел так, словно только что вышел из роскошного автомобиля для встречи на высшем уровне. Этакое воплощение художественного произведения «Принц и Нищий». Как говорится, угадайте кто играл Нищего. Спутник мой тем временем несколько ленивым и небрежным жестом отослал прочь набежавших охранников и направился во дворец, милостиво разрешив мне его сопровождать. Мне стала понятна тяга моей предшественницы к человечине.

Сам Дормидонт оказался приятным и очень немолодым уже мужчиной, весьма вежливым и обходительным. Не знаю, так ли он был рад нашему появлению, как демонстрировал, но будучи весьма радушным хозяином, он немедленно предложил нам горячий обед и возможность отдохнуть с дальней дороги. Но первым делом мы развернули сеть слежения за объектом, то есть выложили на стол мое блюдечко и яблочко и заказали картинку с Иваном — царевичем. Картинка, открывшаяся нашему пытливому взору, была странноватой: Волк скакал километровыми прыжками на фоне каких-то созвездий, а царевич сидел зажмурившись. Волк, по договоренности, создавал видимость дальней дороги, так что время у нас еще было, и мы принялись за обед. Это был пир на весь мир: одних только закусок тут было видов сто, а потом принесли еще и горячее… Дитя двадцатого века и суррогатной икры, я не смогла совладать со своими завидущими глазами и загребущими руками и придалась чревоугодию. Красная икра и черная икра, грибы соленые, огурцы моченые, почки заячьи, жареные поросята, фаршированные гусята, осетр по — царски и лосось по — крестьянски, утки и перепела, кисели, компоты, взвары, пироги, ватрушки, крендели и кулебяки, яблоки и ананасы и еще много чего сверх того. Нет, не думайте, я не отвалилась от стола со вздохом глубокого удовлетворения после сытного обеда. Собственно я даже дышать не могла, не то что двигаться. Когда я запихала в себе последний

кусок ананаса для улучшения процесса пищеварения, мой желудок занимал все пространство в моем организме: от мозжечка до пяток. Сердце при этом билось, по моим ощущениям, где-то в районе глаз, а легкие, кажется, свернулись в тоненькие трубочки. Я задыхалась и мне было плохо. Поэтому я продолжала сидеть прямо и неподвижно за разорённым столом и следить за своим дыханием. Мыслей в моей голове не было, сожалений и ужаса от содеянного тоже. Наверное, как и любой приличной благовоспитанной леди, мне должно было быть стыдно от моего непотребного поведения, но, честно говоря, сил еще и на стыд у меня не было, и сидела я в полной прострации, боясь пошевелиться. И только надежда на чудесное действие ананаса брезжила на самом краю моего сознания. А посему встреча прибывшего за яблоками царевича прошла без моего участия. Оставив мне блюдечко с яблоком, чтобы я была в курсе происходящего и мне не нужно было ничего пересказывать, Кощей ушел оказывать поддержку Дормидонту в приеме высокого гостя.

Катающееся по тарелке яблочко вид, на мой взгляд, имело весьма злорадный и даже немножко торжествующий, будто чувствовало себя отомщенным. Видимо до сих пор не могло забыть предпринятую мной в первые дни пребывания в новой должности попытку им закусить. Злопамятное очень. Но вот изображение показывало исправно и звук передавало без отставаний, так что по факту придраться было не к чему, а подозрения к делу не пришьешь. Тем временем Серый волк инструктировал Ивана царевича по всем правилам диверсионной деятельности о том, как заполучить яблочки, не привлекая лишнего внимания. В момент моего подключения речь шла о том, чтобы залезть в сад царя ночью через забор и аккуратно сорвать требуемое, не трогая ветки. Нет, ну не то, чтобы мы действительно установили на ветках сигнализацию, просто Серый был местным представителем партии зеленых и справедливо полагал, что юный царевич в молодецком порыве может поломать пару деревьев, от широты души так сказать и безудержной силы, а так, и яблоки собраны и ветки целы. Но наш царевич, как и положено всякому воспитанному и порядочному человеку, решил пренебречь такой воровской тактикой и попросить по — хорошему. Кощей при подготовке плана именно на такие черты характера и ориентировался, а посему к дальнейшему развитию событий мы были готовы, но вот что касается моего личного мнения, то лучше бы он сорвал одно яблоко по — тихому и к отцу поторопился, и стране польза и мне мороки да мотаний меньше. Впрочем, меня, как водится, не спросили.

Тем временем царевич, выслушав дельный совет волка, направился прямиком к воротам и вежливо постучал. Стража аккуратненько под белы рученьки завела царевича внутрь и проводила пред светлые очи Дормидонта и компании. А Дормидонт и компания всеми силами изображали из себя развращенных жизнью жестоких богачей. Во всяком случае, у меня сложилось именно такое впечатление, хотя возможно в этом было виновато яблочко, навязывающее свое восприятие. В любом случае развалившийся в кресле Дормидонт никак не тянул на умного и хозяйственного царя и достойного уважения мужа. И согласно плану, выслушав Ивана и его просьбу, он выдвинул встречное требование, послав бедолагу в гости к Кощею Бессмертному за златогривым конем. Собственно говоря, Кощей сам выдвинул свою кандидатуру на роль второго злодея, для упрощения подготовки, на роль третьего злодея естественно назначена была я. Полный решимости достичь недостижимого царевич покинул царские палаты, даже не дожидаясь пока его к столу пригласят, и направился к волку, который тут же поскакал дальше. На этом я окончательно выпала из реальности и погрузилась в сон. Честно говоря, я вообще всю эту беседу видела урывками, сквозь начавшиеся слипаться глаза и в безуспешной борьбе с зевотой. Сытная еда и тепло оказали на меня свое тлетворное влияние и я впала таки в леность и празднолюбие. Как там меня несли в палаты и укладывали на пуховые перины и вовсе прошло мимо моего сознания. Я сладко спала и снились мне радужные сны про центральное отопление и водоснабжение.

Из приятного сна меня выдернуло яркое солнце, настойчиво светившие прямо в глаза. Досадуя на свою недогадливость, не надоумившую меня задернуть плотнее шторы, я попыталась укрыться от яркого света в недрах постели. Что впрочем мне не удалось, поскольку одеяло не желало двигаться, как если бы было чем-то придавлено. Или кем-то, судя по доносившемуся до меня бубнящему голосу. Голос звучал, как обычно по утрам звучит радио: уныло и безрадостно, обязанное повторять одну и ту же новость каждые полчаса. Я попыталась прислушаться. Чтобы понять, что же нового произошло в стране и мире, но новости были какие-то странные, про волков, видимо кто-то опять залез в заповедник. Я попыталась отрешиться и от бубнившего голоса и от навязчивого солнца и вернуться к сну, но то ли организм мой окончательно выспался, то ли два эти фактора были более действенны, чем мне казалось с подушки, а заснуть не получалось. А посему сладко зевнув пару раз, я решила отправляться завтракать, и открыла глаза. Пред моим взором открылась чудная картина: высокие стрельчатые окна, с цветным

узорным стеклом, белокаменные стены и потолок, и посреди всего этого великолепия огромная, с десятком пуховых перин кровать, на которой помимо меня находился красавец мужеского полу. Красавец, к сожалению, на кровати сидел, к тому же вполне одетый, хотя и странно одетый.

— Это вообще уже ни в какие ворота, два дня спать, как какой-нибудь богатырь, без всякой совести, — заявил этот красавец самым что ни на есть обвиняющим голосом, от чего очарование его в моих глазах слегка поблекло. — Серый там кругами без продыху носится, совсем из сил выбился. Уж и не знаю, какими сказками он царевича убалтывает и в какие дальние края мой замок поместил. И это не говоря уже про злоупотребление гостеприимством Дормидонта. Он конечно не обеднеет, но вежество надо же понимать.

— Кощей, — сделало мое очнувшееся от спячки сознание очевидный вывод.

Хотя проснулось только мое сознание, совесть и так называемое вежество вообще впали в летаргический сон и просили не беспокоить. Хорошенькое дело получается, как мне с дороги и голодухи отоспаться, так сразу про манеры вспоминаем, а как ко мне на постой толпы незнакомых мужиков валят, так у нас гостеприимство и забота о ближнем во главе угла. То ли я не тот ближний, то ли на меня не все законы распространяются. Кощей тем временем продолжал вещать о тяжкой доле волка, вынужденного по моей прихоти мотаться двое суток без отдыха и продыху, отчего и у всадника и у транспортного средства уже рябило в глазах и порядком штормило при поворотах. Впрочем я была согласна с тем, что с волком действительно получилось нехорошо, но так-то и не специально вышло.

— А чего не разбудил? — поинтересовалась я, садясь на кровати и оглядываясь в поисках одежки и прочих атрибутов утреннего ритуала.

— Так не подъемная ты была. Я тебя целый день разбудить пробовал, разве что не целовал только, а ты все как та царевна, непробудна. Хорошо хоть дышала.

— Взял бы и поцеловал.

Буркнула я от обиды, что мной пренебрегли даже ради такого важного дела как спасение царства — государства, но буркнула тихо, дабы не услышали. Кощей и не услышал, или сделал вид, что не услышал.

— Ладно, уходи и дай мне привести себя в порядок, — сменила я тему.

Кощей вышел с недовольным видом, словно не верил в то, что я тут же не завалюсь спать дальше, а я, как только за ним

закрылась дверь, принялась за предметные поиски местных удобств, в виде ночного горшка и таза с водой для умывания ну или как тут у них все устроено. Первым делом я нашла свою одежду и разразилась горячим потоком благодарностей в адрес таинственной благодетельницы, которая за то время, что я находилась в царстве морфея, мою одежку не только постирала, но даже и погладила, ну или не знаю, как они тут борются со складками на одежде. Чистая одежда это все-таки ни с чем не сравнимое удовольствие. Затем я нашла остальное. Итак, приведя себя в относительный порядок, насколько это было возможно в текущих условиях, я вышла из палат каменных (теперь хоть знаю что это такое) к ожидающему меня начальству.

— Слушай, Кощей, а если как ты говоришь наши миры между собой тесно связаны, так что люди туда сюда могут перемещаться, а вы с отцом так и вообще свободно ходите, почему вы тут не внедрили такую замечательную вещь как система водоснабжения и канализации?

Нет, вы не подумайте, мой вопрос вовсе не был тактической хитростью, призванной сменить тему и вывести меня из под огня противника. Просто мои мысли действительно были заняты сейчас именно этим, что было вполне объяснимо, так как я только что закончила такую вещь, как утренний туалет, настолько неизменное и неизбежное явление, что в какой бы реальности, мире или времени вы не оказались и в какое бы время суток или в каком бы месте вы не проснулись, необходимость его свершения встает перед вами во всей своей красе, разве что сам ритуал может в незначительной степени варьироваться, но не отменятся. Кроме того, как я помнила из детских книжек и мультиков про грозных Мойдодыров, умываться по утрам должны не только люди, но и всякие крокодилы.

— А с чего это тебя вдруг это заинтересовало? — заподозрил меня не пойми в чем Кощей.

— Так меня этот вопрос давно интересует.

— А чего только сейчас спросила?

— А раньше повода не было, не за совместным же чаепитием такие вопросы обсуждать. Я может и Яга, но выпускница института, как ни как, знаю что есть не комильфо.

Видимо и мой собеседник пришел к такому же выводу, потому что вздохнул в знак согласия.

— Нежелательно. Нежелательно привносить в один мир из другого технологии и нововведения, чуждые и чужеродные, это может еще сильнее пошатнуть равновесие и в итоге привести к непрогнозируемым последствиям. Да и сложно это сделать. Свободно-то перемещаться между мирами можно, когда нет

такого стабилизирующего фактора как Баба — Яга. Нет Бабы — Яги, миры соприкасаются теснее и даже начинают взаимопроникновение. А если Баба — Яга есть, даже временно исполняющая обязанности, то и проходы закрыты и ходить туда сюда могут только папа мой, я, Василиса, ну еще парочка всяких, да и то на это такие силы тратить приходится. А без ущерба для себя вообще только мой отец может гулять, ну так у него и возраст внушительный и чародей он сильный, а из иностранцев наверное Мерлин, но ему вроде пока как не надо. Да и отец по большей части тоже у вас сидит, без особого повода тут не появляется. Так что не так то просто сюда все эти трубы доставить, чертежи, специалистов перетащить, а из местных пока никто не может так как не доросли еще до такого, да и вообще не факт что дорастут, вполне может быть по другому данный вопрос решат. Потому как самобытность присуща любому живому организму.

— Короче говоря, не светят мне блага цивилизации в ближайшее время, — резюмировала я страстный спич.

— Ну, если коротко, то да.

— Надеюсь, хоть завтраком-то покормят?

— После такого обеда ты все еще хочешь завтракать?

— Завтракать я хочу всегда, думаю в этом основная причина отсутствия у меня осиной талии, — призналась я в своей слабости и направила стопы прямо.

Завтрак был скромным даже по моим меркам и весьма диетическим. То ли их напугала моя прожорливость и они решили экономить, то ли побоялись, что я опять впаду в спячку на три дня и хотели таким образом от нас избавиться, что им впрочем удалось, потому что сразу после завтрака мы вылетели в служебный замок Кощея, который он, по его собственным словам, всегда использовал для своих операций, в результате чего бедный замок регулярно горел, взрывался, тонул и разрушался любыми другими способами. По словам Кощея на фоне рушащегося замка злодея спаситель и спасенная быстрее проникались друг к другу чувствами и скрепляли их весьма романтичным поцелуем, что в этаком апокалиптическом антураже было красивым аж до слез. На мой предвзятый взгляд Кощей был любителем Голливудских боевиков и фильмов — катастроф, которым и подражал, но коль скоро всего у него работало, то не мне лезть в это дело со своим самоваром. А посему я упорно боролась со ступой и метлой, пытаясь доставить нас в пункт назначения, и занятая этой борьбой, как-то не задала себя таких вполне закономерных вопросов как:

— Каким образом Серый волк узнал о моем временном

отсутствии?

— Если от Кощея, то каким образом они поддерживают связь и почему не сказали об этом мне?

— Зачем Кощей дожидался меня, а не провел вторую встречу с царевичем сам?

— Зачем я вообще ему нужна на данном практическом этапе операции, если вся моя роль сводиться к роли таксиста?

— ???

Вообще умные люди задают такие вопросы перед тем как соглашаться на какие-либо предложения, но я в эту славную категорию не входила даже в бытность мою секретарем и с новой должностью ума не прибавилось. А посему мы в молчании продолжали полет к обители злодея. В молчании не потому, что затаили друг на друга обиду, а просто потому что разговаривать при таких условиях было не удобно, чтобы услышать друг друга приходилось кричать, да еще в рот постоянно что-то норовило залететь. Хоть ступа и не скоростной истребитель новейшей модели, но 40 км/час развивала, а стеклянной кабины здесь не было. Впрочем, по сравнению с Горынычем это мы сейчас первым классом летели.

Замок показался на горизонте к вечеру. Кощей его очень грамотно расположил, и не в шаговой доступности, чтобы любой молодец сумел почувствовать себя героем, добираясь до замка, но и не в непроходимых дебрях на краю мира, чтобы трудности слишком долгого путешествия не перевесили радости от ожидаемой в конце пути награды. Стратег.

Как только мы оказались внутри этой цитадели зла, Кощей направился приводить себя в соответствующий вид, а меня оставил осматриваться, хотя не то, чтобы тут было на что посмотреть. Сам замок представлял собой этакое мрачное черное каменное строение, по которому гуляли сквозняки и гулкое эхо. Высокие стены, единственным украшением которых были закреплённые в железных кольцах факелы, черный от следов постоянного сжигания потолок, оконные проемы в два человеческих роста, без стекол, в которые можно спокойно въехать верхом и непонятно зачем нужные обитые железом двери, а еще стоящий возле дальней стены массивный и даже на вид жутко неудобный трон, словно весь состоящий из острых углов и острых выступов. В общем и целом довольно злодейский антураж, создающий довольно мрачную атмосферу и пробуждающий не самые лучшие чувства к хозяину этого всего. Претензий сей шедевр дизайнерского замысла не вызывал, недоумение вызывала уверенность забредающих сюда героев в том, что злодеи должны жить именно так и никак иначе. Во всяком случае, я не слышала

от Кощея историй о том, что кто-либо выказал удивление его жилищем и проникся к нему сочувствием ввиду неприемлемых жилищных условий. Оценив все это великолепие, я подошла к одному из окон, за которым бушевало море, и стала ждать. Ждать впрочем пришлось недолго. Через пару минут во всем своем сценическом великолепии явился главный злодей и похититель невинных девиц. Был он одет в железные доспехи, железные сапоги, железную корону, лицо его отливало нежно — салатовой зеленью, а зубы были темно — желтого цвета. И весь он так гармонично вписывался в обстановку, что, только начав испытывать головокружение, я поняла, что перестала дышать. Добил меня злодейский смех, которым сие явление разразилось при виде моей реакции. Смех отразился от стен, поднялся к потолку и оттуда упал мне на голову подобно молоту. Я поняла, что долго моя психика подобного не выдержит, она у меня фильмами ужасов не тренирована, страшными историями не закаленная, и, сделав неопределенный знак рукой, я бочком вышла в сад колючек, окружающий замок, чтобы там дождаться окончания второго действия. Пока я доставала из своей походной сумы яблочко с тарелочкой, пока удобнее устраивалась, Серый волк уже затормозил у ворот замка и в очередной раз попытался уговорить царевича действовать тихой сапой, но царевич оказался крепким орешком и на провокацию не поддался. Яблочко показало мне его ровно в том момент, когда он уверенно и гордо входил в так постыдно оставленный мной зал.

— Здравствуй Кощей Бессмертный.

Царевич даже не вздрогнул при виде хозяина, чем вызвал мое восхищение, впервые, между прочим, за все время нашего заочного знакомства.

— Зачем пожаловал? — проскрежетал Кощей, согласно амплуа не опускаясь до обычной вежливости.

— Есть у меня любимый батюшка. Да заболел он сильно и узнали мы, что у царя Дормидонта яблочки есть молодильные, — по лбу Кощея красной строкой бежал вопрос, причем здесь я, но царевич его то ли не видел, то ли просто игнорировал. — Попросил я у царя Дормидонта хоть одно яблочко для батюшки. А царь Дормидонт пообещал, что даст мне яблочки, если я ему коня златогривого приведу. У коня того грива что золото, шерсть что серебро, скачет он быстрее ветра, никому его не догнать. И стоит тот конь в твоих конюшнях. Прошу тебя, отдай меня коня, царь Кощей, помоги царя батюшку спасти.

Вот кстати этот конь мне с самого начала казался лишним и вообще слабым звеном в нашем плане. Еще когда Кощей только делился со мной своей задумкой, я ему сразу предложила, чтобы

Дормидонт потребовал у царевича красну — девицу ему привести. И время бы сэкономили и от лишней головной боли избавились. Но Кощей заявил, что это противоречит традициям и что каждый уважающий себя герой должен пройти не менее трех испытаний. Я была уверена, что мы можем обойтись и не уважающим себя героем, но увы, мои доводы проигнорировали и конь был включен в список. Правда на роль коня была выбрана кобыла, но видимо такие мелочи вообще никого здесь не интересуют. Кроме того кобыла была выбрана, что называется моя служебная: Сивка — Бурка. Та самая, что большую часть времени жила у меня на заднем дворе в здании, которое я условно именовала конюшней. Я вообще-то мало с ней пересекалась. Ухаживали за ней мои помощники, а по назначению я ей только один раз и воспользовалась, причем чувствовала я себя при этом как трубочист посягнувший на особу королевской крови. И вот эту высокомерную лошадь по настоянию бессмертного стратега мне пришлось уговаривать на участие в сем предприятии. Вы когда-нибудь уговаривали лошадь сделать что-то, в необходимости чего не были уверены сами? Но видимо мне помогли женский инстинкт и печальный личный опыт. Сивка уговорилась погостить в царских конюшнях, когда я упомянула о возможности новых перспективных знакомств с тамошними жеребцами. Оставалось надеяться, что Иван не полезет проверять половую принадлежность златогривой лошади в первые минуты знакомства или что Кощей ему объяснит ошибку. От дальнейших раздумий о тяжкой лошадиной доле и наблюдений за беседой двух достойных мужей меня бесцеремонно оторвали.

— Слушай Яга мы так вообще не договаривались, — рядом со мной сел весьма недовольный и даже немножко сердитый Серый Волк.

— Добрый день Серый, — вежливость — самое лучшее оружие.

— Привет, — буркнул Волк, немного смутившись. — Но это все равно не честно. Я три дня не ел, скакал как заяц по полям по горам, думаешь легко километраж наматывать на одной и той же местности, чтобы фигурант ни о чем не догадался. Еще пару часов и морскую болезнь бы себе заработал.

— Ну извини Серый, я нечаянно. И вообще я не понимаю, почему Кощей без меня решил не продолжать. Польза от меня только ездовая, а в остальном я вообще не нужна.

И в этот раз цепь моих рассуждений была прервана, но теперь уже возмущенным криком. Оказывается пока мы тут мило беседовали, Кощей уже выдал Ивану следующий пакет заданий и

отправил того на поиски семейного счастья, о чем впрочем сам Иван пока еще не догадывался. И вот теперь нацеленный на дальнейшую борьбу со злом в лице Бабы — Яги, Иван во всем великолепии праведного гнева стоял в паре шагов от нас и, как и все, кричал что-то обвинительное.

В том, что произошло дальше, я честное слово была не виновата. По крайней мере, сознательно. Это вообще вышло само собой на уровне инстинкта. Наверное, в глазах царевича было действительно нечто, грозившее мне немедленной расправой, вот я и попыталась защититься. Может, конечно, я была и неправа, но с другой стороны, я дитя двадцатого века, привыкшее к хамоватым парням на лавочках, когда единственной правильной реакцией является «бей и беги», а не жди появления рыцаря в латах и на коне, который, принимая во внимание пробки и паспортный контроль, может и вовсе не появится. Да и весь мой жизненный опыт в новой должности тоже не способствовал обретению новой модели поведения. В общем и целом реакция моя была вполне понятной, а вот результат непредвиденным. Иван — царевич рухнул как подкошенный.

— Умер? — шепотом поинтересовалась я у Волка.

— Не должен, — таким же шепотом ответил мне Волк.

Вышедший на мои поиски Кощей застал весьма живописную картину: неподвижно лежащий на земле молодец и Баба — Яга, сидящая возле тела в обнимку с Серым Волком. Не знаю, как много в своей жизни повидал мой знакомый и с чем ему приходилось и не приходилось сталкиваться раньше, но мне удалось его удивить, потому что он тоже застыл над телом в легкой прострации.

- Убили? — наконец-то спросил Кощей.

Мы с Волком обиженно и синхронно фыркнули, выражая тем самым свое отношение к такому безверию в наше доброе начало. Видимо оценив наше единодушие или устыдившись собственных подозрений, Кощей присел на корточки и попытался найти пульс у лежащего тела.

— Живой, — заявил он спустя пару мину.

Мы с Волком также синхронно и облегченно выдохнули, стараясь впрочем сделать это незаметно для Кощея, который продолжал свои врачебные и не очень манипуляции над телом.

— Спит, — вынес он, наконец, свой вердикт, но прежде чем я обрадовалась такому результату, он добавил — зачарованным сном. Почти мертвым, как та царевна. И мне вот интересно почему?

При этом смотрел Кощей почему-то именно на меня, как будто сомневался в колдовских способностях Серого Волка. Я бы

на месте последнего возмутилась такой явной дискриминацией по расовому признаку.

— Уверен, — поинтересовался Серый, — что именно мертвый сон, а не какой-нибудь зимний или какой другой заколдованный?

— Все признаки на лице.

— Вы о чем? — любопытство оказалось сильнее страха наказания. — Что за мертвый сон?

— Ну, это как у той царевны, которая с богатырями и царевичем Елисеем. Ее мачеха заколдовала особым заклятием «мертвый сон» называется. Он на летаргический похож и против него только одно средство — поцелуй истинной любви. То есть почти верное средство избавиться от кого-либо, не запачкав руки в крови. Истинная любовь она ведь штука редкая и на дороге не валяется. Царевне той просто повезло с этим Елисеем. Что возвращает нас к нашему фигуранту. Как его-то угораздило под такое заклятие попасть?

Кощей снова вернулся к осмотру тела, а я почувствовала, как у меня засосало под ложечкой от нехорошего чувства, что заклятие некоторым образом связано со мной. Вернее моей реакцией на его реакцию. Спустя полчаса мы все также дружно сидели на дорожке, правда теперь уже втроем и думали, что нам делать дальше. Кощею пришлось все рассказать. А именно то, что мы помнили и поняли из случившегося. Заняло это всего минут пять. После чего Кощей допрашивал меня о том, откуда я знаю такое заклинание и как я смогла его применить. Потому что как оказалось основная черта этого «сна» заключалась в том, что его нельзя наложить непосредственно на человека, воздействует оно только опосредованно, через какой-нибудь предмет с которым контактирует жертва, и лучше всего оно действует через еду. Я умудрилась усыпить царевича напрямую, да еще и не понимая как. Я ведь справочник Бабы — Яги читала бессистемно и особенно не вникая в смысл, просто зазубривая все эту абаракадабру, чтобы было, а что зачем и почему, меня интересовало мало. Видимо от неожиданности и испуга я выкрикнула первое, что вспомнилось, и теперь мы дружно пытались решить, что делать дальше.

— Может положить его в темный уголок и подождать пока сам проснется? Не может же он спать вечно, — прервала я затянувшееся молчание.

— Может. В том-то и загвоздка, что под этим заклинанием он может спать бесконечно долго, без малейшего вреда для здоровья, — просветил меня главный просветитель. — Вот при сонном заклятии, человек при любом раскладе через сто лет проснется, даже если его никто спасать не будет. При зимнем сне

любой поцелуй как будильник сработает, а при мертвом…

— И никаких вариантов?

— Может есть, но я не знаю. Искать надо.

— А если мы к этому делу царевну привлечем, ту которую Иван должен был из моего плена спасти?

— Думаешь она его любит?

— Ну замуж-то она за него согласилась пойти?

— Да там больше ее батюшка согласился. Предполагалось, что они влюбятся друг в друга в процессе, так сказать.

— Может тогда его тот самый батюшка поцелует? Раз он нашего Ивана одобрил, то наверняка испытывает к нему симпатию, — сделала я слабую попытку разрядить обстановку

— Оставим этот вариант на крайний случай, — Кощей тоскливо вздохнул, не оценив моего юмора. — А еще непонятно, что с этим квестом делать, с учетом выбытия главного действующего лица. Папа меня убьет.

— Ты же бессмертный?

— Бессмертный. Поэтому папа убьет меня несколько раз, в целях профилактики.

— Да уж, попали вы ребята, — сочувственно вздохнул Волк, все это время хранящий молчание.

Мы с Кощеем переглянулись, и видимо в его гениальной голове возникло решение половины наших проблем.

— Серый, ты же любой облик на некоторое время можешь принять? — поинтересовался Кощей нарочито безразличным тоном.

— Почти любой. В Горыныча только не могу, размеры не позволяют. А тебе зачем?

— Ты будешь царевичем, — обрадовал наш стратег Волка.

— То есть? — Волк посмотрел на меня слегка ошалелым взглядом, я ответила ему таким же.

— То есть пока мы будем искать способ разбудить этого царевича, ты сыграешь его роль. Ну сам посуди, не может же царевич уйти на поиски яблока и пропасть лет на сто. Это несколько политически опасно.

— Ну могут же поиски затянутся? — резонно возразил Серый.

— Могут, — согласился Кощей. — Но не на сто лет же. За это время, сам понимаешь, поиски могут и утратить свою актуальность.

— Да что ты все сто лет да сто лет. Может раньше проснется?

— А ты думаешь, истинную любовь так легко найти? Может у тебя уже и на примете кто-нибудь есть?

— Вот интересно, — не то, чтобы я решила предотвратить возможную драку между горячими парнями, просто возник у меня

вопрос — истинная любовь она всегда взаимная? Просто мы же не знаем, может Иван еще ни в кого не влюблялся серьезно. Парень-то он молодой еще.

После моих слов Серый Волк и Кощей уставились на спящего царевича с откровенной злостью, словно тот факт, что он еще возможно ни в кого не влюблялся, делал его их личным злейшим врагом.

— Влипли, — констатировал Серый.

— Надо бы выяснить, — не поддался паники Кощей.

— Я бы выпила чаю, — улыбнулась я, как говорится «война войной, а обед по расписанию».

Судя по взглядам, которые бросили на меня в этот момент мои товарищи по несчастью, следующей в списке врагов шла я.

— Думаю, пока мы пристроим царевича у тебя дома.

Обрадовал меня Кощей спустя сорок минут после высказанного мной желания выпить чаю. Теперь мы втроем сидели в комнате, которую с большим трудом можно было классифицировать как столовую, и пили чай, любезно предоставленный нам скатертью — самобранкой. А также ели. Как выяснилось, эту скатерть Кощей выпросили у Бабы — Яги еще лет триста назад, как раз для таких вот холостяцких будней в вечно обреченном дворце. И теперь, видимо на сытый желудок, на него нашло озарение. Правда я от такого озарения подавилась мясом и если бы не тяжелая лапа Серого вполне бы уже вышла себе на пенсию по причине естественного выбытия.

— Почему у меня? По — твоему моя однокомнатная избушка самое подходящее место для хранения трупов?

— Он не труп.

— Да без разницы. Он очень его напоминает.

— А где ты предлагаешь его хранить? Здесь? Предлагаешь засветить мой конспиративный замок и раскрыть все мои коммерческие секреты? Или у волка в берлоге?

— У меня не берлога.

— Да без разницы, все равно под землей. У Водяного под корягой притопить, чтобы не нашли, или домой его такого вернуть? Ты себе представляешь какой скандал разразится?

— А у меня значит можно. Конечно, если одинокая женщина проживает на тридцати квадратных метрах без соседей, то более подходящей кандидатуры на роль сиделки не найти. Ты черным риэлтером подрабатывать не пробовал?

— Да он все равно много места не займет. Положишь его в огороде под кустиком и всего делов. И девушки тебе мешать не будут.

— Какие девушки? — не очень хорошее предчувствие

кольнуло мою грудь.

— Ну, возможные спасительницы.

— Поясни.

— Понимаешь я тут подумал…

И Кощей в общих чертах рассказал мне свой план. Очень гениальный в своей простоте и очень безумный. Правда это был единственный план, который у нас был, и вопрос принимать его или не принимать просто не стоял, но мне все равно он не нравился. В двух словах наш план описывался как «спящий царевич». Исчерпав все свои аргументы против и потеряв голос от криков, я махнула рукой на свою фигуру и принялась заедать горе. В сем благом деле мне никто не решился мешать и вскоре мужчины меня оставили наедине со скатертью, чтобы подготовить царский груз к транспортировке. Отправляться к месту моего проживания решено было утром следующего дня.

За окном давно вступившая в свои права осень баловалась ветром и дождем, а в избушке вкусно пахло блинами и сочными яблоками. В кухонном закутке хозяйничал утро ясное, тихо мурлыкая себе под невидимый нос какую-то песенку, на столе шумел закипающий самовар, и даже зеркало не нарушало очарование этого спокойного осеннего дня своими ехидными замечаниями. Я смотрела на бегущие по стеклу капли дождя и по всем правилам женских энергетических практик строила образ светлого будущего и семейного счастья. И вообще в мире царила тишь да гладь. Ровно до того момента, когда яблочко нервно дернувшись побежало по тарелочке, пытаясь установить с кем-то видео связь. Схватив со стола тарелку с блинами и чашку чая, я выскочила за дверь ровно за секунду до того, как голос Кощея нарушил тишину моего бытия. На крыльце было прохладно, но исходящее от двери тепло делало эту прохладу скорее приятной, а учитывая «телефонный» разговор, который ждал меня с той стороны, и вовсе привлекательной, и потому я уселась на крыльце по — турецки, прислонившись спиной к двери, и продолжила наслаждаться поздним завтраком. В связи с приближающимися холодами, избушка моя развила бурную деятельность по подготовке места зимовки, и всю предыдущую неделю дом в буквальном смысле стоял вверх дном. Да так, что время с утра и до позднего вечера мне приходилось проводить на улице, потому что в доме все ходило ходуном, пока мой дом окапывался, натаскивал себе ветки и иным образом обустраивался. Но вчера, уже далеко за полночь, все наконец-то закончилось, попрыгав на месте и проверив прочность своей ямки, избушка присела, и замерла, наверное, даже уснула, до весны, а я, впервые, за все это время смогла спокойно выспаться и проснуться нет от

девятибальных толчков и упавших мне на голову тарелок, а просто потому что выспалась, и теперь мне вовсе не хотелось вспоминать о существовании иных проблем, которые все еще не рассосались сами собой без моего участия, а продолжали быть.

— Добрый день, — прервал мои неспешные мысли девичий голосок, — не подскажите как пройти к моему жениху?

Медленно, чтобы не потревожить свое в кое-то веки миролюбивое настроение, я повернулась и посмотрела на обладательницу чудного голоса. Возле калитки стояла молоденькая девушка, лет пятнадцати максимум, одетая в нарядный сарафан и шушун, заплетенные косы скрывал теплый платок. Девушка, как я и говорила, была молода и хороша собой. Впрочем, как сказал скандальный классик не бывает на свете некрасивых пятнадцатилетних девушек, если жизнь к ним хоть немого справедлива. А в этом мире жизнь была довольна справедлива, во всяком случае, к своим постоянным обитателям. Итак, девушка была хороша собой и видимо еще и хорошо воспитана. Этакая милая Настенька, у которой в руках все спорится и которая всем людям мила. Как раз из той уже не встречающейся в моем родном мире породы девушек, которые способны заставить себя ненавидеть любую женщину уже одним фактом своего существования. «Настенька» с улыбкой смотрела на меня и ждала ответа, ни чем не выказывая своего нетерпения или недовольства, от того что я не спешу отвечать.

— А кто твой жених? — поняв, что молчание становится уже просто неприличным, прохрипела я.

— Иван, царский сын, — просветила меня девушка. — Злая Баба — Яга захотела Ивана моего на себе женить, а как он отказался, так она от злобы своей погрузила его в сон непробудный и только любовь моя может пробудить его от злого колдовства.

Нет, какая-то доля правды в ее словах была конечно, но все-таки зачем сразу на незнакомую женщину наговаривать. Сама ведь девка, могла бы и проявить женскую солидарность, а то ради мужика убить готовы.

— Тяжелые испытания на твою долю выпали милая, — посочувствовала я этой мелодраматической героине, — но пришла дорога твоя к концу логическому. Вот по той тропке пойдешь и жениха своего в хрустальном гробу найдешь.

И я махнула рукой, показывая направление движения. Девчушка растерянно моргнула, видимо не до конца поняв, что значит логический конец, но исправно поклонилась в знак благодарности и скрылась на тропинке, которая действительно вела к гробу с царским сыном.

Собственно ничего странного в появление на моем пороге юной девицы с утра пораньше не было. Странным был как раз-то тот факт, что девица была одна. За последние пару недель я как-то привыкла к тому, что под моим окном постоянно стоит очередь из вот таких Ивановых невест, но с другой стороны еще не вечер, и вернисаж только начал свою работу. А потому я предпочла вернуться к своим блинам и чаю и невеселым мыслям о Кощее, вернее о том, чего он опять от меня хочет. По моему мнению, в последнее время Кощей стал хотеть от меня непозволительно много. И ладно бы речь шла просто о постели. Но нет. Именно постель его и не интересовала. А интересовали его мои профессиональные умения, которые в моем случае были практически равны нулю. Собственно после того как я по собственной дурости, не буду оспаривать сие утверждение, поскольку доля правды и изрядная в нем есть, я усыпила царевича, Кощей развил бурную деятельность по ликвидации последствий этой аварии, для чего активно задействовал меня.

Сначала мы притащили спящего царевича в мою избу, поскольку жить долгое время в рабочем замке Кощея было невозможно, в связи с отсутствием всего, а бросать царевича там одного Кощею не позволила совесть. Моя совесть мне это позволяла, но нас с ней не спросили. А потому тело было сгружено у меня во дворе до выяснения. Затем в ходе коллективных обсуждений было решено не выдумывать колесо, а сработать по старой схеме «Белоснежки» с поправкой на половую принадлежность. Наш Бессменный руководитель и вдохновитель направился в гости к гномам, чтобы арендовать у них хрустальный гроб, и через пару дней вернулся с искомым. Ивана со всеми возможными удобствами устроили на этом новом ложе и стали выбирать место его дислокации. Кощей сначала хотел его устроить где-нибудь возле зеленого дуба, под присмотром Митрофана. Уверял, что чем дольше будут поиски, тем больше будет вероятность, что нашедшая его девушка, действительно его полюбит. Я резонно возразила на это, что, во — первых, истоптать сем пар железных сапог женщина может только ради любимого мужа, от которого у нее уже есть дети и в котором она точно уверена, а во — вторых, ни одна порядочная девушка не потащится незнамо куда в гордом одиночестве, потому как нормальные родители ее не отпустят. А будет упорствовать, так и вовсе выдадут дитятко замуж, чтобы не дурила, и всего делов. В итоге он облюбовал небольшую полянку недалеко от моей избушки, на которой и был размещен царевич. А затем мы принялись распространять слухи. В нашу сеть сарафанного радио были вовлечены все: Леший, Водяной, русалки, Кикимора,

базарные бабки, кукушки, эхо, банники, домовые, в общем все, кого нам удалось разжалобить или рассмешить. При чем последних было больше. Специальной истории мы не придумывали и потому каждый старался кто во что горазд, расписывая красоту царевича, его богатства несметные, и коварство злой и одинокой Бабы — Яги. От описаний последнего я злилась, но терпела, мирясь со спецификой профессии.

Первые спасительницы не заставили себя долго ждать и появились у моего порога буквально через неделю. Все они назывались невестами и жаловались на злую разлучницу Ягу, которая не могла перенести вида чужой любви и счастья. Все они направлялись мной к заветной полянке и назад никто не вернулся. Дежуривший недалеко от полянки Серый, прибегая по вечерам поужинать, рассказывал, как девицы всячески пытались царевича разбудить, прибегая иногда к очень радикальным и нестандартным методам, но терпели крах, и тихонько уползали обходной тропинкой, чтобы не афишировать свой позор. Еще через неделю спасительницы повалили буквально толпами и даже занимали живую очередь на спасение. Днем они обсуждали возможные государственные реформы, которыми займутся сразу после замужества, а по ночам проводили переклички, проверяя все ли на месте или может кто ушел и твой номер сдвинулся. Это напоминало мне времена моего детства, когда мама и бабушка стояли ночами в очереди за обувью, и когда каждый час ты должен был подтверждать свое право на пару туфель или зимних сапог. Я просыпалась от громких криков девиц «Номер двадцать здесь? Здесь. Двадцать один здесь? Двадцать первая ушла. Двадцать вторая здесь», таращилась в деревянный потолок и боролась с желанием выйти и прибить всех или присоединится, вдруг правда хорошие зимние сапоги достанутся. Затем снова проваливалась в мутный сон, чтобы проснуться ровно через час под знакомые крики. А потом мои будни решила разнообразить избушка, решив, что пора готовиться к зиме, и мне стало совсем весело. И вот теперь когда я только только привыкла к творящемуся вокруг безобразию и даже начала искать в нем свои плюсы, на сцене вновь появляется Кощей и сдается мне не для того, чтобы узнать как мое пошатнувшееся здоровье. Когда у меня закончился чай и дверь перестала греть в достаточной мере, я заставила себя подняться и шагнуть внутрь дома. В любом случае Кощей как стихийное бедствие неизбежен.

— Вернулась, — проворчало зеркало при виде меня, — я уж думала ты наконец-то сбежала.

— Я бы сбежала, было бы куда, — парировала я, понимая, что

настроение вконец испорчено.

Впрочем, наш зарождающийся спор прервала распахнувшаяся дверь, за которой стоял предмет моих недавних размышлений.

— Добрый день всем.

Кощей радостно улыбался во все свои зубы и излучал такой позитив, что так и хотелось ему стукнуть промеж глаз. Спасает его только то, что я все еще в него тайно влюблена. Впрочем, Кощей был ходячей бездной очарования и галантности, которой ни в чем нельзя было отказать, даже при самом огромном желании. Даже злиться на него у меня получалось только в его отсутствие, в иные же моменты я смотрела в его бархатные карие глаза, млела и неосмысленно кивала головой, соглашаясь со всем и на все. Вот и теперь я сразу же расплылась самой глупой улыбкой, мигом забыв про свое недовольство.

— Чаю? — поинтересовалась я. — У нас блины есть.

— С удовольствием, — прошел он к столу.

При виде этого утро ясное выразило свое неудовольствие, хотя как у него получалось передать весь спектр эмоций одними только руками у меня в голове не укладывается, но продолжил печь блины для гостя.

— Знаешь Яга, я тут понял, что у нас возникла новая проблема.

— Кроме спящего принца, которого никто разбудить не может?

— Да, кроме принца. И эта проблема так сказать климатического характера.

— То есть?

— Зима на пороге. В буквальном смысле.

— А почему это проблема? — я действительно не понимала в чем суть.

— Если придет зима, то, во — первых, спадет поток потенциальных спасительниц, который итак уже начинает редеть, потому как по холоду и морозу мало кому ходить охота, во — вторых, которое вытекает из во — первых, царь Берендей заподозрит-таки неладное из-за долгого отсутствия сыновей, и кто его знает, что он тогда предпримет и чем это нам аукнется.

— Не вижу логики, — возразила я. — По твоему получается, что царь Берендей только по смене времен года во времени ориентируется. Он же не идиот все-таки, хоть и царь.

— Ну не скажи. Если за окном все время осень будет, то он может что и заподозрит, но доказать не сможет, а если зима придет, а потом весна, тут уж самый терпеливый заволнуется. И потом ты не учитываешь, что возобновление страждущих девиц при таком раскладе раньше середины весны ждать не приходится.

По твоему бездорожью не каждый рыцарь проедет. Так что опять не понятно сколько времени пробуждение принца займет.

— А если зимы не будет, то царевича прям завтра какая-нибудь девица и разбудит, — съязвила я. — Только он уже месяц как всеми обцелованный, а дрыхнет по — прежнему.

— Вот именно, а зима еще и усугубляет нашу проблему.

— И что ты предлагаешь? Отменить зиму?

— Именно. Именно об этом я и подумал, — радостно воскликнул Кощей, и я поняла, что он от всех этих переживаний сошел-таки с ума. — Ты найдешь Морозко и попросишь его слегка задержаться.

Если бы в этот момент я что-нибудь ела или пила, то я, наверное, бы точно подавилась, а так, я просто забыла как надо дышать. И ведь еще пару часов назад я думала, что ничего хуже уже быть не может.

— Куда куда мне надо пойти?

— К Морозко.

— К Морозко? — раздался голос от двери и я мысленно выругалась, потому что очень хорошо знала его обладательницу.

На пороге стояла Кикимора, постоянный предмет моей дневной зависти и ночных кошмаров. В своей прежней жизни, когда я слышала слово Кикимора, да еще и с добавкой болотная, мое воображение рисовало нечто зеленое, корягообразное, тинопахнушее, старое и сморщенное, то есть целиком и полностью отвечающее основному месту своего обитания. Реальность же не просто меня разочаровала, она стукнула меня железным обухом по голове и проехала по мне катком. Потому что Кикимора оказалась голубоглазой, длинноногой блондинкой с грудью третьего размера и модельными параметрами 90–60–90, ростом 1,80. Каждый раз рядом с ней я чувствовала себя не просто гадким утенком, а гадким утенком, жаренным на гриле, то есть априори не имеющим шансов дорасти до прекрасного лебедя, и даже тот факт, что местные не разделяли моего восторга, не спасал ситуацию. С ее присутствием меня мирил только тот факт, что Кикимора была хорошей подругой (хотя она вообще была моей единственной здесь подругой), и потому черной злобой я исходила как можно незаметнее для окружающих.

— Давно хотела тебя спросить, тебе не холодно так ходить? — поинтересовалась я, разглядывая босые ноги гостьи.

— Нет, — томно улыбнулась она, — у меня кровь горячая, на болоте без этого никак нельзя.

— Понятно, — вздохнула обладательница вечно холодных ног в моем лице. — Чаю будешь? У нас еще немного блинов

осталось.

— Буду, — улыбнулась гостья и вошла в избу.

Краем глаза я заметила какое-то резкое движение на кухне, как если бы утро ясное попытался сбежать, пока его опять не запрягли. Впрочем, я была с ним в этом вполне солидарна, в конце-то концов, я общепитом подрабатывать не нанималась.

— Так ты Яга к Морозке в гости собираешься? — поинтересовалась Кикимора, намазывая блин вареньем.

— Нет. Я тебе даже больше скажу, я собираюсь избегать этого как можно дольше, — при этих словах Кощей насупился.

— Зря. Морозко такой интересный мужчина. Всегда мечтала с ним познакомиться. Да видать не судьба.

— Почему? — получается тут есть какие-то правила знакомства, которым Кикимора не соответствует?

— Так я ведь на зиму в спячку впадаю, в болоте прячусь. А Морозко он только зимой и приходит. Или это зима приходит вместе с ним. Я в этих тонкостях не очень хорошо разбираюсь, кто там причина, а кто следствие, но факт остается фактом, дорожки наши не пересекаются, — и Кикимора мечтательно закатила глаза, я только фыркнула.

— А есть замечательная возможность вам встретится, — просиял Кощей. — Я как раз Яге объяснял, что для этого надо, чтобы семейное счастье лучшей подруге обеспечить.

С другой стороны, подумала я, может Кощей и не совсем бессмертный, а может даже не бессмертный совсем. Надо почитать книги, поспрашивать знающих людей, глядишь и найдется способ избавиться от излишней занятости.

— Правда? — радостно завопила Кикимора, как будто ей поездку в Париж предложили.

— Я тебя когда-нибудь обманывал? Всего-то и надо, что сходить к Морозко в гости и попросить его повременить с визитом к нам. Проще простого.

— Ой Ягушенька а когда идем?

— Никогда, — рявкнула я. — Никогда никуда никто не идет. А если кому-то это надо, то этот кто-то может идти сам. И идти он может не только к Морозко, но и на северный полюс, и еще дальше, прям до первой звезды.

Кикимора немедленно надула губки, захлопала ресничками и приготовилась горько рыдать над своей загубленной молодостью, а Кощей приобрел вид смертельно обиженной добродетели, но в некоторых вопросах я была как «Варяг». Блины мы доели в полной тишине, которая меня не очень-то напрягала. Первой не выдержала Кикимора.

— Ягусенька, миленькая, это ведь совсем не сложно. Просто прогуляемся с тобой в гости, познакомимся с интересным мужчиной, и сразу домой. Всего на пару недель прогулка, а на ступе так и быстрее управимся.

— Давай я тебе ступу дам и ты сама слетаешь?

— Ты не понимаешь, он со мной даже разговаривать не будет.

— Не любит блондинок? Или он как английские джентльмены и ему требуется быть официально представленной третьим лицом? Так мы с ним при таком раскладе тоже не знакомы.

— Да нет, — вмешался Кощей, — просто он ни с кем кроме тебя разговаривать не будет. Вернее поговорить-то он может, а вот приход свой отложить точно не согласится.

— Кощей, ты это сейчас мне так замысловато польстил? Я, по — твоему, настолько неотразима, что ни в чем мне нет отказа?

— Да не в том дело, просто Баба — Яга — это же связующее звено. Она же и Явь и Навь и Правь, ну то есть единственная, которая связана со всеми существами в трех мирах. Я тебе точнее не объясню, потому как это все метафизика, я в ней не особо силен, но факт остается фактом, с силами природы только Яга договориться может, а Морозко, он овеществленная природа и есть, в ее зимнем обличье.

Я поймала себя на мысли, что мне очень хочется выпить, и желательно самогончика Лешего, просто потому, что было как-то неприятно ощущать себя какой-то метафизикой. Но самогона не было, а вот Кощей и Кикимора присутствовали. И оба они имели на меня свои виды.

Следующие два дня превратились для меня в самый страшный кошмар. Кикимора болотная, то ли по собственному почину, то ли по наущению Бессмертной звезды местного

розлива, расписывала мне все прелести от знакомства с таким интересным мужчиной как Морозко, перемежая красочные рассказы слезными просьбами. Я сдалась. А кто бы на моем месте не сдался, после того как стал свидетелем нервного тика у итак нервного яблочка, подвергся острой критике со стороны зеркала за неспособность соблюсти порядок на вверенной территории и, самое страшное, подвергся остракизму со стороны помощников, которые категорически отказались помогать с готовкой и уборкой и вообще не появлялись даже на зов. Единственной моей возможностью выжить и жить дальше в нормальных условиях было выдворить куда-нибудь Кикимору, а Кикимора согласилась выдворяться только в сторону Морозко. А посему я сдалась. Правда я называла это тактическим отступлением, решив, что найду-таки этого Морозко, а там видно будет.

Знаете когда вам уже за тридцать, а в вашей жизни нет иных романтических отношений, кроме тех, что связывают с работой, ничего другого не остается как погрузиться в эту самую работу с головой, чтобы не оставалось времени на слезы и депрессию. Впрочем, женская психика устроена таким образом, что время на слезы и депрессию найдется всегда, как бы глубоко ты не погрузился в работу. Именно об этом думала я, направляя свою ступу куда-то на север, где лежала граница между уже начавшейся зимой и еще не ушедшей осенью. Именно где-то там, на границе, и стоило искать Морозко. Играющая роль моего штурмана Кикимора то восхищалась проплывающими под ступой пейзажами, то вслух рассуждала о предстоящей встречи с загадочным мужчиной, то просто о чем-то романтично и предвкушающе вздыхала. В отличие от меня Кикимора депрессией не страдала и с личной жизнью у нее все было в порядке. В ее распоряжении всегда имелись болотные хмыри, упыри и прочая мелкая шушара. Для серьезных отношений публика конечно не подходящая, но для создания так необходимой любой женщине атмосферы восхищения и тотальной влюбленности самое то.

— Слушай Кикимора, а правда, что Кощей старший был в настоящую бабу — Ягу влюблен?

Кикимора рассеяно посмотрела на проплывающие мимо облака и задумчиво ответила:

— Да кто его знает, слухи разные ходят. Говорят, что был у него с ней страстный роман, но это так давно было. Сама через третьи руки эти слухи услышала. Разве что Горыныч знает, он еще с отцом нашего Кощея работал, хотя за это время ему столько раз голову отрубали, что может и не вспомнить всех подробностей. А тебе зачем?

— Да так просто, интересно.

На самом деле мне было не просто интересно, мне было жутко любопытно узнать, как выглядела женщина, которая сумела покорить мужчину моей мечты. Как бы глупо это не было где-то в глубине своей души, на самом самом ее дне, я все еще надеялась на долгую и счастливую семейную жизнь с мужчиной, покорившим мое сердце на собеседовании и на то, что придуманные мной детские имена мне скоро пригодятся. И даже трехгодичный контракт, на протяжении которого мне нельзя было заводить никаких отношений, не мог помешать мне предаваться сладостным мечтам. В конце концов, старший Кощей жил в моем мире и у меня были все шансы его соблазнить по возвращении домой, ему же когда-то нравилась Яга, так что, на мой взгляд, у меня были все шансы. Если конечно через три года мои нервы не окажутся в том состоянии, которое требует срочного вмешательства психиатрической больницы.

Когда в поле видимости появилась граница между зимним и осенним лесом, я пошла на снижение. Воспитанная на русских народных сказках и советских фильмах, я помнила, что искомый нами любитель подшутить над блуждающими по лесам девушками, обитал в ледяном тереме. Решив, что проще будет ждать объект в месте его постоянной дислокации, а не искать его на белых просторах, я велела Кикиморе высматривать терем и стала медленно кружить над лесом, постепенно увеличивая радиус. Когда мы окончательно замерзли и покрылись инеем с головы до ног, где-то вдали на солнце огнем полыхнула ледяная крыша, и мы с радостными криками направились к ней. Терем и вправду был ледяным и поражал воображение своим великолепием. Был он трехэтажным, сверкающим на солнце всеми цветами радуги и таким ажурным и кружевным, словно был связан из снега крючком какой-нибудь миленькой старушкой. Мы поднялись по ледяной лестнице и постучали в дверь. Ответом нам была тишина. Немного поколебавшись, я все же толкнула дверь, она оказалась не заперта, мы вошли и огляделись. Под окнами стояли ледяные лавки, в центре комнаты стоял ледяной стол и даже в камине горел ледяной огонь. В целом было мило, уютно и очень бело. Еще в прежней жизни меня всегда интересовал вопрос, как живут в своих иглу эскимосы. Но, даже имея доступ к интернету и википедии, я так и не удосужилась удовлетворить свое любопытство. И теперь мне не с чем было сравнивать. Впрочем, внутри было довольно тепло, во всяком случае, теплее, чем снаружи. Однако будучи женщинами, то бишь существами нежными и хрупкой конституции, мы с Кикиморой не решились сесть на ледяные скамейки и принялись вытанцовывать

вокруг стола в ожидании возвращения хозяина. Меня, конечно, немного мучила совесть из-за несанкционированного вторжения в частную собственность, но я ее быстро успокоила, вспомнив о толпах, марширующих под моим окном. В конце концов, почему прочие метафизические сущности должны жить лучше меня. Мы, дети революции и коммунизма, за равноправие во всем, особенно в том, что касается распределения гадостей. Танцевать нам пришлось не очень долго, мы только закончили на третий раз ламбаду, когда дверь открылась и на пороге возник Морозко. О да, даже на мой, одурманенный двумя Кощеями и весьма предвзятый взгляд, Морозко был хорош. Был он статен, высок ростом, одет в синюю шубу, отороченную собольим мехом, и шапку, из под которой выбивались то ли седые, то ли серебряные волосы, синие, как зимнее небо глаза, глядели внимательно и с легкой хитринкой, и даже аккуратная, округлая борода его не портила. Некоторое время мы занимались взаимным разглядыванием, а я еще и составлением портрета наших будущих детей, а затем густой, низкий баритон вернул меня с небес в зиму:

— Здравствуйте девушки, здравствуйте красавицы, какими судьбами в наши края?

— Ам? — мы с Кикиморой заворожено смотрели на искомый объект и дружно не могли вспомнить подходящих фраз.

— Девицы — красавицы вы чьих будите? — попытался привести нас в чувство Морозко, слегка пристукнув посохом, который я заметила только теперь.

— Что значит чьих? — вспомнился мне возмущенный вопрос, но вслух я все же сказала другое. — Здравствуйте, разрешите представиться. Я Баба — Яга, это Кикимора. Простите нас за то, что пришли без приглашения, но у нас к вам дело.

— Ну что вы, какие мелочи право слово. Для меня большая честь видеть Бабу — Ягу у себя дома. Не каждый день такие славные гости приходят, — Морозко улыбался широко и очень дружелюбно, чувствовался немалый опыт общения с разного рода девицами.

Я почувствовала легкое беспокойство. Судя по читанным мной сказкам, отношения у моего прототипа с этим мужчиной были не ахти какие.

— Я собственно временная Баба — Яга, — поспешила я обозначить позиции, — так сказать врио Бабы — Яги. Не хотелось бы вводить в вас в заблуждение.

— Так вдвойне приятнее, что вы нашли время навестить старика, — а мужичок то был непробиваемым. — Только что это мы все стоя разговоры разговариваем, располагайтесь гости

дорогие со всеми удобствами.

И Морозко обвел комнату рукой, приглашая располагаться, а затем снова пристукнул посохом, но уже как-то иначе. И в тот же миг на скамейках вокруг стола появились теплые шкуры, выше и ярче полыхнуло пламя в камине, и стало ощутимо теплее, что не могло не радовать забывших теплые шубы нас. Правда судя по тому как Морозко обошел нас по широкой дуге и сел с другой стороны стола, тепло это было локализованным и узконаправленным, аккурат для нас двоих. Что вдвойне приятнее. В моем рейтинге привлекательных мужчин Морозко немедленно оказался на одном уровне с Кощеем старшим, потеснив младшего представителя этого семейства, у которого имелся такой важный недостаток, как наличие жены. Сам же объект матримониальных планов, и судя по взгляду Кикиморы не только моих, сев за стол, еще раз стукнул посохом, и узорчатая скатерть тут же раскрасилась различными яствами.

— Угощайтесь гостьи дорогие, — пригласил нас хозяин и мы не стали ломаться.

Некоторое время ели молча, то ли из вежливости, то ли были одинаково голодны, и мысли мои медленно скользили от скатертей — самобранок, имеющихся видимо у всех, до ремонта ледяного терема на предмет его утепления для отдельно взятой меня. Цель моей поездки забылась основательно. Когда с основными блюдами было покончено и мы перешли к десерту и чаю, Морозко решился-таки удовлетворить свое любопытство.

— И в каком же таком великом деле нужна вам моя помощь?

— Нда, а мужчина-то ко всему подходит с размахом, — подумала я и призналась. — Если с глобальной точки зрения, то ваша помощь нужна в благородном деле спасения угнетенных и рабов, в лице меня, от злодейского ига в лице семейства Бессмертных. Ну а если немного уменьшить масштабы, то опять-таки нужна ваша помощь в спасении меня от гнета Кощеева в лице толпы девиц, жаждущих ни то славы, ни то власти, и спящего царевича.

— Как любопытно и заманчиво, — в глазах Морозко сверкнула искра интереса, — а можно поподробнее почему царевич спящий и причем здесь жажда власти?

— Да жажда власти она всегда причем, — выдала я прописную истину собственного разумения, — а царевич спит в ожидании любви великой.

И я рассказала все. Как говориться сдала всех с потрохами и прочими внутренностями. С того самого момента как Кощей появился на моем пороге с требованием уболтать Гамаюн напеть царю Берендею про молодильные яблоки. Морозко слушал

внимательно, не перебивая и не задавая вопросов, как профессиональный психоаналитик. Хотя, подозреваю что он им и был, учитывая специфику его работы и постоянные контакты с нервическими девицами, то и дело подбрасываемыми родней под елки. Без подходящего образования он бы долго в здравом уме не протянул. Несмотря на всю свою природность и метафизику.

— И теперь у меня под окном этакий аналог мавзолея и очередь страждущих.

— А среди дворцовых пытались любовь истинную найти? — поинтересовался Морозко.

— Пытались. Кощей сразу же туда отправился, провел то ли разведку боем, то ли шпионскую вылазку в лагерь противника, но никого не нашел. Царевич все больше книжками увлекался и влюблен был исключительно в светлый образ, прототипа для которого еще не нашел. Думаю Кощей под этот идеал хотел ему свою невесту предложить, а в итоге у нас очень богатый, но очень бесполезный выбор.

— И от меня вы хотите?

— Чтобы ты слегка задержался с приходом в наши края.

— Есть какая-то связь, которую я не улавливаю?

— Эту связь не только ты не улавливаешь, я тоже не совсем понимаю, но Кощей утверждает, что если наступит зима, то весь процесс замедлится в несколько раз, и тогда всем будет плохо. Потому что по плану царевич, какой-нибудь, уже должен был вернуться с яблоками, конем и невестой, а из-за форс — мажора он сильно задерживается, а если еще и зима придет по плану, то вообще след его потеряется в веках и нам всем будет плохо, по причине вмешательства Кощея старшего. Он боится, что из-за холодов и снега приток девиц резко сократиться и наши шансы, которые и так не большие, вообще уйдут в минус до следующей весны. А мне, как ты сам понимаешь, совсем не нравиться идея становиться этаким центром паломничества.

— Если все дело только в реализации плана, почему бы вам с Кощеем не воспользоваться для этой цели одним из двух оставшихся братьев, если уж третьего не получается разбудить.

А мужчина умеет мыслить логически и сразу находить решение проблем. Правда немного пугала мысль о том, что придется повторять весь путь заново, да и проблему с толпами поклонниц это не решало.

— Можно конечно рассмотреть этот вариант, — взгрустнулось мне, — но царю как-то придется объяснять пропажу сына. Уверена он точно помнит сколько у него было сыновей и обмануть его не удастся. Да и с девицами тогда надо будет что-то решать.

— А ты сама царевича целовала? Большинство заклятий может снять тот, кто их наложил.

— Мне Кощей запрещает. Говорит, что пока мой контракт не истечет, никаких адюльтеров он не допустит. Царевичей много, а подходящую кандидатуру на роль Яги найти проблема.

— Согласен, — Морозко задумчиво почесал затылок, но видимо даже его опыт не мог справиться с возникшей проблемой наскоком. — А давайте спать ложиться. Утром на ясную голову может что и придумаем.

И мы пошли спать. Как гостеприимный хозяин, Морозко выделил нам большую спальню на втором этаже с огромной кроватью и высокой пуховой периной. Уснули мы с Кикиморой сразу.

Проснулась я от того, что выспалась. Меня не выдернул из сна помешанный на своем долге петух, ищущие подвига богатыри, нуждающиеся в помощи иностранные злодеи и просто заблудившиеся люди. А еще тишину этого морозного утра не нарушало брюзжание вечно недовольного мной зеркала. Утро в кои-то веки было добрым. Пожалуй, такого доброго утра у меня не бывало даже дома, в моей прежней нормальной жизни, потому что вместо богатырей и говорящих зеркал там имелись орущие соседи, гудящие машины и ошибающиеся номером телефона враги рода человеческого. Немного послушав эту умиротворённую тишину, я медленно открыла один глаз и убедилась в своем городом одиночестве. В комнате царил мягкий полумрак от полузакрытых ставень и поблизости не наблюдалось никого, что меня вполне устраивало. Я снова закрыла глаза и, перевернувшись со спины на левый бок, предалась легкой дреме, обладающей особым вкусом и ароматом, известным каждому, кто любит нежиться в постели и кто большую часть времени этой возможности лишен. Судя по тому, что меня не разбудила ни проснувшаяся незнамо когда Кикимора, ни хозяин этих хором, в моем обществе на данный момент никто из них не нуждался или же они решили, что моим изрядно потрепанным нервам нужен был отдых. Второй вариант мне нравился больше, так как первый был немного обидным. Потому что общество Морозко меня бы вполне устроило. Вслед за этой мыслью пришли фантазии о тихой семейной жизни в вечном окружении снега и холода, с камином, в котором весело горит ледяное пламя и мужем, частенько приводящим домой молодых девиц из альтруистических целей. Да и пусть приводит, бесплатная рабочая сила еще никому не мешала. Я бы наверное еще долго предавалась таким ленивым мечтам, если бы мой желудок самым бесцеремонным образом не напомнил о том, что для нас с ним

пришло время завтрака. И хотя он был вовсе и не против лежать в постели дальше, но все же рекомендовал мне встать и отправиться на поиски пропитания, коль скоро местный сервис не предлагал такой услуги как завтрак в постель. С желудком пришлось согласиться. А потому я вылезла из кровати (из кровати таких размеров можно было только вылезать, ползком преодолевая расстояние от себя до края), умылась прохладной водой и, надев свой вчерашний, потому как единственный, наряд, отправилась вниз. Внизу обнаружился только накрытый стол с огромным дымящимся самоваром. Решив, что наличие накрытого стола является приглашением само по себе, я занялась завтраком. В конце концов, и Кикимора и Морозко были людьми взрослыми и в моей помощи не нуждались, а потому паниковать начну ровно через трое суток, как велит родная милиция, если кончено они сами к тому времени не найдутся. А завтрак был изумителен: горячие тонкие блины, точно такие как пекла в детстве моя бабушка, зернистый рассыпчатый творог, пирожки с яблоками, картофельные дранники, малина со сливками и тонко нарезанный лимон к чаю. Я пожалела об отсутствии у себя какого-нибудь смартфона, потому что все это великолепие буквально требовало быть сфотографированным и выложенным в интернет на зависть пятизвездочным отелям, а еще фотографии могли бы помочь мне объяснить своим помощникам каким именно должен быть завтрак, потому что их чередующиеся яичница и овсяная каша мне порядком надоели, а заставить их приготовить что-то другое у меня не получалось. И это была самая большая загадка, потому что на обед и ужин они были не против баловать меня разносолами, но вот с завтраком была беда. Объяснялось ли это приверженностью здоровому образу жизни, занятостью солнышка красного, не успевающего приготовить что-то другое перед началом трудового дня, полученными от кого-то инструкциями о том, как обеспечить Бабе — Яге заряд злости на целый день, или еще какими-то сакральными причинами, не доступными для знания непосвящённых, но факт оставался фактом, если я хотела нормально позавтракать, то озаботиться приготовлением завтрака мне нужно было самой. В общем-то, с каждым днем моей жизни здесь я все больше убеждалась в том, что причин у Бабы — Яги быть злобной и вредоносной было более чем достаточно, и надо было изначально обладать поистине ангельским характером, чтобы сначала разговаривать с пришедшим к тебе человеком, а не съедать его сразу же. Лично я ангельским характером не обладала даже в детстве. Когда я добралась до маленьких воздушных эклеров, дверь в горницу распахнулась и на пороге в клубах морозного воздуха показалась

сладкая парочка. Не прерывая своего занятия по поеданию, я осмотрела вошедших и завистливо вздохнула. Кикимора была хороша. Не знаю из каких закромов была выужена писцовая шуба, но и крой ее и цвет удивительно Кикиморе шли, подчеркивая все ее существующие и подразумеваемые достоинства. Права была мама, подумала я, когда говорила, что хорошая шуба каждой уважающей себя женщине необходима.

— Свежим воздухом дышали? — поинтересовалась я

— Ой, Морозко мне свои владения показывал, — восхищенно выдохнула Кикимора, словно как минимум прогулялась по подвалам доверху забитым золотом и бриллиантами. — Такая красота кругом, все такое снежное, белое, чудесное.

Посмотрев на лицо Морозко, стоявшего рядом с самым гордым видом, я в кои-то веки решила оставить все свои замечания при себе и вернулась к эклерам. Права моя родительница, сто раз права, с моим характером я еще долго себе мужика не найду. Вот не умею я как Кикимора на ровном месте восхищаться и воздыхать томно. Я предпочитаю мужчинам говорить правду, только они от этого в восторг не приходят. И от моего умения тонко острить тоже не в восторге, как должны были бы быть, судя по любовным романам. Вот и возникает вопрос: то ли любовные романы врут, то ли мое умение не такое тонкое, как мне мнилось. И вообще, судя по пришибленно — идиотскому выражению лица Морозко, мне стоит взять пару уроков у Кикиморы. Года через два с половиной мне это пригодится, а у меня будет достаточно времени, чтобы довести свои навыки до совершенства. Хотя можно с собой яблочек заколдованных прихватить. Если уж они на Алеше сработали, то вдруг еще какого мужичка смогу на них подцепить, если уж по — другому не получается. Нет, согласна, что для такого утра, так чудесно начавшегося и порадовавшего меня прекрасным завтраком, мысли мои были немного мрачными и даже где-то слегка депрессивными, но как я уже говорила, депрессия это естественное состояние для женщин моего возраста и семейного положения, особенно если рядом с вами находится более удачливая подруга, стоящая буквально в паре шагов от обретения семейного счастья, тем более с владельцев шубной фабрики. Впрочем, сама будущая ячейка общества мрачными мыслями не мучилась и судя по тому с какой скоростью исчезали со стола кушанья отсутствием аппетита тоже не страдала. То ли на морозе нагуляли, то ли счастливая влюбленность способствует. Вот прям так и тянет сделать им гадость и помочь Кощею.

— Знаешь, я тут подумал над твоей просьбой, — Морозко, как человек ответственный, сам вернулся к нашим проблемам. —

Задержаться-то я могу, но только на месяц, не больше.

— Почему? — мне правда было любопытно.

— Если дольше задержусь, то это приведет к серьезным нарушениям природного баланса. Звери, которым в спячку впадать нужно, не выспятся и не смогут дать здоровое потомство, природа не отдохнет и не даст по весне и осени урожай, что приведет к голоду, да и осень весне уступить место не сможет, потому как это не по правилам. Чтобы такой дисбаланс исправить, вмешательство Бабы — Яги потребуется, а ты вряд ли захочешь со всем этим разбираться.

Проницательный мужчина. Мне лишние разбирательства и правда не нужны, с имеющимися бы разобраться.

— Ну месяц так месяц. Тоже не плохая отсрочка. Я в общем-то и не думаю, что Кощей рассчитывал на слишком длительную отсрочку. Только вот не уверена, что этот месяц нам что-то даст. Любви как не было, так думаю и не будет.

— А почему бы вам не воспользоваться мертвой водой? — поинтересовался Морозко. — Это же проще будет?

— Какой водой?

— Мертвой. Ну и Живой конечно.

— А вот с этого места поподробнее, — в конце моего тоннеля появился слабый лучик света.

— Ты что же никогда про Живую и Мертвую воду не слышала? — удивился Морозко.

— Почему же, — возмутилась я. — В сказках читала. Когда кого-нибудь насмерть порубят, достаточно его мертвой водой побрызгать, чтобы он целым стал, а потом живой, чтобы ожил.

— И тут такой же принцип.

— Ты предлагаешь царевича на куски порубить?

— Зачем на куски, — улыбнулся Морозко. — Можно просто ему голову отрубить, потом мертвой водой побрызгать, а потом живой. Любое заклятие ведь со смертью пропадает, так что как только вы ему голову отрубите, какое бы заклятие сильное не было, оно пропадет, а там вода поможет. И будет у вас целый и здоровый царевич, годный для дальнейшего свершения подвигов.

— Уверен? — мне вообще-то было все равно, если царевич будет не совсем здоров, главное, чтобы подальше от моего места проживания, но утончить не мешает.

— Конечно уверен. Удивляюсь, как Кощей об этом сам не подумал. Впрочем, он молодой еще, не умеет просчитывать несколько вариантов сразу, вот, наверное, и не вспомнил.

— Замечательно, как вернусь сразу ему об этом напомню, — возрадовалась я, — думаю за даденный тобой месяц мы как раз со всеми делами и управимся: и царевича разбудим и подвиг

яблочный завершим. А потом с чистой совестью впадем в спячку. Во всяком случае я. Вот прямо сейчас и отправлюсь назад, а ты подруга со мной?

— Видишь ли Ягулечка, — собственно ответ Кикиморы я знала заранее, просто хотела увидеть как она покраснеет. — Я тут подумала и решила взять себе небольшой отпуск. Ты помниться сама говорила о том, как это интересно путешествовать и видеть новое. А я вот зиму никогда не видела, раньше-то обычно в болотах зимовала, да спала. А тут так много интересного, да и Морозко по хозяйству помогу, негоже мужчине одному домом заниматься, тут женская рука нужна, — и Кикимора обворожительно улыбнулась.

Накрылся мой мастер — класс, так видимо и помру, не узнав всех женских хитростей. А Кикимора молодец, пока я спала, она мужика уже обработать успела и через месяц так и вовсе новой Снегурочкой станет, замуж выйдет. Вот умеют же некоторые. Права была моя бабушка, когда говорила, что я много сплю, так и счастье свое просплю. Вот то ли старая как вводу глядела, то ли накаркала, а я уже которого мужика упустила. И вроде мужики вокруг есть и все одно мимо. Я размышляла о собственном ротозействе всю обратную дорогу. Одно меня радовало: роскошная шуба, которую мне на прощанье подарил Морозко. Мужчиной он оказался не только богатым, но и щедрым, и самое главное ни о чем меня не просил и заданий никаких не давал. В моем личном рейтинге женихов (увы недоступных) он занял первое место, подвинув даже старшего Кощея (тот наверное удавился бы с горя, если бы узнал). Но с другой стороны, может у них с Кикиморой еще и не сложится, утешила я себя, приземляясь на полянку перед домом, и на крайний случай у меня есть яблочки. На избушкином дворе все было как обычно, тихо и спокойно, впрочем, вряд ли стоило ожидать глобальных изменений за день. За околицей тихо двигалась очередь из девиц, разминала свои ноги избушка, шагая на месте, и доносился со стороны конюшни легкий перестук копыт и звяканье сбруи, видимо это Ночь темная на работу собирался. Пристроив свое транспортное средство на отведенной ему стоянке, я поднялась в дом. Дом встретил меня тишиной и чистотой, даже вредное зеркало не прокомментировало мое появление. Ужин на столе меня впрочем тоже не ждал, видимо на мое скорое возвращение не рассчитывали. Я присела на лавку и задумалась. Насущных вопросов было два: что готовить на ужин и когда сообщать Кощею новость. С одной стороны хотелось побыстрее покончить со всей этой историей, с другой стороны совсем не хотелось принимать гостей на ночь глядя. Хотелось есть и спать. Раз уж все равно

счастье свое проспала, то ничто не мешает мне и дальше придаваться лени и праздности. На том и порешила. Поужинав салатом и бутербродами с колбасой, я напарилась в бани и завалилась на печь. Проснулась я от того, что рядом что-то загрохотало. Испуганно подскочила и огляделась, не совсем понимая где я и что происходит. Затем мою комнатушку на минуту озарило ярким светом и снова где-то загрохотало. Я помянула добрым словом всех окружающих, поняв, что виновником моего пробуждения стала гроза. Правда какая-то необычайно громкая гроза и вообще у меня сложилось такое впечатление, что моя избушка находилась в самом ее эпицентре, но все же природное явление, а не очередной человеческий фактор. Я соскочила с печки и подбежала к окну, пытаясь высмотреть, что случилось с паломницами, но ливень был такой сильный, что даже деревьев было не разглядеть. Можно было смело надеяться, на то, что разбежались даже самые стойкие, при таких-то неблагоприятных условиях. Глядишь и помощники мои себе выходной устроят и не пойдут на работу. Интересно правда с чего бы этому ливню с грозой и молниями взяться, почти зима уже, или это осень решила отомстить за сверхурочную работу? Одни догадки и никаких доказательств. Поняв, что под такую свистопляску все равно не уснуть, я занялась приготовлением завтрака. Очень уж хотелось себя побаловать, а уж учитывая тот факт, что по такой погоде гостей можно не опасаться, я смело могла развернуться вовсю ширь своей души и даже замахнуться на приготовление чего-нибудь особо вкусненького. Следующие несколько часов я подобно «юноше бледному со взором горящим» занималась готовкой. Первым делом вспомнила рецепт простого теста на кефире для пирожков, потом занялась тестом песочным, потом вспомнила про пельмени, которые в последний раз я ела года два назад, в последний раз перед тем как села на раздельное питание, затем поняла, что очень хочется супчика, и, конечно же борща, и остановилась только когда все имеющиеся в моем распоряжении кастрюли, горшки, чашки и тарелки оказались заняты. Я с гордостью оглядела творение свои рук, причем в буквальном смысле моих рук, и преисполнилась благодушия и спокойствия. Конечно это вам не три звезды Мишлена и даже не паршивенький шеф — повар, но сытно, съедобно и временами вкусно. Я точно это все есть смогу, а окромя меня претендентов нет. Правда накативший на меня хозяйственный зуд не иссяк и требовал новых подвигов, например уборки «квартиры» и я задумчиво почесывала кончик носа, не в силах определить какое зло будет меньшим: поддаться этому зуду или же заглушить его страстный зов. Просто была у меня одна нехорошая черта: в

порыве уборочной страсти я становилась страшнее любого урагана и могла выкинуть в мусор не только старые вещи, но и вполне себе вещи новые и нужные, а потому, когда я начинала «генералить» за мной нужен был глаз да глаз. Однажды я так всю мамину косметику выкинула, потому что один из ее кремов мне показался просроченным. Беда была в том, что все остальные крема и тушь были новыми, еще не открытыми. Мама потом неделю удивлялась, куда все пропало, но я, поняв куда все пропало на самом деле, молчала как партизан и не выдала себя не словом, ни взглядом. Честно говоря, мама и сейчас не знает кто является истинным виновником тогдашнего незапланированного покушения на семейный бюджет ради восполнения жизненно необходимых запасов. Любовь как говориться любовью, но береженного Бог бережет. Вот и теперь меня терзали вполне себе ясные сомнения, а не выкину ли я ненароком чего-нибудь нужного и важного, без чего мое возвращение домой станет невозможным (исполнение моих обязанностей меня волновало мало, не смогу толком работать, глядишь пораньше домой депортируют). Сомнения мои разрешил входящий вызов от яблочка. Сделав круг по тарелочке яблочко вопросительно посмотрело на меня, уточняя давать ли связь или изобразить что никого нет дома (я целый месяц потратила, чтобы научить яблоко сначала интересоваться моим мнением, прежде чем включать связь, даже подумывала уже его на другое, более умное яблоко заменить) и только когда я махнула рукой, побежало дальше, и в центре блюдечка появился Кощей. Кто бы сомневался.

— Утро доброе Яга, — улыбнулся враг рода человеческого, представленного мной.

— Наверное, — я с сомнением посмотрела в окно, за которым продолжала бушевать непогода.

— Случилось что?

— Да нет, все как обычно. А что должно было случиться?

— Не знаю. Просто ни солнца нет, ни дня, ни ночи. Безвременье какое-то началось странное. Вот я и подумал, может приболели вы?

Приятно сознавать, что иногда твои предчувствия сбываются. Значит не пошли мои помощники на работу, еще и брата домой зазвали, чтобы не перетруждался. Молодцы парни. Уважаю.

— Да нет, все здоровы.

— А что тогда ты их не выгонишь?

— Слушай, нормальный хозяин в такую погоду и собаку не выгонит, а ты хочешь, чтобы я над нормальными парнями издевалась. А они мне, в отличие от тебя, ничего плохого не

делали, только помогают постоянно. Так что пусть дома посидят, отдохнут. Ничего с вами за день не случится.

— Да в какую такую погоду? — удивился Кощей. Натурально как-то удивился.

— Что значит в какую погоду? Ливень стеной, гром гремит каждую минуту и молнии сверкают, из дому выйдешь как пить дать под какую-нибудь попадешь. И сдается мне молнии все равно метафизика там у нее на пути или простая нечисть, испепелит за милую душу.

— Какой дождь, какие молнии и громы? Они же давно уже должны были на юг податься?

— А они видимо не в курсе были, — возмутилась я. — Ты приходи и сам им об этом скажи, можешь и дорогу заодно показать.

— Не могу, — возразил Кощей. — У меня с ними сложные отношения. Мы плохо ладим.

— Судя по всему я с ними тоже не лажу, иначе с чего такое повышенное внимание. А у тебя дождя нет что ли? — заподозрила я совсем нехорошее.

— Нет. Сказал бы день ясный и солнце светит, но ни того ни другого не наблюдается, так что у нас просто серо и сухо.

— Ты хочешь сказать, что у меня тут локальный катаклизм? Вряд ли они здесь просто ради того, чтобы девиц разогнать.

— Ну ты же с этими братьями не сталкивалась, с чего бы им на тебя злиться? — задумчиво протянул Кощей, явно пытаясь разгадать эту загадку Сфинкса.

— Какие братья? — уцепилась я за самое главное.

— Ливень, Гром и Ветер.

— То есть?

— Что то есть? Это же три брата, каждый со своей зоной ответственности сообразно имени. Ты не знала?

— Ты хочешь сказать, что это не явления природы, а вполне себе реальные люди?

— А что тут странного? День и Ночь, и Солнце тоже себе вполне реальные люди, как и Морозко, хоть и отвечают за явления природы. Что тебя так удивляет?

И действительно, что меня так удивляет в известии о том, что у меня за окном три злых мужика ходят, вполне себе реальные и живые. От этой мысли я даже плечами передернула.

— Действительно, что тут странного, — пробормотала я вслух, но Кощей уже сменил тему.

— А как поездка? Удалась? — глаза Кощея вспыхнули неподдельным интересом.

— Удалась, — я вспомнила статного Морозко и тяжко

вздохнула. — Морозко обещал на месяц припоздниться, больше не сможет.

— Месяц это маловато, можем не успеть, — Кощей огорченно вздохнул. — А ты соблазнить его не пробовала, чтобы он на большее согласился?

— Пробовала, но меня опередили, — шепотом призналась я, чтобы не услышали.

— Ладно, ты никуда не уходи, я сейчас к тебе приеду и ты мне все подробно расскажешь.

С этими словами Кощей отключился, забыв от радости про все на свете. Я покосилась в сторону окна, за которым по — прежнему бушевала непогода в лице трех братцев или три братца в лице непогоды? Уйти куда-нибудь мне в ближайшее время было не судьба, хотя интуиция, раньше частенько молчавшая, вопила о необходимости бежать от Кощея как можно быстрее и как можно дальше. Было у меня такое нехорошее предчувствие, что воду эту снова мне искать придется.

— Надеюсь еще два братца Мор и Глад нигде в округе не бродят, — поделилась я своими сомнениями с окружающим пространством.

И поскольку мой хозяйственный пыл, побуждавший меня на свершение подвигов последние несколько часов, уже угас, я решила приступить к самому главному заданию: чаю и пирогам. Не знаю сколько времени прошло, я как раз приступила ко второй чашке чая, когда дверь моего жилища попытались открыть, но безуспешно, поскольку открывалась она наружу. Дверь слегка приоткрылась и тут же с громким стуком захлопнулась. Я принялась следить за развитием событий. С третьей попытки противоборствующие стороны в лице двери и того, кто пытался войти, достигли некого соглашения и завершили все ничьей: дверь приоткрылась примерно наполовину, и худощавая фигура смогла проскользнуть внутрь.

— И чем ты их так разозлила, что они вокруг твоего дома так злобствуют?

Вопросил Кощей, а пришел именно он, снимая свой злодейский плащ (когда я его впервые увидела, полчаса хохотала, время от времени выкрикивая «я черный плащ, я ужас, летящий на крыльях ночи») и оглядываясь в поисках подходящего корыта, так как с плаща нещадно текло. И поскольку подходящего корыта у меня в доме отродясь не было, он решил-таки повесить его на гвоздик возле двери, выполняющий роль вешалки, и подвинул к нему тряпку, лежащую на пороге. Я следила за его манипуляциями, не прерывая своего основного занятия. Ответа на его вопрос у меня не было, а помогать мокрому с ног до

головы гостю желания не возникало, тем более что гость был как обычно незваный. Наконец после продолжительных боев с силами превосходящего противника Кощей сумел-таки соединить в пространстве и времени плащ, гвоздик и тряпку и сел напротив. Я подумала и решила, что не очень хорошо понимаю невербальные сигналы, поэтому нагло игнорировала весьма красноречивый взгляд гостя, направленный на самовар. У меня дома как в столовой — самообслуживание. Кощей понял и возражать не стал.

— Может ты все-таки усела им дорогу перебежать, что ребята так на тебя взъелись? — предположил Кощей.

— Когда я бы успела, если я все время только тем и занималась, что помогала тебе реализовывать планы по управлению миром, — резонно заметила я.

— И то верно, — согласился со мной Кощей, — но ничего, глядишь, ребята немного пошумят, пошумят, да устанут, а как устанут, так и перестанут.

Я тихонько хмыкнула. Раньше Кощей в страсти к стихосложению замечен не был.

— Ну, рассказывай как поездка?

— Кому как. Кому пусто, кому густо, — вздохнула я о своем, о девичьем.

— А именно? Морозко тебя принял?

— Еще и напоил, накормил, спать уложил и обещал на месяц задержаться. Больше сказал не может. Не в его это компетенции.

— Ну а Кикимора не замерзла среди снегов?

— Кикимора…. Сея краса не просто не замерзла, она там согрелась и решила немного задержаться.

— ?

— Оказалось, что у них с Морозко много общего, она никогда не видела снега, он всегда мечтал кому-нибудь снег показать, — я развела руками, показывая свою непричастность к случившемуся. — Так что Кикимора осталась погостить среди зимы еще месяц, думаю это одна из причин, почему Морозко согласился с моей просьбой. Хотя лучше бы он оставил меня, — пробурчала я себе под нос.

— Так вот в чем дело, — воскликнул Кощей. — Тогда все понятно. Брат Ливень же в Кикимору влюблен. Ну или думает, что влюблен. А ты его избранницу другому мужчине буквально сама в руки отдала. Еще бы парень не разозлился.

— Так они мне это безобразие из-за Кикиморы устроили?

Я обиделась. Нет, правда обиделась. Мало того, что эта лахудра белобрысая с моей помощью обрела личное счастье, так еще и ее обманутые поклонники устроили мне локальный конец

света и демонстрацию оскорбленных чувств. Ну что ж, кто напросился, я не виновата. У меня, конечно, нет хвоста, под который могла бы попасть вожжа, но зато очень скверный характер и должность, на которой не нужно утруждать себя вежливостью. Выскочив на крыльцо, я закричала:

— Вы три брата — акробата, ну как показались мне живо, пока не колданула. А то потом никто помочь не сможет, включая меня. Ляжете рядом с царевичем.

То ли они были в курсе ситуации с царевичем, то ли я была на редкость убедительна, но на крыльце передо мной появилось трое. Были они действительно похожи между собой, как бывают похожи родные братья. Нет не внешностью, которая была у них довольно разной, а каким-то внутренним содержанием и выражением лиц. Внешность каждого из них, наверное, отражала их природную суть (я не была уверенна в этом полностью, так как видела их впервые в жизни) и соответствовала стихии. Были они разного возраста, роста и телосложения, но смотрели на меня одинаково хмуро.

— А вы очень симпатичный мужчина, — всплыла в голове фраза из старого фильма, и я почти услышала как кто-нибудь из них представляется «Царь Иоанн Васильевич» и посохом бьет по полу.

Парни тем временем молчали, как партизаны на допросе и видимо также жаждали моей крови. Решив не доводить дело до крайности, ввиду особой ценности моей крови для меня, решительно взяла дело в свои руки и рявкнула:

— Бардак этот природный убрали быстро, пока я вас не убрала, — при этом мысли, что в случае чего реализовать угрозы не смогу, постаралась отодвинуть как можно дальше.

Три пары глаз очень внимательно меня осмотрели с головы до ног и с ног до головы, видимо пришли к какому-то выводу и синхронно щелкнули пальцами. Ярко засияло солнышко, засверкали капли дождя на траве, и воцарилась блаженная тишина.

Такая резкая смена обстановки немного выбила меня из колеи, поумерив воинственный пыл и желание скандалить. Однако и оставить такое хамское поведение безнаказанным я не могла.

— И? По какому поводу вы мне тут устроили? — я вопросительно изогнула правую бровь в лучших традициях невозмутимого Атоса.

Парни переглянулись, видимо решая кто будет говорить. Наконец самый старший, на мой взгляд, мужчина прокашлялся и. сделав полшага вперед, заговорил.

— Доброго вам дня, хозяюшка — я только сильнее изогнула бровь. Говорящий заметил мою мимику и поторопился исправиться. — Думаю мы должны принести свои извинения за излишнюю эмоциональность и бурное выражение чувств, но вы должны нас понять. Своим поступком вы разрушили надежды нашего брата и лишили его возможности обрести семейное счастье с любимой.

Вот это я понимаю валить с больной головы на здоровую. Эта блондинка буквально напросилась со мной в поездку, отбила такого шикарного мужика, а я еще и виновата в том, что ее поклонники остались не у дел. Мало мне Кощея с его вечными заданиями, теперь еще и этим отвергнутым носы вытирать и сеансы психотерапии устраивать. Верните мне мою секретарскую должность и маленькую зарплату. Пожалуйста! Пока я не дошла до смертоубийств.

Трое представителей тонкой душевной организации, обманутые в своих лучших чувствах, продолжали смотреть на меня, и взгляды их по — прежнему были обвиняющие.

— На месте Кикиморы я бы сбежала от вашего брата еще раньше, — меня понесло. — Не мальчик уже, а истерики закатывает совсем как старая скандальная баба. Вместо того, чтобы создать нормальные бытовые условия для любимой, он мне тут громы и молнии организовал. Женщина красивая, востребованная, живет на болоте в холоде и сырости, вдали от цивилизации. Кроме соседнего леса мира не видела и вот в кои-то веки выбралась посмотреть как люди живут, не удивительно, что не устояла перед соблазном. А кто бы на ее месте устоял. А вы вместо того, чтобы пытаться вернуть любимую решили на слабой женщине злость выместить. За которую и заступиться некому. А еще мужчинами себя считают.

По мере моего страстного монолога один из троих, самый высокий, белокожий и светло — русый, с темно — серыми глазами, медленно, но верно наливался красным цветом и кажется даже начинал дымиться. Но в тот самый момент, когда подпитанная утренним страхом, многолетняя вскормленная современной феминистической цивилизацией, претензия женщины к мужчине как к существу не отвечающему всем требованиям и стандартам развернулась во всю ширь, надиктовав мне дальнейшую обвинительную речь, этот сероглазый парень крутанулся на месте и исчез. Просто растворился в воздухе, будто его и не было никогда. Я поперхнулась сделанным вдохом и закашлялась.

Двое оставшихся посмотрели на опустевшее место с какой-то тоской во взгляде.

— Что это сейчас было? — просипела я, откашлявшись.

— Это Ливень сейчас проникся сказанным и побежал отвоевывать возлюбленную, — пояснил мой собеседник.

— Поморозится там, заболеет, сляжет на месяц, — предрек второй мужчина.

— А вы значит не проникли? — я недобро прищурилась.

— Проникли, — закивал головой первый. — Поэтому и не сбежали.

— Это было бы невежливо, — добавил второй. — Позвольте представиться, меня зовут Ветер, а этой мой старший брат Гром.

— Очень приятно наконец-то познакомиться, — не удержалась от язвительности я, рассматривая своих визави.

А посмотреть было на что. Гром был широк в плечах, мускулист, темноволос и тоже сероглаз. А еще обладал аккуратной бородкой и усами. От всей его фигуры веяло какой-то фундаментальной основательностью и силой. Ветер был тоньше и уже и фигура его была какой-то подвижной, гибкой. Казалось, что ему трудно долго стоять на одном месте и весь он каждое мгновение стремится куда-то вперед. И хотелось лететь за ним следом, устремляясь к неведомому. Волосы его были какого-то пепельного цвета, а глаза серо — голубые. И пока он успел обзавестись только усами.

Я уже было совсем надумала пригласить ребят в дом, выпить чаю и привлечь их как-то к решению наших с Кощеем проблем по оживлению царевича, как прямо передо мной снова возник Ливень. В руках у него была огромная охапка цветов (букетом это назвать язык не поворачивался, потому что флористика не знала еще таких разномастных букетов), а глаза его горели немного фанатичным блеском.

— Милая, добрая, самая умная на свете женщина, вы открыли мне глаза на коварство Кикиморы, на корыстный характер ее и двуличную натуру. Если бы ни мудрость ваша и прозорливость, я страшную ошибку совершить бы мог и назвать ее женой любимой. А теперь благодаря доброте твоей сердце мое исцелено и есть у меня теперь надежда на счастье. Станешь ли ты единственная подругой моей верной, женой надежной? — выпалив все это на одном дыхании, Ливень всучил мне букет и замер в ожидании ответа.

А я в очередной раз почувствовала, что нахожусь в очень неправильной сказке, у героев которой вообще отсутствует логика и явные проблемы с приложением вектора силы. Скажите мне, какому нормальному человеку могла бы прийти в голову мысль толковать мои слова так, как их истолковал этот Ливень? Даже его братья решили, что он к Кикиморе побежал, а он оказывается

за цветами, чтобы мне предложение делать. А я-то какой востребованной стала. Уже второй мужчина в любви признается. Прям аншлаг. И не будем акцентировать внимание на явной неадекватности моих поклонников. Как говорится я и сама не подарок, чтобы привередничать. С другой стороны такая внезапная влюблённость несколько пугает консервативную меня. Может ну их этих поклонников? Жила же без них тридцать лет и еще столько же проживу. Только как бы это помягче сказать, чтобы новый Армагеддон на себя не вызвать?

Я бросила умоляющий взгляд на Грома и он, проникшись моим отчаянием, решительно вмешался:

— Ливень, дорогой, дай ей время подумать. Узнать тебя получше. А потом уже как положено сватов засылай. А то что же ты, как басурманин какой, обычаи попираешь, да традиции нарушаешь. Не принесет это добра.

Ливень на это только кивнул. Нда, парень явно был в легкой (или даже и не легкой) прострации. Подкосил его побег Кикиморы.

— Да, — я лучезарно улыбнулась. — Спасибо за предложение, я подумаю.

Гром, схватив братца за шкирку, щелкнул пальцами и они оба пропали. Остались только я да Ветер. Я поглядывала на него с опаской. Мало ли, что у него на уме, вдруг тоже решит воспылать неземной страстью. Но Ветер моих надежд не оправдал. Улыбнувшись, он виновато выдал:

— Вы нас извините за все. Просто Ливень немного эмоциональный и все принимает близко к сердцу. Но вы не волнуйтесь, пару дней пройдет, и он успокоится и все забудет. А если вам помощь какая-нибудь понадобится, вы меня или Грома позовите и мы все сделаем.

С этими словами он тоже исчез, просто и незаметно, без всяких прыжков, щелчков, вращений и прочих телодвижений.

Я стояла на крыльце с огромным букетом в руках и чувствовала себя униженной и оскорбленной. Собственно говоря, у меня и раньше бывали времена, когда я себя чувствовала то униженной, то оскорбленной, но сегодня в своих ощущениях я вышла на новый качественный уровень. Пять минут назад молодой симпатичный парень сделал мне предложение руки и сердца, а две минуты назад другой молодой и симпатичный парень объяснил мне, что это было не более чем временное помрачение рассудка, которое не стоит внимания. А я как дура еще и возомнила о себе, сомневаться начала подходит не подходит. Надо было брать, пока давали, а потом уже думать. С такими мыслями я вернулась в избушку к остывшему чаю и

забытому Кощею. Впрочем, Кощей был мужчиной заботливым и галантным, и чаю он остынуть не дал, в чем я имела возможность убедиться, взяв кружку и сделав большой глоток. Рот обожгло и из глаз брызнули слезы как в американском мультфильме. Приличных слов в моем лексиконе не осталось, зарождающейся депрессии впрочем тоже. Было ли это побочным действием заботы Бессмертного комбинатора или он изначально именно на это и рассчитывал, осталось для истории загадкой, потому что мне сначала было не до этого, а потом уже не до этого. А Кощей своих замыслов без предварительных пыток не выдает, да и после пыток, если честно, не всегда откровенничает.

— Значит с Морозко все прошло хорошо? — вернулся Кощей к наболевшему у него, как только заметил по моим глазам, что я в состоянии слушать и говорить.

— Я только не поняла, зачем я моталась к Мюнхгаузену, если у вас дождь выделен в самостоятельную хоть и не совсем разумную личность? — Бессмертный явно переоценил мою стрессоустойчивость.

— А когда ты к нему моталась?

— Летом, когда затяжные дожди были. Меня Леший к нему послал.

— Прям так и сказал, иди-ка ты к барону?

— Нет, он просил меня решить вопрос с тотальным наводнением, грозившему его хозяйству. А до барона я сама додумалась. Вспомнила, что среди его многочисленных хобби водится разгон облаков и решила обратиться за помощью.

— Разумное решение, — дипломатично заметил Кощей.

Видимо памятуя о моей прошлой вспышке ярости, в этот раз он решил не напоминать мне о том, что должна знать каждая уважающая себя Баба — Яга. А мне подумалось о том, скольких синяков я могла бы избежать, если бы знала о трех ненормальных братьях, отвечающих за погодные явления. Еще мне подумалось о том, где можно почерпнуть все то, что я знать вроде как должна, но не знаю. Собственно на вскидку в голову приходило пока только два источника: Митрофан и инструкция для Бабы — Яги. Митрофан как источник знаний был удобнее, но удаленнее, Инструкция была ближе, но ее надо было читать, а когда, если постоянно Кощей со своими вселенскими планами. Надо, надо устроить себе литературный вечер.

— Ну так что еще Морозко сказал?

— Да ничего особенного. Посоветовал отрубить царевичу голову, — отмахнулась я от Кощея, погруженная в свои мысли.

— Как это? Чем ему царевич не угодил, Морозко же в кровожадности никогда замечен не был? — большие и

выразительные глаза Кощея стали еще больше и еще выразительней.

— Не, он не от кровожадности. Это он посоветовал, чтобы царевича разбудить. Сказал, что это самый верный способ. Если с поцелуем ничего не выйдет.

Кощей на минуту задумался, а потом радостно хлопнул себя по лбу.

— Точно, живая и мертвая вода. Как я сам сразу не додумался.

— Как я сам не додумкал, как я сам не дотумкал, — всплыла в моей памяти песенка без прочих опознавательных признаков. А еще весело всколыхнулось злорадство от того, что кто-то оказался таким же профаном как и я, а может и более, учитывая возраст и профессиональную подготовку этого кого-то.

— Тогда вообще проблем нет, — вещал тем временем Кощей, — достанешь нам по быстрому живой и мертвой воды, разбудим царевича и за оставшийся месяц завершим операцию молодильные яблочки. А там можно и в отпуск на пару недель.

Я же между тем решала мучительную задачу, сделать вид, что я не услышала фразы про «достанешь нам воду» и по примеру страуса спрятать голову в песок или же уточнить вопрос сейчас и гарантированно нарваться на новую работу. Из двух зол я выбрала третье и налила себя новый стакан чая. Нда с такими темпами я скоро не в одну дверь не войду: кругом сплошной стресс и ни одного спортзала с тренером для подкачки мышц.

— Ты о чем задумалась? Тебе план не нравится? — заметил Кощей мой отсутствующий вид.

— Да я вот думаю, если я закажу беговую дорожку и велотренажер, мне их хватит для поддержания фигуры или еще для пресса что-нибудь заказать?

Ушел от меня Кощей будучи твердо уверенным в моей неадекватности. Может оно и к лучшему, дисквалифицируют меня по состоянию здоровья и домой отправят, и уже другой жертве придется эту их воду искать. С такими мыслями я и заснула.

Проснулась я от того, что кто-то осторожно, но настойчиво тряс меня за плечо. Мой недопроснувшийся мозг хоть и не сразу, но довольно быстро сообразил, что в моей однокомнатной избушке будить меня некому. Мой безумный крик застрял у меня в горле, а все тело покрылось холодной испариной, пока очень богатое воображение рисовало мне картины возможного нарушителя моего сна и его причин, учитывая традиции местных богатырей сначала рубить головы, а потом разговаривать. К счастью, прежде чем мое богатое воображение стало причиной

моего сердечного приступа, рука, пытающаяся меня разбудить, появилась в поле моего зрения, и в слабом свете луны мне удалось опознать рукав форменной одежды красного солнца. Таким образом, остался открытым только один вопрос столь нестандартного пробуждения: зачем меня будят?

Интересно если солнце красное удосужился меня разбудить, то может он снизойдет до объяснений по какому поводу? Тем временем заметив, что я проснулась, мой «будильник» перестал меня трясти и начал нетерпеливо притопывать. Я свесилась с печи и с интересом уставилась на обутую в красный сапог ногу, видимую только до колена, которая действительно нетерпеливо постукивала по полу. Если бы мой мозг не был еще во власти сна, такое зрелище впечатлило бы меня намного больше, поскольку еще никогда я не видела ничего кроме рук своих помощников, сейчас же я просто зависла вниз головой, любуясь новым видом.

— Интересно, а у дня и ночи тоже есть ноги? — решила я прояснить волнующий меня вопрос.

— Ее величество соизволило проснуться, — раздался из темноты ехидный голос зеркала.

— А что случилось? У нас внеплановые ночные гости?

— А ты в окошко посмотри, — посоветовала вредная стекляшка.

Я решила последовать ее совету и нашарив на полу тапки, пошаркала к окну. За окном шел дождь. Он шуршал немногочисленными оставшимися на деревьях листьями. Он настойчиво, но осторожно стучал по крыше. Затейливыми дорожками сбегал по оконному стеклу.

— Дождь, — констатировала я очевидный факт.

Рядом со мной раздраженно прищелкнул пальцами Солнце, всем своим видом выражая недовольство моей несообразительностью.

— Дождь. Еще немного и наш корабль отправится в дальнее плаванье, — не прояснило ситуацию зеркало.

— Опять Барон что ли облака гоняет? Или циклон какой-то?

— Или у кого-то совсем мозги отказали.

— Ливень? — мелькнуло подозрение в моем просыпающемся мозгу.

— Бинго, — порадовалось зеркало моим успехам.

Но я уже не слушала. Пылая праведным гневом, я выскочила за дверь прямо под дождь и возмущенно закричала.

— Покажись вредитель.

Сероглазый красавец соткался прямо из капель дождя в шаге от меня. Выглядел он при этом очень довольным то ли собой, то ли ситуацией, то ли и тем и другим сразу. Уровень моей

взбешенности резко возрос.

— Прекрати это безобразие немедленно, — ткнула я в сторону дождя, заливающего мой огород.

— Конечно, все что захочешь, — улыбнулся вредитель и дождь тут же перестал.

— Что у тебя случилось? — вспомнила я о своих профессиональных обязанностях. Мало ли, может ему моя помощь нужна.

— Я просто хотел уточнить где ты предпочитаешь жить после свадьбы? Здесь или ко мне домой переберемся? И думаю тебе надо будет бросить эту твою работу, а то для мужней жены как-то неприлично чужих мужчин в доме привечать.

— А?

О этот русский язык, многогранный и многосмысловой, в котором даже простая буква «А» содержит в себе столько подтекста. В моем случаев буква «А» означала: Какая свадьба? Я действительно могу уволиться с этой работы? Прощайте грубые крики внеурочный утренний час! А на какую дату свадьба назначена? А где находится дом? А твоя мама против не будет? А финики-то финики-то где? И да простят меня многомудрые люди, но право слово, у какой девушки поднимется рука вот так сразу отказаться от свадьбы, даже и с психически неуравновешенным Ливнем.

— Нет, конечно если ты хочешь, можешь продолжать работать. В конце концов, работа у тебя уважаемая, нужная, если тебе так нравится, то я не против, — вот говорю же русский язык очень многогранный.

— Может в дом войдем, обсудим детали? — а вы попробуйте в одной шелковой ночной рубашке ноябрьской ночью на улице постоять, когда только что дождь прошел.

Ливень галантно распахнул передо мной дверь, чем слегка повысил свой рейтинг среди моих потенциальных женихов, но с другой стороны принимая во внимание какие у меня женихи, мой собственный рейтинг в моих глазах слегка упал.

— О гляньте на нее, — раздался все тот же ехидный глас, как только мы вошли, — уже по ночам мужиков в дом водит. А еще порядочной притворялась.

— А в чем проблема? Я по должностной инструкции мужиков вообще должна в баньке парить и на ночь в избушке оставлять. Так что все строго по обязанностям. А если кому-то не нравится, так кто-то может и не смотреть.

Нет, ну вот где логика спрашивается. То что я с тремя невидимыми мужичками в одной комнате живу ее не смущает, а то что я сейчас чай буду пить с потенциальным мужем, это стыд и

срам. Вот просто ради принципа хотелось бы понять алгоритм мышления местных.

— Ну давай рассказывай как ты дошел до жизни такой, что первой встречной Яге предложение делаешь, — начала я сеанс психоанализа, усадив гостя на лавку и разлив чай по чашкам.

— Как рассказывать? — удивился юноша нежный со взором горящим.

— С самого начала и подробно.

Вот говорила мне мама, что язык мой — враг мой, а я не верила. Я никогда еще не видела человека, который настолько буквально понимал бы мои советы. Ливень действительно начал рассказывать с самого начала и очень подробно. Он рассказал мне и про то, как у него впервые стали резаться зубы, и про то, как подшучивали над ним братья, и про суровые методы воспитания отца, и даже про то как не любил в детстве манную кашу. Хлебая пустой чай, потому что помощники мои добровольно на глаза не показывались, чтобы проявить заботу о моей персоне, а звать их было не прилично (сеанс все-таки), я невольно вспоминала выражение моего преподавателя по общей психологии: говорите, говорите, я вас не слушаю. А вот я бы и рада была не слушать, но не получалось. Наконец мы миновали детскую пору и перешли ко временам первой влюбленности и тут передо мной разверзлась бездна. В первый раз Ливень влюбился в небезызвестную Аленушку, у которой братец стал козленочком, но пока он думал как получше признаться ей в своих чувствах, какой-то витязь разобрался с Бабой — Ягой, спас братца и женился на красавице. Отвергнутый влюбленный был отправлен заботливым батюшкой на юга, для лечения разбитого сердца, и снова влюбился в какую-то друидку. Любовь была взаимной и счастливой ровно до того момента, пока юного Ромео не затребовали на родину. Юная красавица соглашалась ждать, но была категорически против поездки в неизведанные дали. Любовь к родине победила, и теперь уже Ливень лечил разбитое сердце в родных пенатах. В этот раз его избранницей стала Кикимора. Белокурая воздушная красавица, напомнившая ему его французскую любовь. В общем, диагноз был ясен. Ливень являл собой этого анти — Казанову, вечно отвергнутого влюбленного.

— Ну а я то тут каким боком? Решил добавить в свою коллекцию роковых красавиц еще и местную ведьму?

Ливень отвел глаза в сторону и стал увлеченно рассматривать пейзаж за окном. Так увлеченно, что в моем не особо сообразительном мозгу невольно родилось подозрение.

— То есть тебе надоело все время быть отвергнутым и ты решил что на безрыбье и Баба — Яга вариант? Так что ли?

— Вообще-то я довольно состоятельный парень, — послышалось робкое возражение. — А еще и не совсем урод.

— Ну да, — пришлось признать правду. — Я бы явно была не в проигрыше. Только вот мне до конца контракта запрещено замуж выходить. А ждать еще пару лет ты, наверное, не собираешься.

Мы синхронно вздохнули над своей горькой долей и тут меня осенило.

— Слушай, есть у меня одно средство. Все красавицы твои будут. Хочешь?

— Что за средство? — глаза напротив загорелись в буквальном смысле, в них вспыхнул маленький огонек.

— Яблочки волшебные. Кто яблочко съест, уснет сном непробудным. А разбудить его можно поцелуем.

— Истинной любви?

— Да нет. Просто поцелуем. Зато проснувшийся тут же влюбляется в того, кто его разбудил. Правда не знаю на какой срок. Ну думаю, чтобы до алтаря дойти их действия хватит. Ну так как берешь?

— Килограмм.

— Килограмм не дам, нету. Дам штуки три. Тебе хватит. Но в обмен на пару услуг.

— Каких? — прищурился Ливень, подозревая меня в страшной корысти.

— Во — первых, ты мне обещаешь, что не будешь приставать к Кикиморе пока она в родные болота не вернется. Знаю я тебя, сейчас с моего порога к Морозко рванешь и все мне испортишь. А Кикимора там важную миссию выполняет.

— Хорошо обещаю, — выдавил из себя влюбленный какое-то время спустя. — А второе условие?

— А ты мне поможешь и просьбу мою выполнишь. Какую просьбу еще не знаю, но в хозяйстве такое обещание иметь пригодится.

— Хорошо обещаю, если это будет в моих силах, я твою просьбу выполню. А если это будет не в моих силах, я сделаю все возможное, чтобы твою просьбу выполнить.

— Идет, — улыбнулась я и направилась в подвал за товаром.

— Дура она дура и есть, — поделилось зеркало своим мнением об уровне моего интеллекта, как только за ночным гостем закрылась дверь.

— А теперь по какому поводу?

— Вместо того, чтобы самой накормить его яблочками и выйти замуж, ты ему в руки отдала такое мощное оружие. Ну не дура ли?

— Ты его вообще слушала? — поинтересовалась я. — Он же психически не стабилен, кто знает как на него яблочки подействуют. Мне и одного влюбленного богатыря хватает. И потом, я же не все яблочки отдала. Большую часть я для себя сохранила, только ими пока пользоваться смысла нет. Вот через три года самое то. К тому же возможно и побочные эффекты к тому времени все будут известны. Если только Алеша не сгинет бесследно в ратных подвигах.

— Что я слышу, — впервые в голосе зеркало послышались нотки одобрения — наконец-то в тебе проснулось коварство, достойное истинной Яги.

Довольно рассмеявшись, я вернулась к столу. Всю ночь пить пустой чай это конечно хорошо, но иногда бутерброды бывают совсем не лишними. Складывая слоями колбасу, сыр и огурцы, я поймала себя на неприятном чувстве ответственности. Это чувство еще в раннем детстве привила мне моя мама, за что я никогда не была ей благодарна. Слишком уж портившим жизнь оно было. Но со времени моего переезда в леса оно молчало. Я уж было на радостях решила, что мое чувство ответственности и вовсе осталось в моем родном городе, испугавшись тягот переезда. Оказалось нет. Видимо оно было только оглушено, а теперь пришло в себя. Очевидно, это означало только одно, моя адаптация завершилась и теперь я была здесь не только сознательно, но и подсознательно. И меня это не радовало. Мне с лихвой хватало требующих моей заботы спасителей похищенных девиц, Кощея с его вечными планами, которые не могут обойтись без моего участия, и полного незнания местности и местных же реалий, не говоря уже о моих колдовских «умениях», и чувство ответственности и долга мне было совсем не нужно. Но как его отключить я не знала. Разве что еще пару раз затормозить ступой о ближайшие деревья, но это было бы слишком радикально. Я попыталась заесть этот гложущие меня червячок, но по мере поглощения бутербродов червячок рос и все громче заявлял о себе. Этот монстр буквально требовал, чтобы я достала свой справочник и выяснила где и как можно найти живую и мертвую воду, на корню губя мои намерения не заниматься этой проблемой, пока меня к тому не вынудят. В конце концов, если спустить все на тормозах, то возможно Кощей и сам озаботится ее решением. Ан нет. Проснувшийся монстр кричал мне о моих обязанностях и обещал отравить все минуты, которые я решусь потратить на безделье, если вода не будет найдена. Поняв, что я растолстею быстрее, чем внутренний голос замолчит, я снова направилась в подвал. В этот раз за справочником. И вроде бы где-то в темном углу у меня была припрятана бутылка

чистейшего самогона от Лешего. Пить или не пить, вот в чем вопрос. Впрочем, книга попалась мне на глаза раньше, чем бутылка самогона и вопрос решился сам собой, хоть и не самым приятным образом. Однако, как и положено ответственному человеку, получив искомое, я занялась поисками нужной информации. Правда в книге не было оглавления, что осложняла мою задачу, но нам не привыкать к трудностям.

— В жизни всегда есть место подвигу, но не всегда есть место для самообразования, — поделилась я своими наблюдениями с окружающими меня вещами.

Вещи хранили молчание, как и положено вещам. А может просто молчали из вредности, кто эти местные артефакты разберет. Я листала книгу, попутно отмечая как много тут полезных заклинаний, которые мне не мешало бы выучить, а потом мой взгляд зацепился за раздел полезных советов. Ту его часть, где описывались способы запугивания добрых молодцев и я зачиталась. Тут писывалось все, начиная с внешнего вида и заканчивая методами посадки на лопату для засовывания в печь. Очень интересно и крайне полезно. Я предвкушающее улыбнулась, вообразив как я теперь буду разделываться с желающими отдохнуть за чужой счет. Правда для начала мне надо было решить вопрос с желающим за чужой счет поработать. После сотого перелистывания одних и тех же страниц мне наконец-то повезло, и нашла упоминание о воде. «Из бороды отца вод течет три реки. Несут три реки в себе три воды. Одна вода дарует прохладу, вторая вода дарует покой, третья вода дарует пробуждение.» Той же самой рукой, которая вывела формулу Эйнштейна на полях этой книги ранее, между строк было написано «Питьевая вода, мертвая вода, живая вода». Не верить своей предшественницы причин у меня не было. Правда возникал вопрос с нахождением таинственного отца вод, но может быть местные знают где он живет. Это постоянная игра в угадай мелодию, которую вы никогда прежде не слышали, мне уже стала надоедать. Стоило еще раз внимательно перечитать контракт, может быть мне повезет найти пару пунктов и вернуться в цивилизацию раньше чем через три года.

Знаете, когда вам а) уже за тридцать, б) у вас нет детей, в) у вас нет мужа, г) у вас нет парня и не предвидеться и д) у вас вообще не очень радужные перспективы на будущую жизнь, то стоит, пожалуй, задуматься о причинах и следствиях, пойти на курсы по развитию женской энергии, записаться на прием к психологу и начать читать Зигмунда Фрейда и Карла Юнга в попытках найти то самое не так, которое портит всю жизнь и лишает возможности хвастаться перед подружками. И, во всяком

случае, не пестовать свою страсть к романтизму и неприличную для такой взрослой женщины наивность. О моя былая наивность, заставлявшая меня мечтать о волшебных приключениях и воображать себя на месте счастливых попаданок в иные миры. В своих мечтах я всегда была красивее и, конечно же, умнее главной героини. Я не допускала глупых ошибок и ненужных истерик, я была верной опорой спасающему меня герою и достойной избранницей королей. Могла ли я думать, что действительность будет так отличаться от мечты. Право слово, даже воображая себя ведьмой, я никогда не думала, что в результате мне достанется должность Бабы — Яги, этакого вечного пугала зеленого леса. Да вдобавок еще и ограниченной в своих любовных возможностях не только условиями контракта, но и полным отсутствием адекватных кандидатов. Хотя кто знает, насколько адекватны были мои книжные возлюбленные. Слабое, но единственное утешение в моих трудах. Печальные мысли вновь посетили мою ни в каком смысле не светлую голову, пока я сидела в погребе, в окружении молчаливых вещей, и перелистывала книгу. Видимо, различные погреба, подвалы, подземелья и прочие под чего-то там сооружения всегда обладали надо мной какой-то таинственной властью, будя во мне тягу к философствованию и рефлексии. Так и тянуло меня надеть на себя какую-нибудь хламиду и удобные тапочки и начать бормотать себе под нос в лучших традициях безумных ученых, но труба звала к иным свершениям. Впрочем, этот вариант стоит, пожалуй, оставить как запасной.

Оставив книгу на прежнем месте, чтобы не искушать себя лишними знаниями, я выбралась наверх и сразу же прибегла к стратегической лести.

— Свет мой зеркальце, скажи, — напела я любимое обращение вредного зеркала.

— Да да? — откликнулся довольный голос.

— Свет мой зеркальце, скажи, а не знаешь ли ты кто такой отец вод и где его можно найти?

— Я все знаю, спору нет, открою я тебе секрет, — удовольствие в голосе зеркало можно было руками потрогать. — Отец вод дает начало всем водам земли и неба, а найти его можно там, где встречаются гром и молния.

— Весьма познавательно, но абсолютно бесполезно. А теперь давай нормальным языком все то же самое.

— Послали же на мою голову бескультурную бестолочь, простых вещей не понимает, — посетовало зеркало.

— Я не виновата, если вы в своей культуре от всего мира лет на сто отстали, если не больше. Что за ужасная манера

изъясняться словом о полку Игореве. И десять коршунов напали на десять лебедей и заплакала голубка и разнесся ее плач над градом. К чему такие сложности. Пока доберешься до сути, уже полночь будет.

— А вам все бы телеграфным стилем общаться. Никакой поэзии.

— Так где искать этого отца вод?

— У дружка своего спроси, — съехидничало зеркало.

— У какого еще дружка?

— У Ливня. Этого его отец, — и зеркало снова почернело, давая понять, что все разговоры закончены.

— Нда, а кажется запрошенная помощь этого нервного красавца потребуется мне много раньше, чем я рассчитывала.

Но мой комментарий остался без ответа. Зеркало предпочло принципиально хранить молчание, вместо того, чтобы вылить на мою голову очередную порцию яда, а прочим невидимым обитателям дома не было никакого дела до моих проблем. Послонявшись пару минут по комнате, я решила выйти на свежий воздух и проведать сидящего в засаде Серого Волка.

— Как дела? — поинтересовалась я, усаживаясь рядом с развалившимся на куче листьев Серым. — Есть прогресс?

— Тело лежит и не шевелится, — проинформировал он меня. — Хочешь посмотреть? — и Серый подвинулся, обеспечивая мне доступ к точке обзора.

Примостившись с ним рядом на животе, я принялась обозревать открывшиеся мне виды. На небольшой полянке, на по — осеннему пожухлой траве, укрытой опавшими листьями, без всякого возвышения, этот момент Кощей оговорил особо, аргументируя тем, что наши потенциальные спасительницы будут в длинных платьях и сарафанах и им будет не удобно лезть на верхатуру за поцелуями, стоял хрустальный гроб, мой старый знакомый по делу Белоснежки. За хрустальными прозрачными стенами угадывался человеческий силуэт, но разглядеть детали на таком расстоянии с моим зрением мне было не дано. Однако я прекрасно помнила как он выглядел раньше и сильно сомневалась, что царевич радикально изменился за без малого месяц. Невдалеке от нас среди деревьев виднелась группа девушек, которая что-то обсуждала. Судя по мелькавшим нарядам, эта была та самая партия, которая прошла через мои руки три дня назад.

— Нда, не быстро тут у вас, — заметила я, возвращаясь на исходные позиции и уступая место законному владельцу.

— Как говорится, быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается.

— Ну не знаю, я себе это по — другому представляла.

— И как?

— Я думала, одна подходит, целует, не видит результата, отходит, подходит другая, целует, ну и далее ты понял.

Волк заржал. Вот честно, прям как Сивка — Бурка. Он даже на спину перевернулся и затряс в воздухе лапами, чтобы нагляднее продемонстрировать, как я его развеселила. Я обиделась и уже хотела его чем-нибудь стукнуть, чтобы тоже было наглядно, но вспомнила, что Серый вообще-то делает мне одолжение, находясь тут на посту N 1, и я стала спокойно ждать, когда он успокоится. Наконец приступ безудержного веселья прошел и Серый сел.

— Ну ты даешь, — насмешливо фыркнул он. — Это же не Макдональдс какой-нибудь. Тут можно сказать судьба решается, станет какая-нибудь красавица спасительницей царевича и победительницей коварной Бабы — Яги или нет. Просто так не подойдешь и не поцелуешь. Сначала надо стратегию разработать, тактику обдумать, в порядок себя привести в конце-то концов, а потом уже и вперед. Вот ты бы на их месте разве хотела бы перед царевичем чумазой предстать.

— Я бы на их месте вообще в лес не лазила.

— Ты и на своем месте никуда не лазила, — просветил меня мой внутренний голос. — И в результате, что мы имеем. Полное отсутствие личной жизни и перспектив на нее.

Я прикусила губу, но Серый, к счастью, расценил мою реплику по — другому.

— Ты права, я бы тоже лучше сразу царя в оборот взял, тем более, что он вдовец, но сии красавицы пошли более долгой дорогой.

— Да уж, и поэтому они тут стоят в кустах и думают целовать или не целовать, и если целовать то как, — фыркнула я.

— Так без раздумий у нас только герои всякие целоваться лезут. Хотя и хорошо, что без раздумий, а то в противном случае и целовать бы не стали.

— Да ты Серый — философ.

— Приходится.

Я развалилась на куче листвы, пристроившись спиной к теплому боку, и какое-то время просто смотрела в небо, ища в проплывающих облаках знакомые образы. Серый мне не мешал.

— А мне сегодня ночью Ливень предложение сделал, — похвасталась я.

— Не соглашайся, — в голосе Серого послышались рычащие нотки.

— Почему? — нет, я конечно и так отказала, но хотелось бы услышать аргументы еще одной стороны.

— Он еще подросток. Эмоционально нестабильный, неуравновешенный, влюбчивый, оно тебе надо?

— Какой еще подросток? — нелепость заявление заставила прямо-таки уткнутся в серую морду. — Я видела подростков и Ливень на них совсем не похож. Он выглядит как вполне себе взрослый мужчина.

Серый недовольно фыркнул и немного отполз от меня.

— Ты забываешь, что они своего рода овеществленные силы природы и к ним применимы немного другие критерии взросления — просветил меня Серый. — Возможно, с подростком я немного и погорячился, но он все равно еще безусый юнец, не способный заботится о семье.

— А мне его отец нужен, — поделилась я своими заботами.

— Хочешь познакомиться с семьей потенциального супруга?

— Хочу у него воду попросить, живую и мертвую.

— Зачем тебе?

— Чтобы царевича разбудить, — тут до меня дошло, что Серый не в курсе наших открытий. — Точно, ты же не знаешь, сейчас я тебе расскажу.

И я рассказала ему все по порядку, начиная с того момента, как ко мне пришел Кощей с требованием отправится к Морозко, а уж последний подсказал выход из этого любовного тупика.

— Так что мы решили действовать несколько радикально,

зато наверняка. Как только добудем воду.

— Ясно. Значит будешь у Ливня помощи просить?

— Ну а кого еще? Где этот отец вод обретается я понятия не имею, а искать его у меня ни малейшего желания нет, так что попрошу Ливня мне пару бочек притащить. В счет так сказать свободы от его предложения.

— Вот не сочти за плохое предсказание, но чую я, что тебе самой придется у его отца себе две бочки выпрашивать, — обрадовал меня Серый.

— Не каркай. Лучше подержи за меня кулаки.

— У меня пальцев нет, как я их тебе держать буду? — обиделся Серый на мою издевку.

— Зато представляешь, как мне будет везти, если у тебя это получится?

Оставив последнее слово за собой, я направилась в сторону своей избушки. Если мне повезет, то кто-нибудь из моих помощников уже успел приготовить вкусный обед.

Все-таки у моих помощников стальные нервы. Я давно это подозревала и имела возможность убедится в этом в очередной раз, открывая дверь в свою скромную обитель. Ночь, который видимо сегодня был дежурным, как раз накрывал на стол, когда я вошла, напевая с детства знакомую песню «Темная ночь, только пули свистят в темноте…» Руки в черном даже не дрогнули, выставляя на стол дымящийся горшочек. А вот интересно, они вообще обязаны мне еду готовить или это они на добровольных началах обо мне заботятся? И что вообще входит в обязанности этих троих невидимых парней, кроме непосредственных, связанных с их именами. Интуиция мне подсказывала, что это тоже было где-то написано, и вероятнее всего в той самой инструкции, которую я спрятала от себя в подвале, но коль скоро прямой насущности в устранении этого белого пятна у меня сейчас не было, я поставила мысленную галочку прояснить этот вопрос, и направилась к столу. Тем более что моего внимания ждал наваристый борщ и теплый, только что из печи, хлеб. Мечта о фигуре модели и тонкой осиной талии слабо встрепенулась на краю сознания и тут же капитулировала перед аппетитными запахами, убедив себя, что ступа и метла это очень хороший тренажер, и на следующие полчаса я уплыла в нирвану.

Какое-то проклятие лежит на моем обеденном столе, подумалось мне, когда в мою одиночную идиллию вмешалась моя болотная подруга. Я медленно и тщательно пережевывала и думала о прекрасном, когда яблочко встрепенулось и резво побежало по тарелочке, донося до меня полный счастливого придыхания голос Кикиморы, вызывающей меня на связь.

Почему? Ну почему? возник в моей голове закономерный вопрос, как только я сажусь завтракать или обедать, кого-то сразу приносит нелегкая. Не раньше, не позже. Специально они там все что ли за моим распорядком дня следят, чтобы иметь возможность мне его испортить по максимуму. Я работала здесь всего ничего, но и у меня уже возникло стойкое желание сбежать, что уж говорить о настоящей Бабе — Яге. Удивительно не то, что она сбежала, а то, что она не сделала этого на пару сотен лет раньше. Тем не менее, пока я предавалась печальным раздумьям, Кикимора продолжала меня звать. Видимо ее желание поделиться счастьем было слишком огромным и неумолимым. И мне оставалось только смириться и стойко выдержать этот удар. Я махнула рукой и яблочко включило картинку.

— Ягушенька, как я рада тебя видеть, — расплылась Кикимора в улыбке.

— Привет, — кивнула я, думая о том, что либо Кикимора была не настолько счастлива, чтобы забыть о моем существовании, либо ее желание утереть нос ближнему было сильнее счастья.

— Как у вас там дела с царевичем?

— Тело лежит и не шевелится, — вспомнила я отчет Серого.

— И никаких успехов?

— С телом никаких. А тебе зачем?

— Понимаешь, Морозко немного волнуется. Время идет, ему тоже надо дальше идти. Зима тоже не может вечно задерживаться, но если тебе надо, я попробую его уговорить отложить свой приход еще немного.

— Спасибо, — улыбнулась я, хотя подозреваю, что улыбка эта была больше похожей на некий оскал. — Твоя жертва не останется незамеченной.

— Ну что ты, какая жертва, — рассмеялась Кикимора. — Ты же моя подруга, ради тебя я на все готова.

— Родина тебя не забудет, — пообещала я ей. — Если что, я позвоню.

И я весьма невежливо разорвала связь. В крайнем случае спишу это на яблочко, оно у меня нервное, это все знают, иногда сбоит. А иногда сбоит очень удачно, вот как сейчас. Я бы его с удовольствием расцеловала, если бы не боялась довести таким проявлением чувств до инфаркта. Желание отрубить царевичу голову из смутного и неопределенного верно и совсем не медленно перерастало в четко оформившееся намерение, реализовать которое необходимо было в ближайшее время. А значит, пора привлекать третью сторону.

— Ливень, — позвала я, стоя на крыльце своей избушки,

кутаясь в дождевик. — Ливень выходи.

Ответом мне было не только молчание, но и полное отсутствие каких бы то ни было признаков сероглазого должника. Ливень не появился и спустя двадцать минут непрерывного крика, сдобренного обещаниями страшной кары и попытками подкупа. Никому верить нельзя.

— Ветер, ветер, ты могуч. Ты гоняешь стаи туч, ты волнуешь сине море, всюду веешь на просторе. Не боишься никого, кроме бога одного. Аль откажешь мне в ответе? — запричитала я самым тоскливым голосом, на который я была способна (а способна я была на многое).

— Постой, — раздался знакомый голос и через минуту напротив меня материализовался знакомый усатый серо — голубой средний брат, коварного обманщика. — Что за вопрос?

— Не видал ли где на свете брата младшего своего? Он должник мой.

— ? — подвижная фигура словно замерзла от удивления.

— Ну, так как?

— А что за долг? — поинтересовался братец.

— Услугу одну он мне должен, вот хотела взыскать, а он не откликается. Или обмануть решил?

— Постой. Он в далекий путь отправлен нашим батюшкой с утра. Может статься, что не слышит зова твоего пока. Коль нужда твоя остра, расплачусь за брата я.

— Коли сможешь мне помочь, долг спишу я с брата прочь, — надеюсь прозой этот тип тоже понимает, а то я на рифмах далеко не уйду.

— Что мне делать расскажи, не томи моей души, — а парень-то упертый.

— Два бочонка принеси живой и мертвой мне воды.

— Что? — моя взяла, позлорадствовала я на этот удивленный возглас.

— Мне нужна живая и мертвая вода. Будь добр достань ее для меня.

— Два бочонка?

— С запасом, в хозяйстве всяко пригодится.

— Но зачем?

— Подробности в условия сделки не входили. Ну так как? Ты мне поможешь или пришлешь своего брата?

— Я сделаю, что смогу, — нахмурился Ветер. — Жди.

С этими словами он исчез, а я вернулась в помещение. Все-таки делегирование полномочий это мощное оружие в борьбе с работой.

Ночью мне не спалось. То ли я выспалась, хотя когда бы я

успела, то ли перенервничала, хотя когда у меня был хоть один день без нервов, но так или иначе сна не было. Я вертелась на своей печке и считала по очереди овец, баранов, богатырей, баронов, звезды. Я даже спела себе пару колыбельных песен. Безрезультатно. Как говорилось в сентиментальных романах прошлого: сон бежал от меня и догнать его у меня не получалось. Возможно дела шли бы лучше, если бы за окном не выл ветер. И когда я говорю «выл», я имею ввиду не легкое дребезжание трубы и шелест листвы, а почти что волчье завывание. Звуки, которые просто не могут способствовать приятному сну. Одновременно с созревшим желанием встать и заняться чем-нибудь, раз уж все равно не спится, в мою дверь постучали. Вспомнив парочку особо удачных фраз по отваживанию незваных богатырей, вычитанных мной недавно, я распахнула дверь и задохнулась от ударившего в лицо воздуха.

— Сколько можно тебя звать? — возмутился Ветер, оказавшийся источником стука.

Вот эти волчьи завывания он называет позвать? Слов нет. Определенно в этой семейке не только младший братец нуждается в помощи психолога. Им прям групповую терапию можно заказывать.

— Ну? И долго мне еще ждать? — Ветер скрестил руки на груди и уставился на меня обвиняющим взглядом.

— Чего ждем? — скопировала я позу и взгляд.

— Жду, когда ты уже пойдешь за водой, — да, а маразм то крепчает.

— А теперь с самого начала и подробнее, — щелкнула я пальцами прямо перед высокомерно задранным носом.

Ветер вздрогнул и кажется спустился с небес на землю. По крайней мере, дальнейшая его речь имела хоть какой-то смысл.

— Ну ты же просила живую и мертвую воду?

— Просила.

— Ну дело в том, что отец ее мне не дал. Я его сегодня весь день уговаривал, а он уперся как последний… и ни в какую. Мне только и удалось его уговорить, с тобой встретится. Так что я тебя провожу, а там сама попытайся. Других вариантов у меня нет.

А с другой стороны, не зря умные люди говорят, хочешь что-то сделать хорошо, сделай сам.

— Пошли, — обреченно вздохнула я и Ветер запел.

— Братец месяц от порога проложил тебе дорогу, ты смелей по ней ступай, на встречу солнцу поспешай.

А затем в небе, точно напротив моей избушки, появился месяц, и осветил прямым, как у прожектора, лучом мое крыльцо. Пятно света несколько секунд висело в воздухе на уровне

крыльца, а затем вытянулось до горизонта серебристой тропинкой, зависшей прямо в воздухе. Это было очень красиво. Завораживающе. Так и хотелось взять в руки кисти и краски и начать рисовать эту лунную дорожку, разлитую в лесном море. Или переложить эту красоту на музыку, зашифровав ее языком нот. Много чего хотелось сделать, кроме одного. Становится на эту дорожку и шагать по ней в неведомую даль. То есть не хотелось делать именно то, что мне видимо делать предстояло. В прежней жизни, той самой, где я была серенькой секретаршей в серенькой фирме и каждый день мечтала о новой жизни, я не боялась высоты. Нет, я, конечно, не прыгала с парашютом, не залазила на крыши небоскребов без страховки, но и, стоя на балконе девятого этажа и глядя вниз, не падала в обморок. И вообще высота мне нравилась, если в наличии имелись правильные средства индивидуальной защиты и страховка, но здесь, здесь я начинала высоту ненавидеть. Сначала ступа без ремней безопасности, потом стеклянный мост до острова Буяна, теперь вообще дорожка из света. У каждого человека есть предел стойкости, и мой был где-то очень недалеко. Вот буквально на расстоянии шага. Желание просто отрубить царевичу голову, без всякой воды, стало практически маниакальным. У меня даже руки зачесались. А Ветер смотрел на меня, радостно улыбаясь, и настойчиво призывая идти вперед.

— Может я ступу возьму? — внесла я рациональное предложение (мирится лучше со знакомым злом)

— Нет, ступу нельзя. К нам только по лунной дорожке можно пройти. Еще можно пройти по дождевой дорожке, по облакам и молниям, но они совсем не удобные. Мы с братьями посоветовались и решили что лучше лунная.

— С братьями? — я решила тянуть время до последнего.

— С Громом и Месяцем. Он тоже наш брат. А Ливень еще не вернулся.

— Какая у вас семья большая. Дружная наверное?

— Дружная. Но свои ссоры тоже бывают, куда ж без этого. Вот например…

Мой замысел почти удался, но братец месяц бросил еще один луч на лицо Ветра и тот опомнился.

— Что же ты стоишь? Ступай на дорожку и иди. Месяц тебя сам выведет куда надо. Это недолго, не волнуйся.

Я поняла, что отступать мне некуда и вообще надо доказать этим местным, что человек цивилизованный еще способен на что-то большее, чем виртуальные подвиги в компьютерном мире. Я глубоко вздохнула, досчитала до десяти, закрыла глаза и сделала шаг. Дорожка мягко спружинила под моими ногами, как

резиновый мягкий коврик. Продолжая медленно и глубоко дышать, я осторожно открыла глаза и, стараясь не смотреть под ноги, двинулась вперед.

Вы, наверное, замечали, как отличаются друг от друга город дневной и город ночной. Стоит ночи опуститься на знакомые до малейших деталей улицы, и ты словно попадаешь в другой незнакомый мир, ориентирами в котором служат освещенные витрины магазинов. Лес ночной отличался от дневного леса еще сильнее, и мерцающая дорожка под моими ногами скорее усиливала эту разницу, а не уравновешивала различия. Еще утром такие безобидные милые березки обернулись корявыми монстрами, тянущими ко мне свои руки — ветви. Где-то недалеко мрачно и зловеще ухал филин и, казалось, что весь лес шепчется за моей спиной, предрекая мне несметные ужасы. Я не срывалась на бег, только потому, что знала — далеко не убегу. Не потому что мои преследователи бегают быстрее (хотя бегать быстрее меня вообще не сложно), а потому что моего запала надолго не хватит, и я свалюсь метров через сто. Ну и потом какая — никакая гордость не позволяла так позориться. Нет, я не возлагала все свои надежды на благородство братца месяца, просто я верила в то, что такой ценный и важный кадр, как Баба — Яга, будут беречь. Ну должен же человек верить хоть во что-то, шагая по ночному лесу на встречу с незнакомым мужчиной.

Дорожка бежала между деревьев, плавно поднимаясь вверх и полого спускаясь вниз, извиваясь и петляя, и пейзаж по обеим ее сторонам менялся быстро, как прокручиваемые на высокой скорости картинки. Чтобы как-то скрасить свое путешествие я напевала под нос все детские песенки, которые могла вспомнить и старалась не вертеть головой, помня о своей склонности к морской болезни. Наконец дорога сделала плавный поворот, и я оказалась перед водопадом. Падающий с какой-то невообразимой высоты он сверкал и переливался всеми цветами радуги подобно драгоценному камню, и я даже обрадовалась, что мне не пришлось увидеть при солнечном свете, потому что даже сейчас в приглушенном сиянии месяца свет его был пусть и мягким, но ослепительным. А еще водопад пел. Тысячи струй, сталкиваясь между собой, наполняли воздух мелодичным перезвоном. Я стояла в облаке мельчайшей взвеси сверкающей воды, открыв рот и любуясь этим светомузыкальным представлением и забыв самое себя, пока не услышала весьма язвительное:

— Милый наряд. Тебе идет.

Я машинально себя оглядела и только тут до меня дошло, что в гости я отправилась в том же, в чем выскочила из дома, а вернее прямо из кровати. На ногах у меня были теплые махровые носки в

красно — белую полоску, которые я надевала, чтобы не мерзли ноги, а верхняя часть наряда была представлена трикотажной кофтой от пижамы. Причем для удобства кофта была на размер больше. И к тому же была она вся в веселых розовых слонятах. В общем тот еще наряд для соблазнения. Возможно голые ноги и добавляли в мой образ некоторую сексуальность, но отсутствие прически и макияжа сводило этот эффект на нет. Давно я не чувствовала себя так неловко, примерно со времен начальной школы.

— Особенно слоники. Прямо под цвет глаз.

Видимо только в этой перевернутой реальности розовый был самым выгодным цветом для обладательницы карих глаз.

— Доброй ночи, — решила я начать с вежливости.

— Доброй ночи, — голос сменил язвительность на улыбку.

А потом передо мной появился он. Прямо из водопада сформировалось благообразное (более подходящего слова и не придумаешь) лицо, нос с горбинкой, немного раскосые глаза и роскошная борода, состоящая из тех самых поющих и сверкающих струй.

— Обалдеть, — присвистнула я. — Вы просто потрясающий.

— Спасибо за комплимент, — рассмеялся водопад. — Значит вот ты какая, новая Баба — Яга. Забавно.

— А вы хорошо были знакомы со старой? Дружили семьями?

— Ну что ты. Зачем бы мне это было нужно. Тратить свое время на тех, кто здесь ненадолго. Вот с настоящей Ягой мы пару раз общались, пока она в бега не подалась. Да и то ужасно скандальная была особа, так что семьями мы не дружили. Знаешь, есть такие особи, которых в гости приглашать не хочется, вот Яга из таких и была. Не очень приятный в общении человек, хотя ведьма знатная.

— Да. Все так говорят, — я замолчала, не зная как перейти к сути вопроса, но водопад решил пойти мне на встречу.

— Ну розовый слоник, — добродушно усмехнулся отец вод, — что привело тебя ко мне?

— Живая и мертвая вода. Вы даете ей начало и только вы можете ей поделится.

— Первый раз за водой ко мне приходит Баба — Яга. Ты и правда забавная, розовый слоник.

— Да не может быть? Что за все время никому эта вода не понадобилась?

— Почему же. Много кому. Только ко мне приходили те кому она была нужна. Баба — Яга им говорила где брать воду и они приходили ко мне.

— Бедный, — меня затопило сочувствием, стоило мне

представить толпы богатырей и прочих героев, приходящих сюда в любое время дня и ночи и нагло требующих необходимое. Мне это было до боли знакомо.

— Да уж, — хмыкнул водопад. — Но по большей части они были весьма милы. И к тому же те кто преодолел трудности и смог меня найти заслужили право получить просимое.

— Трудности? То есть они сюда не по лунной дорожке добирались?

— Да ты что, — захохотал отец вод, а лунная дорожка подо мной оскорблено дрогнула, словно сама мысль о том, что кто-то может ей пользоваться как транспортным средством была оскорбительна, — чтобы меня найти, надо пройти через безводные пустыни и выгоревшие степи, проскочить между двух сталкивающихся гор и не заблудится в заповедном лесу. Ты же не думала, что мои сыновья каждому оказывают такую услугу как тебе?

— Нет, не думала. Я вообще об этом не думала, — призналась я, впечатленная тем, каких трудностей мне удалось избежать.

— Да уж, не знаю, что ты сделала для моих мальчиков, но они меня чуть ли не умоляли тебе помочь. Так зачем тебе живая и мертвая вода?

— Ну вообще-то это долгая история, но если вкратце, для того чтобы разбудить Ивана, младшего сына царя Берендея, которого я случайно заколдовала неизвестно чем.

— А как же поцелуй любви?

— Увы, царевич еще не успел никого полюбить, потому как зело молод. Ну или занят был чем-то другим.

— Допустим. Но зачем тебе так много воды, целых два бочонка? Таким количеством все Берендеево царство напоить можно.

— Правда что ли? — изумилась я. — Ничего себе концентрация.

— Качественный продукт, — улыбнулся водопад. — Так может бутылочкой удовольствуешься? — в голосе послышалась легкая подначка.

— Хотелось бы все же бочонок, если можно. Ну знаете, мало ли какая еще будет ситуация. В хозяйстве пригодится. Обещаю никому не давать. Пожалуйста, — я прижала руки к груди и посмотрела на отца вод в лучших традициях Дамбо, чтобы гармонировать со своим нарядом.

— Дам тебе два бочонка каждой воды, если обещаешь ее сама раздавать, а не отправлять ко мне.

Предложение было заманчивым и, как всякое заманчивое

предложение, содержало в себе червивую начинку. Если местные прослышат о том, что у меня есть эта вода, количество желающих посетить мою скромную обитель возрастет в геометрической прогрессии. С другой стороны, если я откажусь, то неубывающий поток молодых девушек так и будет вести свою перекличку под моими окнами. И вот вроде бы с одной стороны девушки меньшее зло, потому как воспитанные и всяко от них меньше вреда, но с другой стороны Кощей мне покоя не даст, пока царевич не проснется, и вполне возможно, что мне снова нужно будет идти к этому водопаду, только на этот раз через пустыни, степи и горы. Малоприятная перспектива. Я попробовала погрызть ногти, чтобы легче думалось, но так как никогда не имела такой привычки, то и в этот раз мне не повезло. Отец вод меня не торопил, понимая перед каким выбором меня поставил.

— Согласна, — рубанула я. — Две бочки каждой воды и возможность получить еще, когда эти закончатся.

— Торгуешься?

— Жертвую собой.

— Договорились.

Отец вод кивнул, тысячи струй взметнулись в небо, скрыв от меня лицо, а затем обрушились на меня, на мгновение оглушив и ослепив, а затем все исчезло. Я по — прежнему стояла на лунной дорожке перед великолепным водопадом, в сухой одежде, а рядом со мной стояли четыре бочки, выше меня в высоту и в три моих обхвата в ширину, с прикрепленными к ним табличками «Живая вода», «Мертвая вода», и все. Видимо сильно его достали страждущие, раз отец вод так расщедрился, но мне ли быть неблагодарной.

— Спасибо, — я слегка поклонилась в сторону водопада и развернулась в сторону дома.

Братец — месяц видимо понял, что пешая прогулка отменяется, и дорожка медленно двинулась сама, постепенно набирая скорость.

Добыть ценный продукт — это половина дела, вторая половина — это ценный продукт сохранить. Именно над местом потенциального склада я и ломала голову всю обратную дорогу и ничего другого кроме сарая, в котором хранилось сено для Сивки — Бурки, удумать не смогла. Нет, конечно сначала я хотела засунуть бочки в свой подпол, до того как я эти бочки увидела (они раза в два превышали размеры моего подвала), в бане возникал риск использования волшебной воды не совсем по прямому назначению, а на открытом месте они становились прекрасной мишенью для всех мимоходящих. Ох нелегкая эта работа чахнуть над чем-нибудь. Братец месяц был на диво милым

парнем и просьбу мою выполнил: подвел дорожку прямо к сараю и даже завел ее внутрь, аккуратно поставив бочки возле стенки. После чего незаметно растворился в космических ночных просторах. Идеал мужчины. Оставшись наедине с сокровищем, я решила присмотреться к нему внимательнее. Сокровище представляло собой, как уже говорилось, большие бочки, необъятные и выше меня, с видимой мне стороны к каждой была прикреплена аккуратная металлическая табличка с надписью «Живая вода» и «Мертвая вода» соответственно, а под табличками были небольшие краники, видимо для удобства использования. Я присвистнула, вернее попыталась. Внимательность и забота Отца вод впечатляла. Хотя если бы мне пообещали избавление от страждущих, я бы может тоже саморучно ковер соткала в подарок (хотя кому такой ковер мог бы понадобиться, конечно, вопрос). Но, тем не менее, я еще раз громко поблагодарила и отца вод и месяц и направила свои стопы в баню. Кому-то мой выбор покажется странным, но с другой стороны спать мне после таких путешествий не хотелось, а парилась я последний раз просто неприлично давно по местным меркам. Так что чем еще заняться в лесной глуши одинокой девушке, которая все еще заботится о своей талии. Только мыться. Тем более, что к новой встрече с Кощеем стоило подготовиться и достичь состояния дзен, которое у русского человека достигается только в бане. С этой мыслью я распахнула двери заветного помещения и громко позвала:

— Дядя Кузьма, принимай гостей, я мыться пришла.

Где-то загремела падающая с лавок посуда и послышалась неразборчивая брань. Но была ли она неразборчивой по причине толстых бревенчатых стен отделяющих меня от источника брани или из-за особенностей местного воспитания, не позволяющего ругаться бранными словами в присутствии женщин, так и осталось для меня тайной.

— Совсем с ума сошла ночью парится?

На пороге основного парильного помещения возник дядя Кузьма, местный банник. Собственно первое время, даже после заключения своеобразного договора о взаимопомощи, банник не показывался мне на глаза, предпочитая действовать исключительно в образе незримого духа. Думаю причиной того была его природная скромность и стеснительность. Банник был невысокого, даже маленького роста, был он большей частью гол и весьма лохмат. И видимо в силу этого считал неприличным попадаться мне на глаза, дабы не смущать мои взоры. Я в свою очередь из уважения к чужим принципам и возрасту не стала просвещать милого старичка о нравах, царящих в моем веке и процветающем культе обнаженного тела. И его нервы целее и мне

спокойнее на предмет подглядываний.

— Дядя Кузьма, постыдись, я уже две недели у тебя не парилась. Имею права порадовать свою душеньку, тем более, что неизвестно когда опять доведется.

— Но не ночью же, — возмутился банник. — Ты вообще в курсе, что я по инструкции ночных посетителей пугать должен и всячески стараться со свету сжить?

— Правда что ли? — таких подробностей я не знала.

— Что ли правда. Я прямо-таки должен вредить всем кто заходит в баню после захода солнца, ну еще после двух — трех смен парящихся, но это не наш случай. А ты среди ночи являешься.

— Дядя Кузьма, если еще и вы мне вредить начнете, то я у вас сгину — пропаду раньше контрактного срока. Мало на мою голову Бессмертного семейства с зеркалом и богатырями, так вы еще эту картину дополнить хотите? Пожалейте молодую Ягу не опытную, по дурости своей в неприятности попадающую, доброго слова от окружающих не слышавшуюююю, — начала я тихо подвывать, все более и более проникаясь жалостью к себе болезной.

Банник очень живописно скривился, как и всякий мужчина при виде подвывающей женщины, и сдал свои позиции.

— Только если ты ночными купаньями злоупотреблять не станешь, — строго предупредил он.

— Да не вжисть, — заверила я и принялась разоблачаться.

Уже через пять минут я в позе морской звезды нагревалась и отмокала на удобных полках, а рядом со мной запаривался в горячей воде березовый и дубовый веники и воздух вкусно пах яблоками. Красота. Турецкие хамамы, в которых вас натирают жесткой перчаткой, сдирая кожу до тех пор пока вы не будете готовы выдать даже те секреты которые не знали, финские сауны, в которых можно переползать с полки на полку регулируя уровень нагрева тела и неторопливо обсуждать новости шоу — бизнеса и политики, японские офору, в которых можно дышать лекарственными травами и массироваться разогретой морской галькой, все они конечно прекрасны и полезны, все они кому-то нужны, раз уж кем-то придуманы. Но все их преимущества меркнут в тот момент, когда на вашу спину опускается распаренный веник, который держит в своих руках искусный мастер. Собственно первые две минуты ритуального избиения я наслаждалась процедурой, потому что была она очень мягкой, я бы даже сказала нежной, но потом невидимый дядя Кузьма взялся за меня всерьез и даже серьезнее, чем раньше (может отомстить хотел, а может проникся моей слезливой речью), и я взвыла, как

небезызвестный герой Боярского. Если бы рядом со мной где-то поблизости была Анастасия, я бы тоже взывала к ней, как к последней инстанции и единственной надежде на спасение, но Анастасии не было, а дядя Кузьма к делу подходил ответственно и он точно знал, до какого состояния можно довести человека, чтобы он еще не помер, но уже был к этому близко. И вот когда я почувствовала, что еще пять минут и контракт мой будет расторгнут по вполне себе естественной причине, меня окатили холодной водой и выпустили на свободу. Затем вся отбитая как хорошая отбивная, вымытая до скрежета и хруста, я сидела в предбаннике, пила липовый отвар и пыталась собрать себя по кусочкам, чтобы дойти до избушки. Получалось плохо. Кусочки меня то и дело разбегались и вся я растекалась неглубокой лужицей по удобной лавке. В конце концов, потерпев очередную неудачу в нелегком деле активации себя, я махнула на все рукой и перевелась в горизонтальное положение прямо там, где сидела, благо лавочка была очень широкой, а мои пледы, одеяла и полотенца, достаточными для создания некоего гнезда. Сон сморил меня сразу же.

За свою довольно не короткую жизнь причины у моего утреннего пробуждения были разные. Чаще всего в роли палачей сладкого сна выступали будильники, возвещающие о наступлении нового рабочего утра. Реже всего сон отступал потому, что я высыпалась. О это блаженное состояние когда ты лежишь в постели и четко понимаешь, что больше тебе не хочется спать, а хочется тебе встать и начать новый интересный день (даже если за окном уже давно вечер). Правда стоит сказать, что такое блаженное состояние в моей жизни было всего раза два. Потому что даже в заслуженные каторжным офисным трудом выходные в моем многоквартирном доме всегда находился сосед, которые не разделял моей страсти к долгому сну. И было бы еще полбеды, если бы он не разделял мою страсть тихо, осуждая тунеядцев и лежебок исключительно молча, так нет же, такой сосед всегда предпочитал брать в руки оружие борьбы в виде какой-нибудь дрели и начинал военные действия жертвой которых становился весь дом. К звукам дрели обычно примешивался топот детских ног с верхнего этажа и крик детской же истерики, на корню убивавшие во мне всякое желание умиляться милым детским мордашкам. И речи о том, чтобы сладко поспать уже не было. На новой работе ситуация не сильно улучшилась, но заметно разнообразилась, добавив к моим утренним причинам пробуждения крики петуха и ругань богатырей. Так что моя коллекция блаженных состояний ни сколько не пополнилась, как того можно было бы ожидать от одинокой избушки, стоящей

вдали от проезжих дорог. Вот и этим утром я проснулась, потому что у меня замерзли ноги. Все-таки предбанник помещение не отапливаемое, а я во сне люблю крутиться, вот ноги и оказались открытыми и согреваться, даже будучи возвращенными под одеяло, не хотели. Пришлось вставать. Я умылась и расчесалась и критически осмотрела себя в зеркало. Зрелище было впечатляющее. Волосы, расчесать которые у меня ночью не хватило сил, сейчас торчали вокруг моей головы этаким пушистым одуванчиком, идеально подходящим под помятые розовые щеки, с которыми дивно гармонировали слоники моей ночнушки. Радовало только то, что отец вод не мог меня видеть прямо сейчас, вот бы посмеялся. Решив, что к моему совершенному образу ничего нельзя прибавить нового, чтобы сделать его еще совершеннее, я отправилась в свою избушку, по пути заглянув в сарай и убедившись, что бочки с водой действительно стоят на месте, а не приснились мне в банном угаре. Избушка встретила меня непривычной тишиной и пустотой. Не шумел на столе закипающий самовар, не дымилась в горшочке какая-нибудь полезная утренняя каша, не подставляли свои поджаристые бока солнечному свету пирожки, не отливал золотом выложенный в стеклянную вазочку мед, не стояла в тарелке захваченная в белый сметанный плен ложка, не мелькали в воздухе одетые в черное руки, добавляя последние штрихи к картине «кушать подано» и не ворчало зеркало, пророча скорую гибель моей талии. Создавалось впечатление, что все обитатели избушки на курьих ножках либо молча скорбели по моей безвременной пропаже, либо тихо радовались моему досрочному отъезду. Очень хотелось узнать правильный ответ, но я подозревала, что в данном случае дело обстоит также как с пресловутым котом Шредингера, и оба ответа не только существуют одновременно, но и что самое печальное являются одновременно абсолютно правильными. Неприятно так, что даже возникало желание обидится, но есть хотелось сильнее, а потому я зашла за ширму, в тот самый закуток где хранились чудеса техники века двадцатого и двадцать первого и щелкнув кнопкой электрочайника, достала из закромов пачку мюсли и стаканчик йогурта, соорудив себе весьма полезный, по мнению современных мне диетологов, завтрак. Пирожки я решила напечь позже, благо тесто у меня было, а начинку подготовить дело не такое уж и сложное.

Тщательно жуя мюсли, если уж соблюдать рекомендации диетологов так во всем, я думала о том, сообщать ли Кощею о выполненном задании или не стоит. С одной стороны делать этого совершенно не хотелось. Оно ведь знаете как, один раз

сделаешь что-то быстрее, чем начальство рассчитывало, в следующий раз такие сроки поставят, что взвоешь. А с другой стороны интуиция мне подсказывала, что этот злодей скоро сам в гости пожалует, так стоит ли приближать его визит, который лично мне ничего хорошего не сулит.

Интуиция меня не подвела, хотя я бы не обиделась, если бы в этот раз она меня обманула. Я только закончила переодеваться и собирать волосы в хвост, когда в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, вошли.

— Добрый день, — улыбнулся Кощей. — А я к тебе с подарком. Надеюсь, ты любишь хурму? — он протянул мне небольшой мешочек, в котором лежали ярко оранжевые плоды.

— Люблю, — призналась я. — Откуда у тебя заморские фрукты? Вышел на международный уровень и получаешь оплату натурой?

— О если бы. Отец прислал с оказией. Написал, что для сердца полезно.

— Спасибо.

Очень огромным усилием воли я проглотила все прочие комментарии по поводу кощеева сердца. Ему все равно, а мне могут больше и не приносить разных вкусностей. Вспомнив, что иногда лучше жевать, чем говорить, я последовала этому совету и принялась за гостинец, отдаляя тем самым неприятный момент истины.

— Прекрасно выглядишь, — расщедрился на комплименты Кощей. — Прическа идеально к образу подходит.

Я молча продолжила жевать, неопределенно пожав плечами в качестве ответа, потому что, на мой взгляд, комплимент был довольно сомнительным. Именно сегодня утром я надела длинную юбку из служебного гардероба и волосы мои торчали в разные стороны, так как в силу своей длины, не все они попали в запланированный хвостик, да и выражение лица соответствовало моему хмурому настроению.

— Чувствуется этакая ведьмовская сущность, я бы даже сказал, классическая Баба — Яга просматривается, — продолжал тем временем Кощей свою хвалебную речь.

Поскольку Кощей ранее мной в хамстве замечен не был, да и оскорбление женщин было тоже не в его характере, я заподозрила неладное в его активности.

— От отца сильно досталось? — поинтересовалась я.

— Мне хватило, — признался Кощей, резко погрустнев.

— Про царевича рассказал?

— Я же не самоубийца, — ужаснулся он. — Сказать папе, что наш кандидат уже месяц спит беспробудным сном, это все равно,

что лечь рядом с царевичем в соседний гроб лет так на пару сотен, пока, по мнению папы, ума не наберется. Он и так из-за задержки злится, а если еще ему и причину сказать, придет и свой порядок тут наведет. Чур нас всех.

— А ему какая разница, месяцем раньше месяцем позже?

— Да кто его знает, опять многоходовые планы разрабатывает, вот и злится, что мы в график не укладываемся. Я предпочитаю в подробности не вдаваться. Сделал дело, гуляй смело, а то если ненужное узнаешь, новое задание поручат, и прощай вольная жизнь. Оно мне надо?

Мне оно тоже было не надо. Мне, если честно говорить, и это дело было не надо, но меня никто и не спрашивал, закинули в кузовок, хотя я груздем не называлась. Хурма тем временем закончилась и причин откладывать радостную весть больше не было.

— У меня в сарае четыре бочки воды стоит. Живая и Мертвая. Так что можем Ивана царевича в них хоть купать, если это делу поможет.

За следующие полчаса, последовавшие после моего признания, Кощей развил бурную деятельность. Он ураганом пронесся по моей маленькой комнате в поисках подходящей тары для воды, потом вылетел за порог в сторону сарая, тут же вернулся за мной, и мы уже вдвоем понеслись за водой, причем я летел почти в буквальном смысле, потому, что Кощей тащил меня за руку, а ноги мои за ним не поспевали, а из сарая мы как лоси ломанулись к заветной полянке, пренебрегая всеми дорожками и тропинками, напрямую через заросли и кустарники. В итоге мы, кажется, даже Серого Волка довели до сердечного приступа, во всяком случае смотрел он на нас очень уж большими глазами. И пока я пыталась отдышаться, согнувшись на полянке в три погибели, Кощей разогнал всех потенциальных невест и, отцепив от пояса внушительных размеров ножичек, застыл рядом с хрустальным гробом с самым задумчиво — решительным видом, явно примеряясь к беззащитной шее спящего.

— Как резать будем? — задумчиво поинтересовался Кощей. — Слегка или полностью голову отрубим? Есть идеи, какой способ эффективнее?

— Как по мне, так лучше отрубить полностью, — высказался Серый. — Опытов с частичным отрубанием, насколько я знаю, никто не проводил. Вдруг не сработает. А повторно не раньше чем через день можно будет резать.

Я судорожно сглотнула, хотя от быстрого бега во рту у меня было очень сухо, и посмотрела на ничего не подозревающую жертву. Нет, я и сама мечтала отрубить ему голову, но когда

дошло до дела. Не то, чтобы я струсила, но неприятно мне точно стало. И чего это царевичу не проснуться бы как всем нормальным людям. Обязательно доводить до крайности.

— Ваня, вставай, пионеры пришли, — вспомнилась побудка, так нежно любимая моей бабулей и так яро ненавидимая мной в нежную пору моего детства и юношества.

— Какие пионеры? — удивился Кощей

— Уже пришли?

Раздался вопрос одновременно с Кощеевым, и вопрос этот был задан ни кем иным как нашим подопечным. Иван — царевич открыл глаза и воззрился на нас с легким удивлением только что проснувшегося человека.

— Мама, — пискнула я.

— А вы кто такие? Где я? — Иван царевич просыпался и приходил в себя с катастрофической для неподготовленных нас скоростью.

Моя реакция был быстрой и, как и в первый раз, инстинктивной. Я сделала то, чему меня в детстве научила мама, когда объясняла, что не стоит молча терпеть побои и укусы соседских мальчишек, сняла с ноги туфлю и со всей силы заехала царевичу в лоб каблуком. Царевич тут же вернулся в бессознательное горизонтальное положение.

— Ты его опять убила? — очень спокойным голосом поинтересовался Кощей.

— Да почему опять? — возмутилась я.

— Дышит, — успокоил нас волк, и мы дружно шумно выдохнули.

— Что это вообще было? — исследовательский интерес некоторых не убывал.

— Самозащита, — пояснила я. — Чисто инстинктивно. Он меня напугал, я отреагировала.

— Да я не про это. Я про то, почему он вообще проснулся?

— Выспался? — предположила я.

— Действие заклинания закончилось? — предположил Серый.

— Пионеры разбудили? — внес свою лепту сам Кощей.

— Меня они во всяком случае всегда будили, — поделилась я личным опытом.

— А раньше ты этот способ опробовать не могла, — взъярился Кощей.

— Да откуда мне было знать, что он подействует. Мы его как только не будили. И петухом и будильником и холодной водой и даже холодные ложки к голой пятке прикладывали. И ничего. Может эти пионеры вообще сработали только потому, что его

полцарства поцеловало. И наступил тот самый переломный момент, когда количество перешло в качество. И вообще какая разница, главное проснулся же.

— Да это хорошо, — согласился Кощей и вдруг его глаза загорелись каким-то фанатичным блеском и он радостно потер ладони (как маньяк какой-то). — Теперь нам надо вернуть его на место.

— Куда? — синхронно уточнили мы с волком.

— В мой замок. Как раз к моменту второго испытания. Только вот как бы узнать, он помнит, что я у него Василису красавицу попросил в обмен на коня или не помнит.

— Давай его разбудим и уточним? — предложила я. — А потом опять по голове стукнем.

— Если часто стучать, он не только про Василису забудет, но и про то, что он вообще за яблочками пошел, — предупредил Волк.

— Тогда мы его оставим возле замка с тобой, — Кощей посмотрел на волка, чтобы тот точно понял, кто подразумевается под этим «с тобой» — и ты по его реакции сориентируешься. Если начнет жаловаться на злого меня, то отправитесь за Василисой, а если будет искать подходы к замку, то я буду там на всякий случай его ждать.

— Вот и славно, — улыбнулась я, начиная медленно отступать в сторону дома. — Удачи вам, как все закончится, приходите в гости, я вас чаем угощу.

— Да, спасибо, чай это хорошо, — отмахнулся от приглашения Кощей, погруженный в свои думы.

И я рванула в сторону избушки, надеясь укрыться за ее толстыми и надежными стенами, пока обо мне не вспомнили. С глаз долой из сердца вон. Глядишь, мне повезет и удастся отсидеться в тепле и комфорте до конца операции, а не наблюдать за ее ходом из соседних колючих кустов. Но удача явно была не на моей стороне. Меня перехватили ровно на середине дороги. С боковой тропинки выскочил Кощей с хрустальным гробом, пустым на это раз, на плече и радостно сообщив мне, что он зайдет за мной через час, скрылся на другой боковой тропинке. Я даже вякнуть не успела. Во — первых, я была крайне возмущена таким с собой обращением, а во — вторых, не каждый день на вашем пути встречаются парни с хрустальными гробами на плечах.

— Силен, — поделилась я своим наблюдением с окружающим меня лесом. — Еще бы знать куда он с ним побежал, чтобы бежать в противоположную сторону.

И тяжко вздохнув от грядущих неприятностей, я продолжила

свой бег. Мне еще нужно было ступу к полету подготовить и пирожки в дорогу напечь.

Правы умные люди, однажды заметившие, что все в нашей жизни повторяется первый раз как трагедия, второй раз как фарс, думала я, удобнее устраиваясь в кустах возле рабочего замка Кощея. Правда в моей жизни и первый раз очень сильно напоминал фарс, но это уже мелочи. Кощей залег на троне в замке, на тот случай если Иван решит уточить задачу, а Серый возле огромных ворот в замок должен был привести царевича в чувство и обеспечить возврат к миссии.

— Яга, ты здесь? — на дорожку перед моими кустами выскочил Серый Волк, и выглядел он слегка взволнованным.

— Серый, ты издеваешься, — зло зашипела я, не раскрывая своего убежища. — Сейчас опять этот малахольный придет и скандал устроит.

— Не придет, — успокоил меня Волк. — В том то и проблема.

— То есть, — я от возмущения даже встала во весь рост.

— То и есть. Не приходит наш царевич в сознание. Я его там минут двадцать пытался в чувство привести, чуть ли не целовал, а он как лежал, так и лежит.

— Надо было отрубить ему голову и назад не приставлять.

— Думаю у нас есть все шансы испробовать это вариант.

— Кощею скажем?

— Может ты сама сначала посмотришь? — предложил Серый. — Может его опять пионеры разбудят?

— А ты не пробовал на них ссылаться?

— Пробовал, в моем исполнении не работают.

Правы были умные люди, все повторяется как фарс.

Иван — царевич очень аккуратно так лежал на тропинке и спокойно дышал. Совсем как мирно спящий человек, совесть которого абсолютно чиста. Я опустилась рядом на колени и принялась приводить его в чувство. На зов, равно как и похлопывание по щекам и встряхивание тела за плечи реакции были отрицательными. Можно было попробовать полить его водой, но вода была в замке, там же где и Кощей, а слушать его мнения о собственном идиотизме, вредящем всему делу, мне совсем не хотелось.

— Может ты его поцелуешь? — предложил Волк.

— А смысл? — поинтересовалась я. — Как мы уже выяснили, поцелуи с ним не работают.

— Ну это они не работали, когда он спал от заклятия, а сейчас он без сознания из-за твоего удара, так что могут и сработать. Хуже все равно не будет.

— Очень вдохновляющая речь, — фыркнула я.

Но в чем то он был прав, хуже от моего поцелуя и правда быть не могло. По — крайней мере я на это очень надеялась. Глубоко вздохнув, я наклонилась и поцеловала царевича, совсем как в доброй старой сказке.

— Синеглазка? — царевич открыл глаза и посмотрел прямо на меня. — Что случилось?

Ну вот кто мог подумать, что от поцелуя может быть хуже? Говорила же, надо голову рубить, во избежание.

— Синеглазка? — царевич попытался сесть и с третьей попытки у него это получилось. — Скажи мне, что случилось? На нас напали разбойники? Баба — Яга нас догнала? Не молчи любимая.

В голосе царевича появились панические нотки, у меня от паники голос вообще пропал. Как-то все не по плану шло. Совсем.

— Не бойся Иван — царевич, — спас ситуацию Серый, — никто на нас не напал и никто нас не догнал. Баба — Яга еще не скоро узнает, что мы Василису, пленницу ее, спасли. Просто я через овраг прыгнул, да приземлился не удачно, вот ты и упал и головой ударился.

— Синеглазочка, с тобой все хорошо, ты не ушиблась? — Иван — царевич начал нервно ощупывать мои руки и ноги на предмет повреждений.

Я честно пыталась ответить, но сведенное судорогой горло этому очень мешало, поэтому я решительно закачала головой, давая понять, что со мной все в порядке. «Кощей меня убьет», билась в моем мозгу одна единственная мысль. Кажется есть в контракте соответствующая статья.

Иван — царевич тем временем огляделся и сообразил где именно он находится и видимо пришел к каким-то выводам, потому что резко погрустнел.

— Что Иван приумолк, пригорюнился? — вопросил Серый.

— Ну как же мне не печалится. Нельзя ее, голубку синеглазую, без счастья, без людей оставить. Да лучше я сам пропаду, чем ее на коня променяю.

— Не разлучу я тебя Иван с такой красотой. Спрячем ее где-нибудь, Кощея проведем.

После этого Волк крутанулся вокруг своей оси, прыгнул, перекувыркнулся и предстал моей точной копией. «Убьет и скажет, что так и было», подумала я, разглядывая своего двойника. Не то, чтобы я была страшной. В нормальной жизни я была очень даже симпатичной девушкой, особенно когда накрашенная. Но вот именно здесь и сейчас образ мой был весьма далек от идеалов красоты человека разумного. Торчащие во все стороны, выбивающиеся из куцего хвостика волосы, черные на

пять сантиметров от корней и пегие у кончиков, очень смутно напоминали собой длинные русые косы, а синие глаза, за которые незнакомую мне красавицу прозвали Синеглазкой, в моем случае были карие. Про балахонистый темный наряд из служебного гардероба Бабы — Яги я вообще молчу. В общем красота невозможная, в связи с отсутствием возможности назвать это красотой. Видимо тяжелая у меня рука и удар поставленный, судя по результату. Но Ивана — царевича такие мелочи явно не смущали, потому что от радости он просто светился. Меня бережно и аккуратно спрятали в очередных кустах, подальше от глаз Кощея (вот что за судьба такая, при любом раскладе в кустах сидеть), Иван — царевич с моим двойником направились в замок, договариваться с Кощеем. Как только мои защитники скрылись с глаз, я выбралась из кустов и рванула к тому самому окну, в которое я подглядывала прошлый раз. Надо же знать реакцию Кощея. Кто предупрежден, тот вооружен.

Сказать, что Кощей был удивлен увиденным, это сильно преуменьшить его реакцию. Я успела к окну как раз в тот момент, когда двери в тронный зал распахнулись и пред грозные очи сидящего на троне сластолюбца и охотника за молодыми красавицами предстал Иван — царевич со спутницей. Не знаю, какую речь должен был сказать Кощей по сценарию, но при виде меня, он подавился воздухом и даже перестал дышать.

— Вот царь Кощей, привел я тебе красавицу Синеглазку. Отдавай мне коня златогривого.

Вторая я вышла вперед, прямо в центр зала, и стала медленно поворачиваться, демонстрируя так сказать купцу товар. Кощей смотрел на эти выкрутасы и явно пытался вернуть себе дар речи. И я его прекрасно понимала, потому что моя речь тоже еще не вернулась на родину.

— Обманул-таки каргу старую, — вспомнил наконец-то текст Кощей. — Привел невесту. Удружил, ой удружил. Твой конь по праву.

И сунув два пальца в рот, Кощей засвистел, подавая сигнал. Собственно услышав этот свист, я должна была вызвать Сивку — Бурку, которая у нас выступала в образе коня, поэтому аккуратно отойдя от окна, я топнула ногой и произнесла ключевую фразу. Сивка — Бурка, с крайне оскорбленным видом, возникла рядом со мной, всем своим видом демонстрирую мне степень своего недовольства. Но так как я все еще была в шокированном состоянии, то я молча послала капризную лошадь к Кощею, а сама вернулась в те кусты, где меня оставил заботливый Иван. Потому как, судя по увиденному, в ближайшее время мне придется изображать из себя Синеглазку. До тех пор пока Кощей

не решит этот вопрос тем или иным способом, и я сильно сомневаюсь, что он согласится на мой династический брак с потенциальным наследником царя Берендея.

Свою стратегическую позицию я заняла очень вовремя, потому как буквально через пару минут по мою душу явился сияющий от счастья Иван, со златогривой лошадью в поводу. Не спрашивая моего мнения, меня посадили на лошадь, потом, не интересуясь уже мнением самой лошади, верхом сел царевич и мы поскакали навстречу нашему счастью. По — крайней мере со стороны это должно было выглядеть именно так. Во всей этой ситуации меня радовала мысль о том, что объяснять Кощею мое чудесное превращение в спасенную от злой Бабы — Яги красавицу предстоит Серому Волку, а не мне, и немного беспокоил меня царь Дормидонт. Согласитесь за минувший месяц царь мог и позабыть о том, что ему нужна златогривая лошадь в обмен на яблочки. А успел ли его Кощей предупредить неизвестно. Оставалось надеяться на его радушие и великодушие. Где-то в середине пути, между лесами и горами (Сивка — Бурка видимо тоже избегала прямых и коротких дорог из пункта А в пункт Б) нас догнал Серый. Выглядел он, если честно, не очень хорошо. Видимо досталось от Кощея за самодеятельность, а потому в дальнейшем он решил строго придерживаться сценария, что и продемонстрировал.

— Что опять Иван пригорюнился? — вопросил Серый, как только оказался рядом, не обращая внимания на сияющую от счастья физиономию вопрошаемого.

— Да коня отдать придется. Ведь не на доброе дело он этому царю понадобился. Добрым людям на беду и погибель, — Ивана видимо тоже не смущал такое противоречие: раз сказали пригорюнился, значит пригорюнился.

— Отдай ему коня, — посоветовал Волк. — Эта лошадка сама знает, какого себе хозяина выбрать.

Конечно знает, подумалось мне. Эта лошадка еще и не такое знает. А все потому, что я перед ней трое суток танцы танцевала, уговаривая ее изобразить из себя послушную животину, а оценить мои усилия ни кому и в голову не пришло. Впрочем, из пучины жалости к себе любимой меня выдернули сверкнувшие на солнце шпили дворца. Граждане пассажиры следующая остановка дворец Дормидонта. Подлетев к воротам, Сивка резко остановилась и загарцевала на каменных плитах, красуясь перед охранниками. Волк наоборот попытался прикинуться маленькой серенькой собачкой, чтобы никого не нервировать. Иван же стал громко требовать у охраны проводить его к царю Дормидонту, по важному делу. Стоит отдать должное охране, которая при виде

нас не дрогнула, не обнажила сабли и даже не стала плевать через левое плечо, отгоняя нечисть. Более того, начальник смены, уяснив суть требований царевича, направился к царю с докладом, вежливо попросив нас подождать.

— Ай да царевич, — воскликнул царь Домидонт, появляясь на высоком крыльце. — Ай да молодец. У самого Кощея коня смог забрать. Вот уж не ожидал, не думал, не гадал. И не жаль тебе такую лошадку отдавать, Иван — царевич?

— Не за так отдаю, за яблоки молодильные для царя — батюшки.

— Помню, помню, про яблочки. Ну что ж царевич, проходи, гостем дорогим будешь. Угощений моих попробуешь, на перинах мягких поспишь, а утром отдам я тебе яблочки молодильные.

— Ванечка, — подключилась я к уговорам, заметив, что царевич хочет отклонить щедрое предложение. — Сил больше нет, все в дороге дальней остались. Давай одну ночку отдохнем, а завтра в обратный путь пустимся.

— Хорошо, — согласился царевич. — Погостим мы у тебя, государь, до утра завтрашнего.

С этими словами он наконец-то спешился и снял с лошади меня. Нас проводили в комнаты, дав возможность отдохнуть и привести себя в порядок после дальней дороги перед праздничным застольем в честь обретения волшебной лошадки. Заботливый хозяин отвел мне те самые комнаты, в которых я проживала в прошлый раз, так что я почувствовала себя почти как дома, заваливаясь на пуховые перины с четким намерением поспать. Но у кого-то были на меня совсем другие планы. Не успела я увидеть и половину сна, как была разбужена самым грубым образом. Меня трясли за плечо и звали по имени, если конечно можно считать своим именем приставку «Яга». Открыв глаза, я встретилась взглядом с очень злым Кощеем, который только неимоверным усилием воли удерживался от желания меня придушить. Это желание очень хорошо читалось в его красивых карих глазах, обрамленных длинными шелковыми ресницами.

— Как ты сюда добрался так быстро? — решила я сразу сбить противника с толку.

— Ступу твою использовал.

— Надеюсь ты ее не сломал? — не на шутку испугалась я. — У меня здоровья не хватит еще одну сделать. Я и в прошлый то раз чудом жива осталась при полевых испытаниях.

— При каких полевых испытаниях? — взвился Кощей. — Ты мне голову не морочь. Лучше объясни, как ты Синеглазкой стала?

— Да не знаю я как. Может твой царевич дальтоник и цвета не различает, а может он мыслит шире, чем простые обыватели и

не считает, что Синеглазка обязательно должна иметь синие глаза. Может он допускает мысль о существовании кареглазых Синеглазок.

— А может ты его так сильно стукнула, что он последние мозги растерял?

— Тоже вариант, — не стала я отрицать такой вероятности.

— Вариант? — Кощея моя покладистость нисколько не успокоила. — И что теперь делать?

— Могу еще раз стукнуть, — предложила я. — В крайнем случае, можно все-таки отрубить ему голову. Запасы воды позволяют. Ты сам говорил, что это помогает.

— Горынычу. Это помогает Змею Горынычу. А царевич может последние мозги растерять.

— Раньше это тебя не смущало.

— Раньше он не был стукнутым.

— Тоже верно, — я вздохнула и решила все-таки прояснить волнующий меня вопрос. — Так что там с моей ступой? Она в порядке?

— Да в порядке твоя ступа. Что с ней станется. Спасибо скажи, что я ее не бросил бесхозной где попало.

— Спасибо, — искренне сказала я.

Стоило только вообразить себе процесс изготовления еще одной ступы, чтобы испытать всеобъемлющую благодарность к Кощею, избавившему меня от этой страшной участи.

— А это идея, — воскликнул Кощей радостно, наконец-то отпустив мои многострадальные плечи.

— Какая идея? — вот не нравится мне радостный Кощей, есть в этом что-то противоестественное.

— Змей Горыныч. Он тебя похитит.

— Зачем?

— Чтобы Иван спас настоящую Синеглазку и женился на ней. Значит ты сейчас возвращаешься с Иваном к царю Берендею. Он на радостях организует свадьбу. Твоя задача оттягивать дату как можно дольше. Потом тебя похитит Горыныч, царевич естественно отправится тебя спасать, и тут мы ему выдадим настоящую Синеглазку. По — моему гениальное решение. Как ты думаешь?

— А может просто поменяем меня с Синеглазкой? Вот прямо сейчас?

— И как ты предлагаешь объяснить такое мгновенное преображение?

— Стукнуть его еще раз?

— Царю Берендею вообще то нужен вменяемый наследник. В твердом уме.

— Не вижу логики. Какая разница когда нас менять, все равно же придется объяснять такое чудесное превращение, — отметила я очевидное.

— Все очень даже логично. Баба — Яга Синеглазку заколдовала от злобы своей и зависти, а когда Иван — царевич Змея Горыныча победит, тут заклятие и спадет и Синеглазка во всей своей истинной красоте перед спасителем предстанет.

— Во — первых, я попрошу без инсинуаций в мой адрес. А во — вторых, какая связь между Бабой — Ягой и Змеем Горынычем? Или по — твоему Баба — Яга связала своей колдовство с Горынычем?

— Слушай, это уже мелочи. Они вообще никого не интересуют. Зло повержено, красавица спасена, все счастливы. Какая тебе еще причинно — следственная связь нужна?

В этот момент в дверь постучали и радостный голос Ивана сообщил, что гости уже собрались и все ждут только нас.

— Много не ешь, — напутствовал меня мой злопамятный друг.

И мне не оставалось ничего иного, как злобно зыркнув на него, отправится навстречу новым испытаниям.

Все мистики, гуру и прочие учителя эзотерики в один голос твердят, что Вселенная охотно исполняет все наши желания, просто на это нужно какое-то время. Но сколько именно на это нужно времени я поняла только сейчас, когда оказалась во дворце в качестве будущей царевны и потенциальной царицы Берендеева царства. А еще я на своем опыте убедилась в том, что сбывшееся мечты имеют скверную привычку разочаровывать, потому как сбываются по какому-то неправильному сценарию. Я точно помню, что в своих мечтах, появившихся в моей голове после прочтения сказки про золушку и просмотра мультиков про принцесс, я представляла жизнь во дворец как вечный праздник, состоящий из балов, охоты и торжественных приемов, с возможностью спать сколько хочешь и делать что хочешь и отдавать разные приказания слугам. Но первое же мое утро в новом временном доме показало мне как сильно я ошибалась, хотя возможно все дело в том, что я не была точна при разработке мечты.

Собственно говоря, когда Иван — царевич триумфально вернулся домой с мешком яблок и чудо — конем в придачу, царь Берендей сам выскочил его встречать. И сдается мне, что при виде сына он не только мгновенно излечился от всех своих старческих хворей, но и помолодел лет на десять без всяких волшебных яблок. Не сходя с места, он тут же провозгласил Иван своим единственным и законным наследником и преемником, но

как я успела заметить, старшие братья Ивана, обретавшиеся тут же, особого разочарования по этому поводу не испытали, я бы даже сказала на их лицах промелькнули довольные улыбки. Видимо что-то эти парни знали о царской должности, что помогало им смириться с потерей этой синекуры, и чем они не поделились с младшеньким. Что касается лично меня, то пока Берендей обнимал и целовал сына, меня игнорировали, видимо приняв за бесплатное приложение к лошади, а потом когда Иван заявил во всеуслышание, что я его невеста любимая, спасенная из плена злой Яги, меня тоже облобызали и передали в заботливые руки мамушек и нянюшек для приведения в приличный вид, потому как, судя по бросаемым на меня взглядам, мой внешний вид окружающие объясняли трудностями плена и тяготами долгой дороги. Заботливые мамушки и нянюшки отвели меня в баню, где мое тело напарили, намазали медом, искупали в молоке, натерли какими-то мазями, а потом уложили на мягкую перинку почивать, красоту возвращать.

— Наивные, — подумала я, прежде чем провалится в сон.

Утро доказало мою правоту и окончательно разрушило все надежды двора. Это ясно читалось в глазах кумушек, пришедших меня будить. Можно представить себе всю степень охватившего их ужаса, когда они поняли, что я не подпадают под привычные стандарты красоты. Мои волосы, которые я обычно стригла достаточно коротко, чуть выше плеч, хоть и отрасли за время моего пребывания здесь, все же не тянули еще на гордое звание «коса до пояса». Я и в хвостик то их с трудом собирала, что уж говорить о большем. Кокошник на моей голове не держался, все время норовя соскользнуть то вперед, то назад, и никакие ленты не помогали, слишком шелковые у меня волосы, в детстве даже бантики из них выскальзывали. А в предложенном мне сарафане я казалась то ли мгновенно растолстевшей, то ли беременной. В общем, русская красавица вышла из меня весьма специфическая, прямо скажем на любителя.

Видимо такая же мысль посетила и царя Берендея за совместным завтраком, потому как на вопросы Ивана о дате свадьбы, царь предложил не торопиться.

— Сынок, сам подумай, хорошая свадьба подготовки требует. Пока гостей известим, пока они все приедут, да и невесте время нужно, чтобы во всей красе предстать, — пояснил Берендей свою позицию, кося при этом на меня своим лиловым глазом, очевидно не веря во всемогущую силу времени в моем случае.

Я в беседу благоразумно не вмешивалась, так как скорая свадьба меня тоже не устраивала. Как-то не радует меня перспектива выйти замуж, а потом мужа отдать чужой красавице.

Лучше уж я в невестах похожу до самого похищения. Все не так обидно.

Иван правда пытался возражать, аргументируя свою позицию тем, что столь долгое пребывание незамужней девушки в гостях может навредить моей репутации и что влюбленные сердца не в силах ждать так долго, но Берендей надавил царским авторитетом и Иван сдался, согласившись на месячную отсрочку. Правда что-то в глазах заботливого отца подсказывало мне, что где месяц, там и два, но коль скоро меня это полностью устраивало, я сделала вид, что все хорошо. Хотя наивность местного контингента, даже на правящем уровне, меня поражала. Сразу видно, что не встречались они с зубастыми охотницами за деньгами. Царь даже и мысли не допускал, что коварная я могу обвенчаться с его сыном тайно и уже сегодня, благо романов о таком прочитано было не мало. Ну да пусть его остается в неведении и дальше. Моя задача простая — ждать. Правда как оказалось мои будущие подданные решили эту задачу усложнить до крайности, явно вынуждая меня сдать свои позиции и отступить. Издевательства эти носили гордое название «обучение истории царского рода и быта дворца». На деле это был каждодневный 8 часовой кошмар, похуже моих офисных будней. Каждое утро меня будили вместе с петухами, как если бы без меня петухи не могли проснуться, и после сытного завтрака, усаживали в горнице с толстой книгой и не менее толстым учителем, который нудным и монотонным голосом рассказывал мне о славных деяниях славных предков царя Берендея, заставляя запоминать имена и даты, а также родственные связи. К моему ужасу предков у царя Берендея было много больше, чем мне бы того хотелось и все они что-то постоянно делали. Перед обедом устраивался экзамен по пройденному, на котором я исправно демонстрировала свою неспособность что-либо запомнить, так что сначала учитель, а потом и прочие начали подозревать меня в легком идиотизме, а после обеда, толпы нянюшек и матушек, ключниц и прочих незнакомых мне женщин водили меня по дворцу, начиная с подвалов и заканчивая тронной залой, объясняя мне назначения этих комнат, количество слуг и родственников и прочих постоянно и временно проживающих во дворец, факторы, влияющие на количество проживающих, основы ведения хозяйства и прочие премудрости хозяйствования. Вечером же от меня требовалось стать Марией — Искусницей, потому как по местной традиции, невеста должна была подарить будущему свекру саморучно сотканный и вышитый ковер или покрывало, или скатерть. А учитывая, что будущим свекром должен был стать царь, то и подарок должен был быть царским.

Проблема была в том, что шить, равно как и вышивать, я в принципе не умела. Даже моим школьным учителям пришлось смириться с моей полной бездарностью в этом деле и ставить мне хорошие оценки по труду просто из уважения к моей маме и из сострадания к испорченному мной материалу. Моим самым великим достижением стала сшитая ночная сорочка, с короткими рукавами, да и то, потому что состояла она всего из двух половинок, которые выкроила учительница. А они ждали от меня ковра. И каждый вечер я сидела перед этим ткацким станком под прицелом нескольких пар глаз и пыталась совершить чудо. Самое интересное, что ужином меня почему-то не кормили, давая на ночь стакан молока. Все мои попытки изменить эту практику успеха не имели, потому как по местным представлениям, от молока была только польза, а у меня был просто капризный характер. Молоко я выливала в кадку с каким-то зеленым растением, стоявшим в моей спальной горнице, потому как пить его в силу своей нелюбви не могла, а зеленым растениям тоже нужны микроэлементы. Правда по ночам все время хотелось есть и даже сны мне стали сниться исключительно гастрономические. Держаться мне помогала только надежда на то, что либо Иван меня разлюбит, что было вполне вероятно, потому как за все это время мы с ним ни разу не встречались, из чего можно было сделать вывод, что наши надежды с царем Берендеем совпадают, либо на то, что меня спасет Горыныч. И пока я продолжала питать надежды, дни улетали безвозвратно, и однажды утром это стало более чем очевидно. Выпал снег. Пришедшие меня будить и приводить в порядок девушки шумно и горячо обсуждали и то, что приход зимы так затянулся и то, что за ночь выпало необыкновенно много снега, и, не сдержав своего любопытства, я подскочила к окошку и обомлела. Все вокруг было белым — белым, укутанным снежным ковром, словно кто-то за одну ночь высыпал на город месячный запас снега. Впрочем, наверное, кое-кто именно так и сделал. Месяц, который дал нам Морозко, закончился и зима не только вступила в свои права, но и стремилась наверстать упущенное. Со двора уже раздавались радостные крики и шум снежной битвы, затеянной неугомонными мальчишками, и больше всего мне хотелось все бросить и присоединится к ним. И мои молитвы в кои-то веки были услышаны. Иван — царевич заявился прямо на урок истории и, не слушая возражений, увел меня за руку. Затем как нашкодившие школьники мы пробежали по коридорам дворца, игнорируя все оклики, и оказались на улице, где меня немедленно укутали в роскошную богато расшитую шубу. И я обомлела от увиденного. Крыши домов были укрыты белыми шапками, в снежных шубах

стояли деревья, и снегу кругом было выше колен и среди этих сугробом темными змейками вились протоптанные дорожки, в которых дети скрывались с головой. Мои щеки и нос тут же покраснели от кусающегося мороза, легкие казалось замерзли от вдыхаемого воздуха, а глаза тут же заслезись от всей этой сверкающей на солнце белизны. Сердце мое было покорено этой сказочной зимой и если бы я только могла себе представить эту картину раньше, я ни за что ни стала бы просить Морозко задержаться, потому что это было бы кощунственно. А потом Иван подхватив меня на руки, усадил в сани, укрыл сверху теплыми шкурами, встал в санях впереди, взял в руки поводья и зазвенели колокольчики и в лицо полетел снег и с веселыми криками и смехом мы поехали кататься.

Как вкусно пить горячий сбитень на морозе в прикуску с теплыми бубликами и калачами, а потом катится с высокой горки без всяких санок, просто сидя на попе или лежа на животе, и играть в снежки с толпой безжалостных и метких мальчишек, и выгребать из-за пазухи снег, и дуть на замерзшие руки, сняв рукавички, и править тройкой по еще не наезженной дороге, и падать на лед, не умея стоять на местных аналогах коньков, и лезть обниматься к кипящему самовару, чтобы отогреться, и снова лететь с горы, пока солнце не скроется за горизонтом и звезды не окажутся на расстоянии вытянутой руки. А потом парится в бани, прогреваясь до самых косточек и пить горячий чай с пирожками, и пребывать в том блаженном состоянии, когда не важны взгляды окружающих, потому что ты слишком устал и счастлив, чтобы их замечать. И сил твоих хватает только на мечты о кровати и сне.

Я была так переполнена впечатлениями этого первого зимнего дня и праздника, который подарил мне Иван царевич, что мне хотелось осчастливить весь мир, и когда, направляясь из бани в свою комнату, я встретила в коридоре Ивана царевича, мне захотелось отблагодарить своего героя, и я не придумала ничего лучшего, как поцеловать царевича. В губы. Впрочем во всем остальном мой поцелуй был довольно целомудренным. Правда это был наш первый с царевичем поцелуй (и как мне казалось последний). После чего я со спокойной совестью ушла спать, оставив осчастливленного мной царевича стоять в коридоре как соляной столб. Добравшись до своей кровати с мягкой пуховой периной, я еще сумела отпустить прислуживающих мне девушек и провалилась в сон, полная самых радужных надежд на день грядущий.

Надежды, как и всегда, не замедлили сбыться, причем сбываться они начали уже ночью. Если бы в моей жизни не было

опыта внезапных ночных побудок, устраиваемых мне братьями Ливнем и Ветром, в эту ночь я бы наверное точно заработала себе рубец на сердце, а так отделалась длительной и весьма неприятной икотой.

Разбудил меня стук. Подождав какое-то время в надежде, что стучащий уйдет и, убедившись в тщетности своих надежд, я встала и открыла дверь. За дверью была ночь и пустота. И тишина. Стоило мне закрыть дверь, стук возобновился. Я снова открыла дверь, и опять никого не увидела. Вернувшись к кровати, я огляделась и поперхнулась воздухом. На фоне белой от снега ночи по моему окну распласталась черная паукообразная фигура. Именно эта фигура и стучала в мое окно и еще что-то шипела. Я прислушалась.

— Открывай Яга, — доносилось из-за окна, — это я.

— Кто я? — прошипела я в ответ. — Я бывают разные.

— Кощей. Открывай, а то охрана засечет.

Ругаясь и чертыхаясь от нежданной радости, я открыла окошко, и Кощей в него буквально просочился, как популярный супер — герой.

— Ты с дуба рухнул? — прошипела я.

— Нет, не рухнул. Все обошлось. А как ты догадалась? — удивился Кощей

— О чем догадалась? — в свою очередь удивилась я.

— Что я на дуб лазил?

— Интуиция, — выкрутилась я. — А зачем ты лазил на дуб?

— Сундук вешал конечно же.

— Конечно. Как я сама не поняла. Ты ведь каждые выходные вешаешь сундуки на деревья.

— Ну почему каждые выходные, — Кощей явно не понимал моей иронии, видимо тоже еще не проснулся, что не мешало ему ползать по дубам и домам. — Только если его снимут.

— А его сняли?

— Ну да, прошлый раз, когда очередной жених свою невесту спасал, он этот сундук снял. А у меня все руки не доходили его снова повесить. Сначала забыл, потом времени не было, с этими яблоками замотался. А тут выдалась свободная минутка, вот я и решил его повесить. Всегда лучше быть готовым заранее, мало ли когда он опять пригодится.

— Подожди, — кое-что стало проясняться, — это тот самый, где твоя смерть что ли?

— Ну да, игла в яйце, яйцо в зайце, заяц в утке, а утка в сундуке.

— Как у вас все запущено, — я села на кровать, не в силах вникать в тонкости местного бытия. — А ко мне в окно зачем

залез?

— Предупредить, что завтра тебя похитит Горыныч. А для этого ты должна под любым предлогом выйти на улицу в полдень.

— Почему в полдень-то? И почему на улицу?

— В полдень, потому что день и свидетелей будет много, так что ни Иван, ни Берендей не смогут отвертеться от спасения тебя из лап змея. Народ не допустит. А на улицу, потому что так удобнее. Мы же не войну устраиваем, а дружеское похищение. Горыныч тебя аккуратненько с улицы подхватит и унесет. А если ты в доме будешь, это же надо здание жечь, на стражу нападать. Хлопотно и дорого. У нас денег на такой сценарий нет.

— С этим все ясно. Не ясно только одно, почему так долго? Я тут с ума чуть не сошла вас дожидаючись.

— Так Горыныч же в гостях у дяди был, на Везувии. Ели его уговорил сюда на зиму вернутся. Он же страсть как зиму не любит.

— Да уж, — Горынычу я сочувствовала, как невинно пострадавшему. — А ты зачем в окно лез? Другого способа сообщить не нашел? — начавшаяся икота никак не желала проходить, несмотря на все мои попытки не дышать в перерывах между вопросами.

— Ты сегодня какая-то слишком привередливая, — возмутился Кощей. — Как я тебе сообщу, если яблочка с тарелочкой у тебя с собой нет. А всех голубей царские слуги перехватывают. Вот и пришлось молодость вспоминать.

— Бурная видать у тебя была молодость, — хмыкнула я.

— Было дело, — лицо Кощея приобрело мечтательное выражение. — Но теперь я солидный предприниматель и ни в чем криминальном не замечен.

— Кощей, шел бы ты, уже. А то скоро петухи проснутся, а мне еще до полудня дожить надо.

— Не забудь, ровно в полдень, на улице.

С этими словами Кощей снова просочился в окно и растворился в ночи. А мне оставалось только придумывать план как вырваться на улицу к указанному часу. Но к счастью все мои планы, и тщательно до деталей продуманные и только прикинутые в уме, изощренные и простые, мне не пригодились. Впрочем, планов этих было не так много, как должно было бы быть, подкачало меня мое коварство. Стоило мне утром выйти из комнаты, как я натолкнулась на Ивана. Царевич был очень серьезным, собранным, и каким-то решительным. Как будто подменили царевича за ночь.

— Вы ли это? — тянуло меня спросить, но вместо этого я

только поздоровалась.

Иван же ни слова не говоря, взял меня за руку и решительным, быстрым шагом, направился в ему одному ведомом направлении. Как оказалось, вел он меня к царю. И не просто к царю, на приватную беседу, а на заседание боярской думы (кто бы мог подумать, что они начинают заседать в такую рань). Самолично распахнув двери в зал заседаний, не обратив внимания на стражу, он прошел прямо в центр комнаты, поклонился в пояс царю, утянув в поклон и меня, и хорошо поставленным голосом молвил:

— Не вели казнить, царь батюшка, вели слово молвить.

— Молви сыне, — ответствовал, иначе и не скажешь, царь.

— Царь батюшка, ведомо тебе о любви моей к Синеглазке. Ты сам нас благословил и невестой моей ее назвал, так позволь же мне отец мой назвать ее своей женой. Все для того готово уже.

— А гости еще не все приехали, — выкрутился царь.

— А нам и тех хватит, кто есть. А как все гости приедут, можно будет уже и пир в честь наследника устроить.

— Какого наследника, — закричал мой внутренний голос. — Мы так не договаривались.

— Молчи лучше. В твоем возрасте приличные девушки уже по второму ребенку имеют, а ты панику из-за первого разводишь, — приструнила я внутреннего паникера.

— Я еще не готова, — продолжил он гнуть свою линию.

— Если тебя слушать, то мы умрем старой девой. А это уже не комильфо.

Внутренний голос замолчал. Быть не комильфо ему не хотелось, хотя чувствовалось, что он до конца не убежден.

— Наследника? — царь тоже не ожидал такого поворота.

— Наследника, — повторил царевич. — Ты же сам знаешь, некоторым гостям к нам год добираться. Не можем же мы их ждать так долго. Как бы отец невесты моей на нас не обиделся за такое пренебрежение и урон ее доброму имени чинимый.

— Правда, царь — батюшка, негоже так долго девке невестой в чужом доме жить.

Вмешался один из бояр и до меня дошел замысел Ивана. А парень-то оказался стратег. Кто бы мог подумать. Даже обидно как-то такой потенциал в чужие руки отдавать. Дискуссия меж тем продолжалась, но не очень яростно и с большим перевесом в сторону царевича. В итоге царь сдался и назначил дату. По моим подсчетам выходило, что свадьба будет через месяц. Если конечно к тому времени царевич сумеет невесту найти. Царевич же, получив желаемое, все тем же макаром вытащил меня из зала в коридор, проскочил мимо стражи, и остановился уже только на

лестнице. И прежде чем я хоть как-то успела среагировать на события, он меня поцеловал.

— Кощей точно меня убьет, — красными буквами загорелось в моем мозгу.

О нет. Не подумайте лишнего. Поцелуй был совсем невинным. Даже безобидным, если судить с точки зрения цивилизации. Так, губы соприкоснулись с губами на пару минут и все. Но раньше-то дело дальше разговоров не заходило. Царевич меня даже обнимать не пытался, исключая нашу поездку верхом, но там это было вызвано необходимостью. А тут он сделал резкий рывок и сразу перешел на второй уровень, минуя первый. Такими темпами наследник у нас появится много раньше положенного правилами поведения срока. Одна радость Горыныч.

— Ванечка, радость-то какая, — я бросилась на шею царевичу, благоразумно не уточняя к чему именно относится моя радость. Царевич от моего энтузиазма, в котором я раньше замечена не была, немного растерялся и стоял в легком ступоре. — Ванечка, а пойдем погуляем, вчера такой чудесный день был, — вспомнила я о своем задании.

Царевич не заставил себя долго упрашивать. И вскоре, в должной мере утеплившись, мы оказались во дворе. День был морозный и чудесный. Единственное отличие белого пейзажа от вчерашнего заключалось в том, что сегодня дороги были уже наезжены и нахожены и сугробы оставались только по обочинам. Но не успели мы выйти из дворца, как на Ивана напали его старшие братья с какими-то жутко важными делами, и в итоге я была отправлена гулять в дворцовый сад в сопровождении толпы мамушек и нянюшек, потому что гулять без сопровождения в моем положении неприлично. И коль скоро это отвечало моим планам, я бодрым шагом направилась в сад и, пробежав его насквозь, выскочила на просторный луг, открытый со всех сторон и хорошо просматриваемый с воздуха, после чего начала курсировать по нему вперед и назад как сторожевой крейсер. Мамушки и нянюшки курсировали по лугу вместе со мной, они вряд ли понимали мое странное поведение, но вопросы задавать не решались. Так мы и бегали дружной толпой по полю. Мороз и солнце, день конечно чудесный, но в меру. Сколько было времени я не знала, а спросить не решалась. В глазах следствия все это будет выглядеть весьма подозрительно, думала я, наматывая круги. Когда начнется расследование по факту моего похищения, у многих могут возникнуть вопросы к моей прогулке. Могут заподозрить в сговоре. Но и уйти с поля я не могла. Вряд ли Горыныч будет каждый день прилетать, как рейсовый автобус.

— Царевич, — воскликнула одна из моих девушек.

— Змей Горыныч, — одновременно с ней закричала другая.

Они приближались одновременно с разных сторон. Царевич шел быстрым шагом со стороны дворца, горя предвкушением встречи. Горыныч на бреющем полете приближался с противоположной стороны. Я торчала по середине, как та березка и думала куда бежать. Синеглазка должна была бы побежать к царевичу за спасением или закричать и упасть в обморок. Но мне-то надо было быть похищенной, и моим очевидным выбором был Горыныч. В итоге я решила удивить всех и побежала просто прямо, на равном расстоянии от обоих, надеясь на маневренность ящера. Расчет оказался верным. Уже через пару минут меня подхватили когтистые лапы и Горыныч резко взмыл вверх, так что у меня даже уши заложило. А по аэродрому за нами долго бежали маленькие фигурки и махали руками. Летели мы недолго, примерно полчаса. А потом Горыныч плавно пошел на снижение и поставив меня на землю, сел рядом.

— Ты охамел звероящер меня таким способом транспортировать? — возмутилась я.

— Почему это звероящер? — обиженно пробасила левая голова.

— Добрый день, — поздоровалась центральная.

— А мы похищенных всегда таким образом уносим, — пояснила правая.

— Действительно так удобнее и в нашем случае правдоподобнее, — аргументировала центральная их позицию.

— И вообще, проходи уже в пещеру, замерзнем, — все еще обиженно предложила левая.

Я огляделась и с удивлением узнала уже виденный мной пейзаж, окружающей пещеру Горыныча. Правда сейчас он был выдержанным в белой гамме из-за наступившей зимы, но все же явно не имел ничего общего с моей избушкой.

— А почему ты привез меня сюда?

— А куда еще?

— Ко мне домой, в избушку. Вроде бы логично?

— Не знаю. Мне Кощей сказал тебя у себя в пещере спрятать, пока царевич Синеглазку не спасет.

— А Синеглазка где?

— У меня в пещере. Кощей ее сегодня утром доставил. Пойдем познакомишься.

И мы пошли. В пещере действительно было Синеглазка. Она сидела возле одной из стен и что-то пряла (видимо Кощей ее сюда вместе с рабочим инструментом доставил), но при нашем появлении встала и поздоровалась. Собственно для полного сходства со знаменитой царевной — лебедью этой красавице

только месяца под косой не хватало и звезды во лбу. Немного выше меня ростом, с тонкой талией, крутыми бедрами и немаленькой грудью, она была идеально й моделью для песочных часов. Ко всему этому у нее был ровный белый цвет лица, без всяких там прыщей и черных точек, длинные золотистого оттенка косы до пола и огромные синие глаза. Но то есть так и хотелось подпортить ее товарный вид, чтобы не чувствовать себя совсем уж замарашкой. Ко всему прочему девица оказалась на редкость воспитанной и дружелюбной. Прям ходячий комплекс для меня.

— Да ты никак убраться успела? — присвистнули все три головы Горыныча.

Девица скромно улыбнулась и потупила глазки. А я повторила маневр Горыныча и завертела головой. Конечно в прошлый раз я была здесь довольно давно и недолго, но все же я заметила чудесное преображение пещеры. Она словно стала светлее и из-за этого казалась еще больше. Стены и пол в буквальном смысле сверкали от чистоты, на полу был расстелен огромный ковер (интересно она его достала из запасов ящерицы или сама соткала), по стенам были нарисованы цветочные узоры. Этакая уютная девичья горница размером с хороший замок для одинокого змея. Ходячий комплекс в квадрате. Мне кончено до таких достоинств как пешком до луны, принимая во внимание тот факт, что в данном направлении я даже и шагать не собиралась.

— Вы наверное проголодались с дороги? — пропела девица своим хрустальным голосом. — А я обед приготовила, садитесь за стол.

Уговаривать нас с Горынычем не пришлось и мы сели за стол, даже не озаботившись мытьем рук. В конце концов, моему имиджу на фоне этого идеала уже ничто повредить не может.

А потом потянулись дни ожидания. Мы дружно ждали появления спасителя. Я рассказала Синеглазке все, что могла вспомнить из своих уроков и вообще все о своей жизни во дворце. Чтобы ее не заподозрили в амнезии или еще чем похуже, после возвращения. В отличие от меня Синеглазка запомнила имена предков своих будущих родственников (те немногие, что учителю все же удалось вбить в мою голову) почти сразу. Она вообще обладала хорошей памятью на имена и даты. Когда мои рассказы закончились, нашим развлечением занялся Горыныч. Он веселил нас рассказами о своем дядюшки с Везувия. Потом кончились и эти рассказы, а царевича все не было. Кощея не было тоже и потому мы не знали то ли армия спасения заблудилась, то ли вовсе не вышла в свой поход. Зима тем временем окончательно вступила в свои права и у меня проснулась ностальгия. Мне хотелось новогоднего праздника с елкой, подарками и

апельсинами. Решив, что тот факт, что местные справляют новый год осенью, не отменяет того факта, что я его справляю зимой, я взяла организацию праздника в свои руки. Елку нарядили возле пещеры Горыныча. Нет, сначала я кончено хотела ее срубить и поставить в центре пещеры, но потом мне стало жаль дерево и страшно, когда я представила себе реакцию Лешего, и елку оставили на месте, росла она как раз напротив входа. Елку нарядили всем, что нашли в запасах Горыныча. А запасы у него были весьма затейливы. Различные шлемы, мечи, кольчуги, гребешки, ленты, серьги, видимо все с тех времен, когда Горыныч еще не сидел на диете, запрещающей есть пережаренных рыцарей. Затем я научила Горыныча тем не многим песенкам про новый год и елочку, что помнила, и под хоровое пенье трех голов мы с Синеглазкой водили вокруг елочки хороводы, читали стишки и кричали «елочка гори». Еще мы слепили снеговика. После чего вся полянка вокруг пещеры оказалась очищена от снега и радовала глаз почти зеленой травой. А возле входа в пещеру возвышался пятиметровый снеговик. В вопросах скульптуры Горыныч определенно был монументалистом. К счастью для травы, ночью пришел Морозко и исправил наше безобразие. После чего мы слепили снежную бабу. Мы бы еще и снежных детей слепили, но Морозко пригрозил засыпать вход в пещеру, если мы не прекратим вредительство и мы решили, что наша снежная пара еще молодая и им стоит пожить для себя. А так как других развлечений не было, мы опять заскучали. Синеглазка, закончив с пряжей, занялась ткачеством, готовила по моему совету подарок будущему свекру, а мы с Горынычем развлекались тем, что он учил меня итальянскому языку. Ну настолько насколько он сам его успел выучить, пока гостил у дяди.

— Слушай, Яга, — прошептала правая голова, склоняясь как можно ниже ко мне. — А может мне Синеглазку самому вернуть?

— И как ты это объяснишь? — я тоже шептала. — Извините ошибся, не ту девицу похитил?

— А может ее отцу вернуть? За выкуп?

Я задумалась. Родному отцу ребенок, наверное, при любом раскладе нужен. Если сумму попросить чисто символическую, наверное он не откажется. Нет, не поймите нас не правильно. Мы вовсе не сомневались в коварном плане Кощея, но затянувшееся ожидание наводило на определенные мысли. Например о том, что либо Иван не очень-то и влюблен и жаждет возвращения невесты (а в таком случае это моя вина, и перед Синеглазкой было очень неудобно), либо отец его царь Берендей решил воспользоваться случаем и избавится от неугодной девицы (что опять таки было моей виной и опять перед Синеглазкой было очень неудобно). Так

что волей неволей приходилось задумываться о запасном варианте. Синеглазка девушка кончено хорошая, но не может же она всю жизнь у Горыныча жить.

— Давай еще пять дней подождем, — предложила я, — если ничего не изменится, будем пытаться ее отцу вернуть.

— Давай, — согласился Горыныч.

И мы вернулись к итальянскому.

Это был день, когда сбываются мечты. День, которого ждешь всю свою жизнь, чтобы, когда он придет, сполна насладится счастьем. Я сидела на веранде дорогого кафе, в роскошном платье, любовалась видами моря и пила сангрию. А еще я купалась в мужском внимании. Все мужчины в кафе смотрели на меня, восхищались и любовались мной и даже, не побоюсь этого слова, они меня вожделели. Это был час моего триумфа. Ради этой минуты можно было страдать и мучится тридцать лет. Чтобы сейчас быть настоящей королевой, сводящей с ума. Остановив свой взгляд на кареглазом брюнете в дорогом итальянском костюме, я улыбнулась и мужчина решился. Он встал и с грацией хищной кошки подошел ко мне, слегка улыбнулся и низким бархатным голосом, от которого по моему телу побежали мурашки, сказал:

— Выходи чудище проклятое.

— Что простите?

— Выходи чудище на смертный бой.

С этими словами красивое лицо расплылось и превратилось в серую каменную стену пещеры Горыныча. С громким стоном я села и попыталась сориентироваться. Я по — прежнему была в пещере и день когда сбываются мечты был от меня еще дальше, чем луна. Единственным отличием сегодняшнего дня от дня вчерашнего было звуковое сопровождение, несколько оскорбительного содержания.

— Что это? — поинтересовалась я.

— Иван — царевич пришел, — обрадовал меня Горыныч. — Драться зовет.

— Какая прелесть. Они всегда ругаются. Когда зовут драться?

— Само собой. Только Иван-то почитай и не ругается совсем. Вот в прежние времена рыцари были куда как изобретательней. Я бывало специально долго не выходил из пещеры, чтобы их ругань послушать, — поделилась со мной левая голова.

— Синеглазка, вы готовы? — поинтересовалась центральная, как самая ответственная.

— Да конечно, — улыбнулась девушка.

— Тогда ждите здесь.

И Горыныч с гордо поднятыми головами направился на бой.

Мы остались ждать и переживать. Я болела за Горыныча, Синеглазка думаю за царевича.

— Вот, — прервала мои переживания пленница, — передайте, пожалуйста, потом Змею Горынычу от меня подарок, — и она протянула мне сложенный ковер, который ткала все это время.

— Зачем?

— Ну он был такой добрый и милый. Я хочу его отблагодарить, надеюсь ему понравится.

— А как же подарок для царя?

— Я ему новый сделаю, это ведь совсем не сложно, — Синеглазка засмущалась.

— Совсем не сложно, — вспомнила я свои издевательства над нитками и служанками, а потом меня осенило. — Раздевайся.

— Зззачем? — Синеглазка даже отступила от меня на пару шагов.

— Это же очевидно. Внешность твою Баба — Яга заколдовала, но одежду-то нет. А Иван — царевич видел мой наряд, думаю, он очень удивится, заметив, что ты переоделась.

— Мужчины обычно не обращают на это внимание, — отметила Синеглазка очевидный факт.

— А женщины очень даже, а во дворце их много. Так что раздевайся, меняться будем.

И я принялась снимать с себя эти одежки, делающие меня похожей на капусту. После некоторого колебания Синеглазка последовала моему примеру и тоже стала снимать свой наряд. Когда наш вещевой обмен завершился, я почти засвистела от восхищения. Платье, которое на мне висело и топорщилось одновременно, скрывая все мои достоинства и выпячивая недостатки, на Синеглазке сидело идеально, плавно обтекая ее фигуру со всеми ее впуклостями и выпуклостями. Кроме того цвет платья делал ее глаза еще ярче и более синими, подчеркивал белизну кожи и румянец щек, а уж косы ее сверкали как после посещения стилиста. Немного подумав, я решила включить Синеглазку в список свои смертельных врагов.

— Получай чудище поганое, — раздалось снаружи. — Вот тебе за невесту мою.

Поняв, что конец эпохальной битвы близок, мы побежали к выходу из пещеры и притаившись в тени стали свидетелями того, как Иван — царевич отрубил Горынчу все три головы одним ударом. Правда для этого Горынычу пришлось так изогнуться, подставляясь под меч, который в тот момент был где-то возле его хвоста, что я всерьез заволновалась не было бы у него искривления позвоночника. Но вот отрубленные головы упали на землю и тело чудовища рухнуло следом за ними поднимая тучи

снега с деревьев и сугробов возле леса. Иван — царевич вытер меч и устало вздохнув, направился к пещере. Сообразив, что если он войдет, то он меня найдет, я толкнула Синеглазку к нему навстречу и она буквально влетела в его объятия.

— Иванушка, ты пришел, ты меня спас, — проявила сообразительность девушка.

— Простите? — лицо царевича из лица человека удовлетворенного проделанной работой и предвкушающего встречу с любимой девушкой, превратилась в лицо человека не совсем понимающего, что происходит.

— Иванушка, ты не узнал меня? Это же я твоя невеста, Синеглазка. Баба — Яга заколдовала меня, чтобы никто не мог красоты моей разглядеть, но ты убил Змея Горыныча и снял с меня заклятие.

— А при чем здесь Змей Горыныч? — задал Иван вполне логичный вопрос (а Кощей считал его на это не способным).

— Ну, — Синеглазка слегка растерялась, — Змей Горыныч слуга Бабы — Яги верный…

— Она его хранителем заклятия сделала? — ответил Иван на свой собственный вопрос (а может я поспешила его похвалить?)

— Да, именно, — обрадовалась Синеглазка. — Или я тебе больше не люба? — и она обижено надула губки.

— Люба, — заверил ее Иван, но убежденным в своем чувстве не выглядел. — Ну если тебе из пещеры забирать ничего не надо, то поедем домой.

— С тобой хоть на край света, — заверила спасенная невеста своего героя.

Иван громко свистнул и на поляну вылетела Сивка — Бурка. Вот кто выглядел довольным своей жизнью. Лошадь, высоко поднимая копыта, прошла мимо пещеры, явно демонстрируя мне, как ей повезло с новым хозяином, на что я только фыркнула. Как говорится не больно то и хотелось перед ней скакать, у меня ступа есть. Царевич если такому поведению своего коня и удивился, ничего не сказал, и, усадив невесту, вскочил в седло, только их и видели. Подождав для верности еще несколько минут и убедившись, что нас не снимает скрытой камерой, я вышла на поляну и подошла к Горынычу.

— Нет, ну вы издеваетесь? — раздался до слез знакомый голос.

Я обозрела окрестности и поняла, что это действительно можно расценивать как издевательство. Еще сегодня утром пушистая, снежная полянка напоминала лубочную картинку из сказки про зиму, а сейчас на ней можно было снимать какой-нибудь голливудский боевик, не тратясь на декорации. Деревья

по краю полянки стояли все черные от сажи и пепла, некоторые и вовсе сгорели. Снег, то что еще осталось, напоминал груды покореженного металла, черный и застывший в причудливых формах. Посреди всего этого апокалипсического пейзажа лежало обезглавленное тело, и над всем этим витал изумительный запах гари, железа и крови. Живописная была картинка.

— Морозко, здравствуй. Как дела? — обернулась я к источнику голоса.

— Слушай Яга, я конечно не хочу тебя обидеть, но моя жизнь заметно осложнилась с твоим появлением. У меня, знаешь ли, огромные территории за которыми я должен следить, а я все время вынужден наводит порядок на этом клочке.

— Я вообще ни при чем. Это все была идея Кощея, а исполнение Горыныча.

— А ты тогда что тут делаешь? Группа поддержки?

Поймал, подумала я. Действительно, если бы не я и мои рефлексы, этого бы не было. С другой стороны, если бы не мои рефлексы, меня может вообще бы нигде не было. Так что во всем виноват Кощей со своими планами, а я просто мимо проходила.

— Слушай Морозко, я такая же жертва обстоятельств как и ты. Так что мог бы и проявить сочувствие к сестре по несчастью.

— Свежо предание, — отмахнулся Морозко от моих попыток вызвать сочувствие. — Засыплю я тебя на всю зиму, чтобы никто к тебе добраться не мог, — пригрозил он.

— Засыпь, — радостно согласилась я. — Это прям идеальное решение, и тебе спокойнее и мне хорошо.

— Вот прямо сейчас и засыплю.

— Прямо сейчас не надо, подожди пока я до дому доберусь. Не хотелось бы знаешь стеснять Горыныча своей компанией.

— Да, действительно, о Горыныче я не подумал. Он вряд ли заслужил такое, — ухмыльнулся Морозко, а я его еще считала образцом галантности.

И вот вопрос, это я раньше ничего в нем такого не замечала, или это я так на мужчин действую, что при длительном со мной общении у них просыпаются не самые хорошие стороны. Однако углубится в это исследование мне помешал Горыныч. Именно в этот момент на свет появились три его новые головы. Буквально за минуту. Вот только ничего не было, а тут раз и три нормальные большие головы, как будто ничего и не было.

— Морозко? — удивился новой компании Горыныч. — Здравствуй.

— И тебе Горыныч здраву быть.

— Извини, мы тут немного попортили тебе все, — смутился ящер, оглядев с высоты своего роста разрушения.

— Ничего страшного. Надеюсь только, что это больше не повторится.

— Ни этой зимой, — разулыбались все три головы.

— А меня домой никто не добросит? — поинтересовалась я.

— Ой, конечно, я тебя быстро домчу, только вот немного попозже, — повернулась ко мне правая голова. — Я сейчас летать не могу.

— Да, у нас такое после отрубления голов всегда бывает, — поддержала левая голова.

— Но это быстро проходит. Надо только немного посидеть и подождать пока новые головы и туловище между собой скоординируются, и все будет в порядке, — объяснила мне тонкости центральная.

— Как все сложно то. А с отрубленными головами что делать будешь? Закопаешь? — и я кивнула в сторону трех старых голов, аккуратно лежавших в сторонке.

— Нет, зачем. Они сами сейчас сгорят.

Я уставилась на головы, желая своими глазами увидеть самовозгорание, и мне повезло. Через две минуты головы действительно дружно вспыхнули, и от них осталась только кучка пепла.

— Я ведь внутри себя огонь ношу, в каждой своей частичке. Вот он на свободу и вырывается, когда я его не контролирую. Потому головы и горят.

— Понятно.

— Ну что же мы на морозе стоим, пойдемте внутрь, я вас чаем угощу, — забеспокоилась левая, самая гостеприимная голова.

Морозко, который видимо решил, что проще дождаться моего отбытия на месте, чем бегать туда — сюда, первым воспользовался щедрым предложением. Мы с Горынычем последовали за ним.

— Кстати, вот подарок от Синеглазки, она просила тебе передать, вместе с благодарностью.

Как только мы зашли внутрь, я взяла сверток и протянула его Горынычу. Зеленый монстр взял свой подарок и развернул.

— Мастерица, — восхитился Морозко.

— Красота — подтвердил Горыныч.

Я решила завидовать молча. А ковер был действительно красивым. Размером со стены пещеры, он изображал небольшую итальянскую деревушку у подножья Везувия и на берегу моря. Синее море простиралось с одной стороны ковра, сливаясь вдали с лазурным небом, на котором солнце играло в прятки с белыми облачками. Волны белыми барашками с легким шелестом

набегали на берег, где стояли перевернутые кверху дном рыбацкие лодки и сушились на солнце сети, с запутавшимися в них водорослями. По улицам городка бегали босоногие ребятишки, играя в салки. Возле белых домиков с красными черепичными крышами и синими ставнями сидели женщины, красивые, нарядно одетые. Они сплетничали и занимались мелкой работой, перебирали рыбу, штопали вещи, кто-то плел венки. На заднем фоне возвышался огромный Везувий, дремлющий, грозный, но не ужасающий. И все это сразу наполнило пещеру летом, запахом моря, криками детей, легким ветром, ощущением летней беззаботности и счастьем отдыха на море.

— Страшно далеки эти девицы от народа, — подумала я. — Сразу видно, что настоящей рыбацкой деревни она в своей жизни не видела.

— Это в тебе говорит зависть, — пояснил мой внутренний голос.

— Не спорю. Но тем не менее от народа Синеглазка далека.

— Ну ты тоже не особо близка к нему, — резонно возразил голос.

— Из моей чащобы до ближайшего народа слишком долго идти. Я нахожусь в вынужденной изоляции. А они в добровольной.

— А давайте на стену повесим, — прервал мой внутренний спор Горыныч.

И мы стали вешать ковер на стену. Впрочем, вешали больше Горыныч и Морозко, а я только наблюдала. Даже правее или левее мне не пришлось говорить, потому что ковер был размером точно по стене и вписался в нее до миллиметра. После того как ковер был повешен, а чай выпит, Горыныч сделав пару кругов над своей пещерой, вынес вердикт о летной готовности и попрощавшись с Морозко я собралась в путь домой. Горыныч правда опять взял меня в лапы, сказав, что лететь не далеко, и ему не придется садиться, он меня аккуратненько опустит и улетит, чтобы не мешать мне. Вставать в позу я не стала, учитывая, что Морозко явно горел желанием меня уже засыпать и не важно где именно, лишь бы основательно и до весны. И мы полетели.

— Домоооой, — напевала я, любуясь зимним пейзажем подо мной, пока Горыныч медленно и плавно, чтобы не повредить моей тушке, направлялся к моей избушке. — Домоооой, — потому что других слов из этой песни я не помнила.

— Иду на снижение, приготовься, — правая голова наклонилась ко мне.

— Быстро, — восхитилась я.

— Быстро, надежно, мягко, — поделилась правая голова своим мнением о себе любимом.

И Горыныч действительно пошел на снижение, через несколько минут он завис над полянкой возле дома, и аккуратно поставив меня на ноги, разжал когти.

— Стоишь? — левая голова внимательно меня оглядела.

— Все нормально, — я улыбнулась. — Спасибо.

— Пожалуйста, — отозвались все три разом.

Пригнувшись, как делают отбегающие от работающего вертолета, я побежала к избушке и когда по — мнению Горыныча я оказалась на безопасном расстоянии, он пошел на взлет и вскоре скрылся в синей дали.

— Дом, милый дом — я буквально готова была целовать ступеньки своей приставной лесенки, по которым я поднималась к входной двери.

А на крыльце меня ждал еще один сюрприз. В своем законном углу стояла моя ступа, красуясь розово — синими расписными боками. А ведь я уже и не надеялась ее увидеть. Такая картинка меня растрогала до слез. На двери красовалась записка «Ступу и метлу вернул в целости. Как закончу операцию с Иваном — царевичем, свяжусь. Кощей».

— Заботливый, — умилилась я. — Но все равно сволочь.

И с этими словами я открыла дверь своей избушки. В избушке царила тишина и чистота, а на лавке развалился пузом кверху, раскинув лапы, черно — белый ученый кот. У меня на глазах даже слезы умиления появились.

— Митрофан, ты к нам снова в законный отпуск?

Митрофан приоткрыл один глаз, внимательно меня осмотрел, и махнул хвостом в знак согласия.

— Здорово как, — искренне обрадовалась я. — Все веселей будет зимовать. Кстати надеюсь ты до весны никуда особо не торопишься, потому что Морозко обещал меня засыпать.

Митрофан в ответ на эти угрозы повернулся ко мне спиной и продолжил спать. Все-таки коты, даже если они и ученые, в чем-то фундаментальном очень похожи между собой. С их появлением дом становится уютнее, гостеприимнее, теплее, в него хочется возвращаться.

— Явилась, — раздалось со стороны зеркала и прозвучало это очень осуждающе, на корню уничтожив все мое благодушное настроение.

— Я тебя тоже рада видеть, — постаралась я отравить зеркало словесным ядом.

— Сколько лет на свете живу, а такой Яги не видела. Стыд и

срам один.

— То ли еще будет, — просветила я блюстительницу морали. — После меня придут иные, еще более свободных нравов. Так что ты заранее привыкай.

— Ужас, — возмутилось зеркало и отключилось.

— Один ноль в мою пользу, — почувствовала я моральное удовлетворение.

Проверив запасы продуктов и сделав заказ на недостающее, я еще некоторое время посмотрела какую-то слезливую мелодраму по блюдечку с яблочком, а потом отправилась спать, полная самых радужных надежд на ближайшее будущее. Ночью меня как обычно разбудили. Видимо эта такая новая традиция образовалась без моего ведома. Когда мне удалось открыть глаза и сфокусироваться, мои взорам предстал День ясный в ограниченном виде, в смысле как всегда в виде рук, и какой-то незнакомый мне молодой человек в светло — сером наряде. Явление сие было так неожиданно, что я моментально проснулась.

— Простите вы кто? — поинтересовалась я у незнакомого мне парня.

— Доброй ночи, — молодой человек видимо решил не нарушать алгоритм вежливого общения. — Простите, что я беспокою вас в такой не совсем урочный час. Но мы с вами заочно знакомы. Я месяц ясный. Помните, мы вместе к Отцу вод ходили.

— Замечательно. Очень приятно познакомится очно. Вы только за этим заходили?

— Видите ли, у меня есть к вам просьба, — улыбнулся сероглазый юноша, напомнив мне других таких же сероглазых.

— Какая? — спросила я пару минут спустя, видя, что юноша не спешит с продолжением.

— Вы не могли бы взять меня к себе на работу?

— Что простите? — я была уверенна, что ослышалась.

— Взять к себе на работу, — повторил сероглазый.

— Простите кем? Личным месяцем?

— Нет, зачем же, — месяц добродушно улыбнулся. — Помощником Баба — Яги. Как и моих братьев. Солнце, День и Ночь.

— Ага. А зачем мне это надо?

— Ну, у вас в распоряжении всегда будет удобная лунная дорожка, по которой можно дойти в любое место.

— Ага, а зачем это надо тебе?

— Видите ли, я недавно пришел к такому мнению, что уже достиг того возраста, когда пора начинать взрослую независимую от родителей жизнь. И вы показались мне подходящим

вариантом, — пояснил месяц свой выбор.

— Ага. Понятно. А родители то ваши не против такого решения? — попыталась я отделаться от такой нечаянной радости.

— Конечно не против, — разрушил сероглазый мои надежды. — Более того, когда отец узнал, что я хочу поступить к вам на службу, он очень обрадовался. Он очень вас уважает и полностью вам доверяет. Папа будет очень рад.

— А днем этот вопрос никак нельзя обсудить? — поинтересовалась я и тут же поняла, как ошиблась.

Не знаю, как ему это удалось, но День ясный всем своим доступным моему взору видом продемонстрировал свое мнение о моих умственных способностях. Я прям почувствовала, как меня окатило волной почти презрения. Братец месяц себе такого по отношению к потенциальному работодателю не позволил.

— Ну дело в том, что я в дневное время обычно вынужден находиться в родительском тереме. Просто без веской причины появляться днем несколько не уместно.

Я подумала и согласилась, что нечасто видела в свой жизни месяц днем. Нет, наука, конечно, утверждает, что никуда ночное светило с небосвода не уходит и днем его не видно из-за солнца, но лично я месяц днем ни разу не видела.

— Да, понятно. Вам конечно удобнее решать свои дела ночью.

— Специфика работы, — извинился Месяц.

— Так, а если я тебя возьму на работу, это значит, что кого-то из прежних помощников мне надо уволить?

— А вы хотите кого-то уволить? — серые глаза аж округлились от удивления, а руки в белых рукавах заметно напряглись.

— Да нет. Просто я не совсем знаю правила. Где вы будете жить, поместитесь ли там вчетвером. И вообще можно ли Бабе — Яге иметь больше трех помощников?

— О, конечно можно, — облегчено вздохнул мой будущий помощник. — Количество помощников Бабы — Яги вообще не ограниченно. И мы прекрасно поместимся вчетвером там, где мы будем жить. Вам вообще не стоит об этом волноваться.

— Отлично, раз не стоит, то не буду, — согласилась я. — Только давай проясним еще один момент. Если я возьму на работу тебя, это же не означает, что я беру на работу и других твоих братьев. Не хотелось бы знаешь, чтобы у меня дома ветер гулял и гром гремел, про дождь я вообще молчу.

— Нет конечно, — успокоили меня. — Вопросы найма всегда решаются в индивидуальном порядке. Так что вы примите на

работу только меня, без братьев.

— Отлично. А видеть я тебя буду целиком или как и остальных.

— Думаю как остальных. В виде рук. Мои руки будут в серебристо серых рукавах.

— Теперь я точно не запутаюсь.

— Так вы берете меня на работу?

— Беру — зевнула я. — Считай, что ты принят.

— Спасибо, — расцвел Месяц улыбкой и исчез вместе с ясным Днем.

— Вот чувствую, что есть здесь какой-то подвох, а в чем он заключается понять не могу, — поделилась я своим соображением с пространством. Пространство промолчало и я вернулась в мир снов.

Утро обрадовало нас с Митрофаном воплощенным в реальность обещанием Морозко. Мою избушку занесло снегом. И так как моя избушка основательно окопалась на зиму, чтобы не заморозить свои ножки, то я достала из своего подполья тулуп и валенки и выбралась на улицу, чтобы осмотреться. Митрофан решил составить мне компанию. Пространство вокруг моей избушки в метров двести по окружности было окружено высокой снежной стеной. Достаточно высокой, чтобы отбить у любого желание ее перелезать и, подозреваю, достаточной толщины, чтобы в ней нельзя было сделать туннель. Выглядело это довольно мило. Мы с Митрофаном переглянулись и довольно кивнув друг другу, вернулись в избушку. Вечером на связь вышел Кощей.

— Привет Яга. У тебя все хорошо? — поинтересовался мой друг, товарищ и враг. — Я пытался к тебе зайти, но это невозможно. Метель вокруг кружит, не пробиться.

— Все хорошо, — успокоила я Кощея, взяв на заметку дополнительные меры безопасности, предпринятые Морозко. — А у тебя как? Иван с Синеглазкой свадьбу отгуляли?

— Понимаешь, что-то у них там странное произошло. Как они от Горыныча вернулись, все обрадовались, особенно царь Берендей, и решено было свадьбу сразу играть, пока еще чего не случилось. Но тут царевич Иван вмешался, сказал, что не прилично царские свадьбы в такой спешке играть. Надо гостей дождаться. Отца невесты. Опять-таки по традиции невеста должна подарок собственноручный сделать. Иначе их потом все соседи засмеют. Синеглазке ничего другого не оставалось, кроме как согласится с женихом и сесть за подарок. Вот как подарок готов будет, так свадьбу и сыграют.

— Так это же пара дней, — удивилась я. — С Синеглазкинной

скоростью она за неделю весь дворец коврами оденет, ни то что царю подарок приготовит.

— Видимо очень старается угодить, потому что подарка пока нет. Ладно мы свое дело сделали, так что дальше уже не наша головная боль. Хотя конечно поведение царевича меня немного удивляет.

Кощей нахмурился и замолчал, а я забыла, как дышать. Главное, чтобы меня ни в чем не заподозрили. Подумаешь пару раз целовались. И вовсе это тут ни при чем. Просто Иван понял, что он еще молод и ему рано жениться. Решил погулять подольше. Или Синеглазка решила жениха узнать получше, вот и задерживается с подарком. А я тут вовсе и ни при чем.

— Ну да время покажет, — махнул Кощей рукой на царские проблемы. — А я в отпуск уезжаю. В Гиспанию. Пока дел новых нет никаких, а жена новыми опытами занялась, поеду отдохну, отведу душу у знакомого инквизитора.

— Здорово, — искренне позавидовала я.

— Да, первый раз за пять лет. Так, что я буду вне зоны доступа, и ты меня не теряй.

— Не буду, — пообещала я. — А ты сувениры не забудь.

— Договорились. До весны.

— До весны, — попрощалась я и отключилась.

Так в моей избушке началась зима. Чудесное время тишины и покоя, когда никто не кричал по утрам оскорблений, не просил показать дорогу, затопить баньку и накормить. Когда не врывался Кощей с очередным важным поручением, не хвасталась своими поклонниками Кикимора, и только Митрофан составлял мне молчаливую компанию в моей лени. Когда лениться надоедало, я занималась изучением новых заклинаний, выбираясь для практических занятий во двор. Мои колдовские навыки медленно, но все же приобретались, и в двух случаях из трех мне даже удавалось достичь нужного результата. Еще я навела порядок в кладовой чудес, ознакомившись с реквизитом, и даже один раз полностью прочла Руководство Бабы — Яги, правда немногое из него запомнила. В общем, зима прошла в тихих радостях, подлечив мои порядком истрепанные нервы. И я даже начала уже думать, что вполне готова к новым трудностям и смогу продержаться здесь еще два года, не поседев и не перевоплотившись окончательно в сценический образ. Весна началась как-то сразу. Просто однажды утром я проснулась и увидела, что скрывавшие нас от внешнего мира стены пали и вместо них мой домик окружает вполне себе знакомый лес, на деревьях которого уже набухли почки. А потом проснулась моя избушка и занялась разминкой затекших за зиму ног. Благодаря

чему я в буквальном смысле узнала, что значит «дом вверх дном». Поймав небольшую паузу в этом безумном канкане, я решила совместить полезное с полезным и предложила избушке вместо прыжков на месте сбегать до зеленого дуба, подвезти Митрофана к месту службы, и обратно. Избушка приняла мое предложение с энтузиазмом и не успела я закончить свою мысль, как она уже неслась по неведомым дорожкам. И пока она бежала, а мы с Митрофаном скакали внутри, я всерьез обдумывала способы, каким можно было бы сделать избушку так сказать не ходячей.

— Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее, — пела я, в надежде быть услышанной, но безрезультатно.

Мой конь тоже был несговорчивы й и резво несся к цели, идя на мировой рекорд. К счастью вскоре показался зеленый дуб и избушка затормозила, выпуская Митрофана.

— Спасибо за доставку, — ступив на землю, Митрофан прервал свой отпускной обет молчания. — Если что понадобиться, спрашивай, рад буду помочь.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Увидимся.

И избушка пустилась в обратный путь. Но то ли я попривыкла к скачке, то ли избушка снизила скорость, но теперь я сидела у окна и наблюдала за пролетающим мимо пробуждающимся лесом. Птицы конечно еще не вернулись и не вили на деревьях гнезда, но уже видны были подснежники, слышался рев просыпающихся медведей, и весело журчали ручьи. Снег остался только в тени, под вековыми елями. И это было странно. То ли весна тут так быстро вступала в права, то ли Морозко до последнего держал меня в изоляции, опасаясь, что я приду и все испорчу, вопрос, оставшийся без ответа. Была у меня поначалу мысль навестить мужчину и лично поблагодарить за такие чудные каникулы, но по размышлению я пришла к выводу, что лучшей благодарностью будет мое отсутствие, учитывая его болезненную реакцию. Стоило нам вернуться на свой обустроенный двор, как мимо меня гордо задрав золотистый хвост, прогарцевала Сивка — Бурка с самым независимым видом и скрылась в своей конюшне. Я аж дара речи лишилась от такой наглости. Мне конечно конюшни не жаль, тем более что все равно за ней не ухаживаю, но то, что мне сделала одолжение лошадь, это уже не в какие ворота. А я-то решила, что она на царской конюшне прижилась.

— А ты радуйся, что лошадка вернулась, — посоветовало мне зеркало. — Она у тебя по описи хозяйства как ценное имущество проходит.

— У моего имущества есть опись? — удивилась я.

— У твоего может и нет, а у имущества Бабы — Яги есть. А ты

как думала? Вас тут много временных, а имущество одно. Каждая будет разбазаривать, не напасешься.

— А еще что там проходит как ценное?

— Сама избушка, с двумя ногами, — съехидничало зеркало так, как будто прочло мои недавние мысли — конюшня и баня, почтовый сундук и я конечно же.

— Конечно, — согласилась я.

То, что зеркало было здесь самым ценным имуществом, я даже не сомневалась. Кто еще будет Бабе — Яге нервы трепать и не давать забыться. Не яблочко же. Впрочем, начавшаяся весна и мое благодушное настроение не позволили мне долго злобствовать из-за вредной стекляшки, тем более, что информация была ценной и стоило ее запомнить. И в самом благодушном настроении я принялась печь ягодный пирог.

Знаете когда вам уже за слегка тридцать лет, вы работаете Бабой — Ягой с оформленным по контракту запретом на личную жизнь, когда желание, которые вы пробуждаете в импозантных мужчинах — это желание изолировать вас от мира как можно надежнее и подольше, когда вашими конкурентками являются синеглазые мастерицы, а ваш единственный поклонник — это отравленный яблочками начинающий богатырь, то право слово не стоит быть слишком уж привередливой и надеяться на чудо, как будто вам все еще пятнадцать, у вас нет прыщей, и все в порядке с фигурой, а у вашей двери стоит очередь из Ромео. Потому, что рано или поздно, вам будет глубоко за тридцать и жизнь ваша может стать еще более мрачной и бесперспективной.

Проснувшись утром, не от криков петуха, а от заглянувшего в комнату солнца, умывшись и одевшись, я села завтракать, вдруг поняв, что со дня моего появления на полу этой избушки с чемоданом, контрактом и истерикой, прошел ровно год. Поэтому налив в чашку кофе и позволив ей сорваться на ритуальный забег, который моя чашка совершала исключительно из заботы обо мне и моем горле, избавляя меня от самой возможности обжечься, я нарезала себе пирога и устроилась у окошка размышлять о жизни и заказах. В частности я раздумывала о том, что стоило бы в следующий раз включить в список продуктов пару кошачьих консервов для Митрофана, пусть попробует, когда придет в очередной отпуск. Еще я думала о том, вернулся ли из отпуска Кощей и чем мне это грозит. И за всеми этими обыденными размышлениями я даже не сразу осознала, что у меня под окном кто-то настойчиво кричит и в самых нелицеприятных выражениях приглашает выйти на крыльцо. Хорошо еще, что избушку я поставила к лесу задом, а ко всяким приходящим передом и теперь посуда не скакала по всей избе, мешая мне завтракать, а

сама избушка не крутилась на месте в ритме вальса. В окно кричавшего видно не было, видимо он стоял возле калитки, и я решила не обращать на него внимания. Поймет, что его игнорируют и уйдет восвояси, подумала я. Однако пришедший не унимался и даже стал увеличивать громкость своего призыва, видимо полагая, что к нему не вышли только потому, что еще не услышали, как будто такой ор можно не услышать. Голос был мужской, уверенный не только в себе, но и в своей правоте и мне это совсем не нравилось. Посмотрев на свою чашку, которая все еще продолжала свой забег и явно не спешила останавливаться, я все же решила выйти, понимая, что иного способа избавиться от посетителя нет. Оказавшись на крыльце, я зажмурилась от яркого весеннего солнца и от мгновенно воцарившейся тишины. Видимо завидев супостата, рыцарь слегка растерялся от неожиданности. Впрочем, ненадолго.

— А вот и ты ведьма старая, душегубка злостная. Пришел твой час расплаты, — обрадовал меня рыцарь.

Я открыла глаза и присмотрелась. Передо мной в шлеме, кольчуге и с мечом, стоял знакомый до боли Алешенька и смотрел на меня очень недобрым взглядом, без малейшего намека на былые чувства и признаков узнавания. А еще он явно собирался биться со мной по всем правилам богатырского боя.

— Вот мы и выяснили срок действия приворотных яблочек, — подумалось мне.

Второй год моей работы начинался просто замечательно.